

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского государственного университета

Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 3 (18)

2014

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тольяттинский государственный университет»

Ответственный редактор

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Заместители ответственного редактора:

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор

Хачатуров Рудольф Леонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор

Бехруз Хаиматула Набиевич, доктор юридических наук, профессор

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор

Исаев Игорь Андреевич, доктор юридических наук, профессор

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор

Корнич Борис Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Липень Сергей Васильевич, кандидат юридических наук, доцент

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор

Решетов Юрий Сергеевич, доктор юридических наук, профессор

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Сардарян Карен Гекторович, кандидат юридических наук

Сырых Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор

Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Муранова Екатерина Валентиновна

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
И.В. Шмидт

Технический редактор:
Е.В. Муранова

Адрес редакции: 445667, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 22-96-36

E-mail: vn-tgu-pravo@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 30.09.2014.
Формат 60x84 1/8.
Печать оперативная.
Усл. п. л. 6,4.
Тираж 50 экз. Заказ 3-643-14.

Издательство Тольяттинского
государственного университета
445667, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Ответственный редактор

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Заместители ответственного редактора:

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Хачатуров Рудольф Леонович, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия:

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор
(Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», Нижний Новгород, Россия);

Бехруз Хашматула Набиевич, доктор юридических наук, профессор
(Национальный университет «Одесская юридическая академия», Одесса, Украина);

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия);

Исаев Игорь Андреевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина, Россия);

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
(начальник отдела аналитического управления Государственной думы РФ, Москва, Россия);

Корнич Борис Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
(Национальный университет «Одесская юридическая академия», Одесса, Украина);

Липень Сергей Васильевич, кандидат юридических наук, доцент
(Академия МВД Республики Беларусь, Минск, Белоруссия);

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия);

Решетов Юрий Сергеевич, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия);

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
(Самарский юридический институт федеральной службы исполнения наказаний, Россия);

Сардарян Карен Гекторович, кандидат юридических наук
(Российско-Армянский (Славянский) государственный университет, Ереван, Армения);

Сырых Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Академия правосудия РФ, Москва, Россия);

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор
(Академия экономической безопасности МВД Российской Федерации, Москва, Россия);

Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, профессор
(Институт экономики, управления и права, Казань, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД Андреева Наталья Ивановна.....	5
ДИСБАЛАНС В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНФЛИКТА МЕЖДУ ПРАВОМ И МОРАЛЬЮ Белоусов Сергей Александрович.....	8
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА Гогин Александр Александрович.....	11
ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ Исаков Николай Васильевич, Мазуренко Андрей Петрович.....	16
ХАРАКТЕРИСТИКА УСТАВНОЙ КНИГИ РАЗБОЙНОГО ПРИКАЗА Карханина Людмила Владимировна.....	20
МЕСТО СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ Кустов Юрий Андреевич, Лившиц Юрий Анатольевич.....	22
ПРОБЛЕМА ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ: НА ПРИМЕРЕ ОЦЕНКИ ВЫСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В ГОДЫ ВОВ Оспенников Юрий Владимирович.....	25
ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ БИОМЕДИЦИНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Романовская Ольга Валентиновна, Безрукова Олеся Владимировна.....	28
ПРАВО И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БИОМЕДИЦИНЫ Романовский Георгий Борисович, Безрукова Олеся Владимировна.....	31
ОШИБКИ В НОРМОТВОРЧЕСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОНИМАНИЯ И ОЦЕНКИ Ромашов Роман Анатольевич.....	35
ПРОЕКТ «УКРАИНА» И ЕГО МЕСТО В ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РУССКОГО МИРА Рубаник Владимир Евдокимович.....	39
ЧУВСТВО ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ ПРАВОПОРЯДКА Рудковский Виктор Анатольевич.....	44
ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПРАВЕ КАК ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ Суменков Сергей Юрьевич.....	48
ФИНАНСОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Хаснутдинов Ренат Рафаильевич.....	51
Наши авторы.....	54

DEVELOPMENT OF FAMILY LAW IN THE SOVIET PERIOD Andreeva Natalia Ivanovna.....	5
DISBALANCE IN LEGAL SYSTEM THROUGH CONFLICT BETWEEN LAW AND MORALITY Belousov Sergey Aleksandrovich.....	8
ISTORKO-LEGAL ASPECTS OF MILITARY REFORM THE SECOND HALF OF XIX CENTURY Goghin Alexander Aleksandrovich.....	11
LAW-MAKING POLICIES OF THE EXECUTIVE POWER: THE PROBLEM Isakov Nikolai Vasilyevich, Mazurenko Andrei Petrovich.....	16
CHARACTERISTIC OF THE AUTHORIZED BOOK OF THE THUGGISH ORDER Karhanina Lyudmila Vladimirovna.....	20
THE PLACE OF SOCIAL RESPONSIBILITY IN THE SOCIO-CULTURAL COMPETENCE OF FUTURE SPECIALISTS Kustov Yuriy Anatolyevich, Livshits Yuriy Anatolyevich.....	22
PROBLEM OF FALSIFICATION OF HISTORY: ON THE EXAMPLE OF THE ASSESSMENT OF EVICTION OF THE PEOPLE IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR Ospennikov Yuri Vladimirovich.....	25
LAW-MAKING POLICY IN THE FIELD OF BIOMEDICINE IN THE RUSSIAN FEDERATION Romanovskaya Olga Valentinovna, Bezrukova Olesya Vladimirovna.....	28
LAW AND CONTEMPORARY PROBLEMS BIOMEDICINE Romanovsky George Borisovich, Bezrukova Olesya Vladimirovna.....	31
RULEMAKING ERRORS: THEORETICAL GROUNDS OF UNDERSTANDING AND EVOLUTION Romashov Roman Anatolevich.....	35
PROJECT “UKRAINE” AND ITS PLACE IN THE PUBLIC-POLITICAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN WORLD Rubanik Vladimir Evdokimovich.....	39
THE SENSE OF RESPONSIBILITY AND THE OBJECTIVITY OF THE LEGAL ORDER Rudkovsky Victor Anatolievich.....	44
EXCEPTIONS WITHIN LAW AS EVALUATIVE CONCEPTS Sumenkov Sergey Yurievich.....	48
FINANCIAL RESPONSIBILITY AS ELEMENTS OF LEGAL LIABILITY Hasnutdinov Renat Rafailevich.....	51
Our authors.....	54

Н.И. Андреева, магистрант кафедры «Гражданское право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье дается комплексный историко-правовой анализ и обобщение основных закономерностей становления и развития отечественного семейного права в советский период. Рассматриваются кодексы семейного права, изданные в советский период (1918 г., 1926 г., 1969 г.), а также ряд правовых актов регулирующих имущественные и личные неимущественные отношения между супругами, родителями и детьми, порядок заключения и расторжения брака, установления и взыскания алиментов, усыновления и принятия детей в семью на воспитание.

Ключевые слова: семейное право, брак, развод, дети, алименты, история, советский период.

Сразу же после Октябрьской революции 1917 года были проведены две важнейшие реформы семейного законодательства, на основе декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 года «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» [1] и декрета от 19 декабря 1917 года «О расторжении брака» [2].

Согласно разделу 2 главы 1 ст. 52 Декрета от 18 декабря 1917 года «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в Отделе записей актов гражданского состояния, порождал права и обязанности супругов. Брак, совершенный по религиозным обрядам и при содействии духовных лиц, не порождал никаких прав и обязанностей для лиц, в него вступивших, если он не был зарегистрирован установленным порядком. При этом церковные и религиозные браки, заключенные до 20 декабря 1917 г. сохраняли юридическую силу зарегистрированных браков.

Брачный возраст определялся для женского пола в 16, а для мужского пола - в 18 лет (раздел 2 глава 2 ст. 66 Декрета от 18 декабря 1917 года «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния»). Вступающие в брак должны были быть в здравом уме. Запрещались браки для лиц, уже состоящих в браке. Не могли вступать в брак между собою родственники по прямой восходящей и нисходящей линии, полнородные и неполнородные братья и сестры. Препятствием к браку между родственниками служило всякое, в том числе и внебрачное, родство. Заключение брака было возможно только при наличии взаимного согласия вступающих в брак лиц (раздел 2 глава 2 ст. 67-70 Декрета от 18 декабря 1917 года «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния»).

Важным положением, содержащемся в этом декрете, было уравнение в правах детей родившихся от лиц, состоящих в зарегистрированном браке между собой и внебрачных детей. Отцом и матерью ребенка считались лица, записанные родителями в книге записей рождений. При отсутствии записи о родителях, неправильно или неполноте ее, заинтересованным лицам предоставлялось право доказывать отцовство и материнство в судебном порядке. При этом забеременевшая и не состоящая в браке женщина не позднее как за 3 месяца до родов могла подать заявление в местный Отдел записей актов гражданского состояния по своему месту жительства, указывая время зачатия, имя и место жительства отца. Такое же заявление могло быть подано и состоящей в браке женщиной, если зачатый ею ребенок происходил не от ее мужа. Затем о поступившем заявлении Отдел записей актов гражданского состояния извещал лицо, названное в заявлении отцом, и последнему предоставлялась в двухнедельный со дня получения извещения срок возбудить судебный спор против матери о неправильности ее заявления. Невозбуждение спора в указанный срок приравнивалось к признанию ребенка своим. Суд, выносил определение о признании его отцом, постановляя при этом участия его в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка (раздел 3 глава 1 ст. 133-143 Декрета от

18 декабря 1917 года «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» [1].

На основании ст. 1-2 Декрета от 19 декабря 1917 «О расторжении брака», брак расторгался вследствие просьбы обоих супругов или, хотя бы, одного из них. Означенная просьба подавалась, согласно правилам о местной подсудности, в местный суд. При разводе по взаимному согласию супругов предусматривалась внесудебная процедура развода, заявление о расторжении брака подавалось в Отдел записей браков, в котором хранилась запись о заключении данного брака, данный отдел заносил в книгу запись о расторжении брака и выдавал свидетельство [2].

Вопросы о том, с кем останутся проживать несовершеннолетние дети, о выплате средств на их содержание, а также об алиментах бывшей жене решались по соглашению между супругами. При отсутствии соглашения эти вопросы рассматривались судом. Важно отметить, что право на содержание в тот период признавалось только за женой, но не за мужем [3, с. 63-64].

22 октября 1918 года был принят первый семейный кодекс, именуемый Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Он регламентировал личные неимущественные права супругов. К таким правам относилось право выбора брачной фамилии мужа (жениха) или жены (невесты). Если при разводе между супругами не было соглашения относительно будущей фамилии каждого из них, то разведенные супруги сохраняли свою добрачную фамилию. Родительские права предоставлялись родителям в отношении детей мужского пола до достижения ими 18 лет, женского пола до 16 лет. Родительские права надлежало осуществлять совместно. Все мероприятия в отношении детей при согласии родителей предпринимались ими обоими, а при отсутствии согласия - местным судом. Если родители совместно не проживали, то от их соглашения зависело, с кем будут проживать несовершеннолетние дети.

Согласно Кодексу законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, брак не создавал общности имущества супругов, муж не имел права пользоваться и управлять имуществом жены и не мог получить такого права по брачному договору. Учитывая, что режим раздельности не давал женщине, не работающей вне дома, никаких прав на имущество семьи, запрещение изменить его путем брачного договора существенно нарушало интересы таких женщин.

Супруги в соответствии со ст. 63 Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (КЗАГС РСФСР), 1918 г. имели право на содержание. Дела об алиментах рассматривались отделами социального обеспечения. Нуждающийся, т.е. не имеющий прожиточного минимума, и нетрудоспособный супруг имел право на получение содержания от другого супруга, если последний был в состоянии оказывать ему поддержку [4, с. 202].

В 1926 г. был принят Кодекс законов РСФСР о браке, семье и опеке, который в соответствии с ст. 2 устанавливал порядок и условия вступления в брак, регулировал личные и имущественные отношения, возникающие в

семье между супругами, между родителями и детьми, между другими членами семьи, отношения, возникающие в связи с усыновлением, опекой и попечительством, принятием детей на воспитание, порядок и условия прекращения брака, порядок регистрации актов гражданского состояния [5].

Кодекс законов РСФСР о браке, семье и опеке 1926 г. признал юридическую силу за сожительством, ввел режим общей супружеской собственности, установил единый брачный возраст в 18 лет, вернул в практику усыновление, связал алиментными правами и обязанностями родителей и детей, супругов, братьев и сестер, иных членов семьи.

Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г. отменил судебный порядок расторжения брака, все разводы оформлялись через органы загса. Расторжение брака допускалось как по совместному, так и по одностороннему заявлению супруга - он мог единолично расторгнуть брак и получить свидетельство о разводе, а второго супруга загс лишь ставил в известность о разводе [6, с. 21].

Важным новшеством Кодекса 1926 г. по сравнению с 1918 г. была замена режима раздельного супружеского имущества режимом общности. Необходимость этой меры обосновывалась тем, что принцип раздельности не давал женщинам, не имевшим самостоятельного источника доходов и занятым ведением домашнего хозяйства, права на имущество семьи. Поскольку все это имущество приобреталось на доходы мужа, оно считалось его раздельной собственностью. Учитывая, что большинство женщин в то время находились именно в таком положении, они оставались ни с чем [4, с. 205].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» было установлено, что государственное пособие выдавалось многодетным матерям, имевшим двух детей, при рождении третьего и каждого следующего ребенка. Ежемесячное пособие многодетным матерям выплачивалось, начиная со второго года рождения ребенка до достижения им пятилетнего возраста. Устанавливалось государственное пособие одиноким матерям (не состоящим в браке) на содержание и воспитание детей, родившихся после издания данного Указа. Государственное пособие одиноким матерям выплачивается до достижения детьми возраста шестнадцати лет (учащимися, не получающими стипендии, - восемнадцати лет). Одиноким матерям, имеющим четырех и более детей, государственное пособие выплачивалось дополнительно к пособию по многодетности. При вступлении одинокой матери в брак право на пособие сохранялось. Плата за содержание детей в детских садах и яслях для родителей, имевших четырех и более детей, снижается на 50% независимо от размера заработка.

Этим же Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года был учрежден орден «Материнская слава» I, II и III степени для награждения матерей, родивших и воспитавших: семь детей - орденом III степени; восемь детей - орденом II степени; девять детей - орденом I степени.

Матери, родившие и воспитавшие десять и более детей, присваивалась высшая степень отличия - звание «Мать-героиня» с вручением ордена «Мать-героиня» и грамоты Президиума Верховного Совета СССР. Награждение орденами «Материнская слава» и медалями «Медаль материнства» и присвоение звания «Мать-героиня» производится по достижении последним ребенком возраста одного года и при наличии в живых остальных детей этой матери.

При награждении матери учитывались также дети: усыновленные матерью в установленном законом порядке; погибшие или пропавшие без вести при защите

СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы, либо при выполнении долга гражданина СССР по спасению человеческой жизни, по охране социалистической собственности и социалистического правопорядка, а также умершие вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных при указанных обстоятельствах, либо вследствие трудового увечья или профессионального заболевания.

С другой стороны, поощряя многодетность, государство установило специальный налог для холостых, одиноких и малосемейных граждан. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года было установлено, что налог обязаны были уплачивать граждане, не имеющие детей, мужчины в возрасте свыше 20 и до 50 лет и женщины в возрасте свыше 20 и до 45 лет. При этом, от обложения налогом освобождались: военнослужащие рядового, сержантского и старшинского состава; военнослужащие офицерского состава войсковых частей и учреждений, входящих в состав Действующей армии и Действующего флота; жены военнослужащих; женщин в возрасте до 25 лет; инвалиды I и II групп инвалидности; Герои Советского Союза и лица, награжденные орденом Славы трех степеней и некоторые другие отдельные категории граждан [7].

Мерой, предусмотренной пунктом 3 Указа от 14 марта 1945 года «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке» стало постановлено, что в случае вступления матери в зарегистрированный брак с лицом, от которого она ранее родила ребенка и которое признает себя отцом ребенка, ребенок приравнивался во всех отношениях к детям, родившимся в зарегистрированном браке. Ему присваивалось отчество по имени отца и с обоюдного согласия родителей фамилия отца [8].

В 1969 г. был принят Кодекс о браке и семье РСФСР. Кодекс установил порядок и условия вступления в брак, регулировал личные и имущественные отношения, возникающие в семье между супругами, между родителями и детьми, между другими членами семьи, отношения, возникающие в связи с усыновлением, опекой и попечительством, принятием детей на воспитание, порядок и условия прекращения брака, порядок регистрации актов гражданского состояния (ст. 2 КоБС РСФСР).

В соответствии со ст. 1. Задачами Кодекса о браке и семье РСФСР являлись:

- дальнейшее укрепление советской семьи, основанной на принципах коммунистической морали;
- построение семейных отношений на добровольном брачном союзе женщины и мужчины, на свободных от материальных расчетов чувствах взаимной любви, дружбы и уважения всех членов семьи;
- воспитание детей семьей в органическом сочетании с общественным воспитанием в духе преданности Родине, коммунистического отношения к труду и подготовка детей к активному участию в строительстве коммунистического общества;
- всемерная охрана интересов матери и детей и обеспечение счастливого детства каждому ребенку;
- окончательное устранение вредных пережитков и обычаев прошлого в семейных отношениях;
- воспитание чувства ответственности перед семьей.

Согласно ст. 5 КоБС государство в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике проявляло заботу о семье путем создания и развития широкой сети родильных домов, детских яслей и садов, школ - интернатов и других детских учреждений, организации и совершенствования службы быта и общественного питания, выплаты пособий по случаю рождения ребенка, предоставления пособий и льгот одиноким матерям и многодетным семьям, а также других видов пособий и помощи семье.

Охрана интересов матери и ребенка в РСФСР обе-

спечивалось специальными мерами по охране труда и здоровья женщин, созданием условий, позволяющих женщинам сочетать труд с материнством; правовой защитой, материальной и моральной поддержкой материнства и детства, включая предоставление женщинам отпусков по беременности и родам с сохранением содержания и других льгот беременным женщинам и матерям (ст. 5 КоБС РСФСР) [9].

Основные положения КоБС РСФСР:

- было сохранено признание юридической силы только за зарегистрированным браком;
- был сохранен режим общей совместной собственности супругов и закреплен принцип равенства долей супругов в общем имуществе;
- появились отдельные нормы о личной собственности каждого из супругов;
- было предоставлено право на получение алиментов жене в период беременности и в течение полутора лет после рождения ребенка;
- КоБС предусмотрел два способа расторжения брака: судебный и административный (в загсе);
- было предусмотрено добровольное и судебное установление отцовства [10, с. 27].

Современное семейное законодательство регулируется Семейным кодексом РФ (СК РФ), федеральными законами в сфере семейного права, указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ, нормативными правовыми актами федеральных органов власти и субъектов РФ, содержащими нормы, регламентирующие семейные отношения.

Таким образом, в советский период семейное право регулировалось Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (КЗАГС РСФСР) (1918 г.), Кодексом законов о браке, семье и опеке (КЗоБСО РСФСР) (1926 г.), Кодексом законов о браке и семье (КоБС РСФСР) (1969

г.). Применялись также Декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» (1917), «О расторжении брака» (1917 г.), Указы Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» (1944 г.), Указы «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке» (1945 г.), Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (1980 г.) и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. СУ РСФСР. 1917. N 11. Ст. 160.
2. СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152.
3. Антокольская М. В. Семейное право : учебник. Изд. 2-е. М. : Юристъ, 2003. 333 с.
4. Калугина М. Н. Сравнительная характеристика правового регулирования брака с 1918-го по 1969 г. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2005. Вып. 49. С. 202-215.
5. СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.
6. Инюкина С. А. Эволюция института расторжения брака в советский период развития Российского государства // Общество и право. 2008. № 3. С. 19-24.
7. Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.
8. Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 15.
9. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.
10. Муратова С. А. Семейное право : учебник. 2-е изд. М. : Эксмо, 2005. 448 с.

DEVELOPMENT OF FAMILY LAW IN THE SOVIET PERIOD

© 2014

N.I. Andreeva, graduate of the Department «Civil Law and Procedure»
Togliatti state University, Togliatti (Russia)

Annotation: This article provides a comprehensive historical and legal analysis and generalization of formation and development of the native family law in the Soviet period. We consider codex of family law, published in the Soviet period (1918, 1926, 1969), as well as a number of legal acts regulating property and personal non-property relations between spouses, parents and children, the order of marriage and divorce, and the establishment of penalties alimony, adoption and children in foster care.

Keywords: marriage, family, history, the Soviet period.

С.А. Белоусов, кандидат юридических наук, доцент, проректор по науке
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов (Россия)

Аннотация: Актуальность темы статьи определяется важностью согласованного взаимодействия права и морали для достижения единой цели - упорядочивания общественных отношений. Отмечается обострившийся в современной России конфликт между моральными и правовыми нормами. Делается вывод о том, что правосознание россиян находится в глубоком кризисе, рассматриваются его деформированные формы. Анализируются пути повышения уровня правовой культуры населения, с учетом особенностей национальной ментальности.

Ключевые слова: законодательный дисбаланс, дисбаланс в правовой системе, мораль, правосознание, правовая культура, правовой менталитет, правовой нигилизм, правовой идеализм.

Рассматривая кризисные тенденции в российском праве, в качестве одной из таковых следует назвать нарушение баланса правовых и неправовых методов регулирования. Об этом говорит, в частности, Н.А. Власенко, имея в виду предпринимательские в последнее время попытки заменить правом мораль и другие социальные регуляторы, когда последние оказываются бессильны в воздействии на какой-либо аспект общественных отношений [1, с. 40]. В этом можно согласиться с ученым, поскольку, действительно, у каждого из регулирующих средств, в том числе и у права, должна быть своя сфера действия. И когда один из регуляторов не ввиду объективных, внутренних причин, а под воздействием внешних сил вторгается на территорию другого, то его значимость нивелируется, а дисбаланс не только не устраняется, но, напротив, усиливается и перерастает в новые формы.

В литературе вопросы соотношения (взаимодействия и противоречия) права и морали, которые чаще всего и образуют суть рассматриваемой формы дисбаланса, рассматривались довольно подробно [2, 3, 4].

Сложно переоценить важность соблюдения в обществе баланса между правом и моралью. Его основу составляет, прежде всего, их взаимодействие, плодотворное сотрудничество, поскольку только в своем единстве право и мораль могут эффективно выполнять общую для них миссию — регулировать человеческие отношения, противостоять хаосу, беспорядку и беззаконию. Тесная взаимосвязь рассматриваемых социальных феноменов выражается и в том, что ни в одном обществе не может существовать такая ситуация, когда мораль находится в упадке, а право безупречно, и наоборот. Как писал еще Платон, «... нарушение законов причиняет именно тот вред, что мало-помалу внедряясь, потихоньку проникает в нравы...» [5, с. 115].

Г.В. Мальцев, рассуждая на эту тему, отмечал, что «социально-историческое и культурное развитие человечества гораздо больше говорит нам о единстве и близости права и морали, чем об их противоположности» [6, с. 106]. Другими словами, с чем борется право, как правило, осуждается и моралью. В большинстве случаев верно и противоположное утверждение: то, что разрешает и поощряет право, обычно приветствует и мораль.

Между тем, баланс права и морали, как бы парадоксально это ни звучало, не предполагает полного отсутствия противоречий между данными социальными регуляторами. Более того, они совершенно неизбежны ввиду имеющихся между ними естественных различий (в областях регулируемых отношений, гарантиях реализации норм, мотивах их соблюдения, степени динамичности изменений и т.д.).

Конфликт между правом и моралью, существующий на протяжении всей человеческой истории (о возможности существования несправедливых, аморальных законов размышлял еще Марк Аврелий [7]), в нашей стране особенно обострился в постсоветский период. Распад СССР, резкое нивелирование всех ценностей, которые считались наивысшими на протяжении 70 лет, последовавший за этим рост преступности и беззакония (так

называемые «лихие девяностые») — все это подорвало доверие населения к власти и ко всему, что от нее исходило, в том числе и к праву. Законы принимались, но не действовали, на бумаге защищали простых граждан, а на деле были направлены на удовлетворение интересов крайне ограниченного круга лиц. Люди утратили веру в то, что в нормативных правовых актах заложены хоть какие-нибудь крупинки справедливости, что в праве вообще может присутствовать в принципе «нравственное начало». С аксиологической точки зрения в правовой системе России возник дисбаланс, выражающийся в неестественном тотальном, деструктивном по своей природе разрыве между правом и моралью.

Преодолеть сложившийся дисбаланс далеко не так просто, как может показаться. Простое, «насильственное» включение нравственных ценностей и установок в нормативные правовые акты без соответствующей «поддержки» со стороны правоприменения, как справедливо отмечается в литературе, не окажет желаемого эффекта [8, с. 68–72].

Тем не менее, баланс между правом и моралью необходим. Это означает, что закон по своей сути должен быть нравственным, иначе нивелируется его ценностный потенциал, а его реализация основывается не на сознательном выборе свободной личности, а на безальтернативности и вынужденности «подчинения силе», пусть даже и несправедливой. С.С. Алексеев рассматривает моральность права (в первую очередь выражение в нем начала справедливости) как обязательное этическое требование [9, с. 366].

В ряде случаев баланс может означать и установление взаимных ограничений — таким образом, что право и мораль создают свою, локальную систему «сдержек и противовесов». Так, Конституция Российской Федерации в ст. 55 закрепила возможность ограничения прав и свобод человека в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Особенно сложно соблюсти такого рода баланс в деятельности правоохранительных органов. В частности, чрезвычайно тонка грань между неприкосновенностью частной жизни и обоснованными, целесообразными и законными ее ограничениями специальными (оперативно-розыскными) средствами [10, с. 186–191].

Баланс права и морали также выражается в их «взаимопомощи» и «взаимовыручке», что наглядно демонстрирует нам институт аналогии права. Пробел в праве, рассматриваемый нами как отрицательная форма законодательного дисбаланса, преодолевается правоприменителем, базируясь на его правосознании [11, с. 157–160], а значит, по идее, с обязательной «оглядкой» на моральные нормы.

Продолжая наши рассуждения, следует выделить такую чрезвычайно распространенную форму дисбаланса в правовой системе, как несоответствие позитивного права страны и правосознания большинства населения его граждан. Следует всегда помнить о том, что на-

ряду с правом в норме законодателя существует также право в опережающем культурном образе [12, с. 199]. Качественному нормативному правовому материалу в обществе должно соответствовать развитое правосознание его членов, чего, к сожалению, в нашей стране мы констатировать не можем. Более того, деформации правосознания с каждым годом лишь обостряются.

Распространению различных форм деформированного правосознания предшествует разрыв между правовыми и нравственными нормами. Как пишет А.И. Овчинников, нравственные нормы «в обществе автономной морали не предполагаются в качестве общеобязательных — каждый сам для себя решает, что нравственно, а что нет» [13, с. 7]. Его поддерживает и Н.А. Калягина, предостерегая, что гиперболизация особенностей права и морали приводит к правовому нигилизму [14, с. 18]. Между тем, принадлежащие «полю права», т.е. юридические по своей сути ценности свободы, равенства и справедливости не могут считаться полными в отрыве от ценностей высшего порядка — нравственных, духовных основ [15, с. 125]. В результате одна форма дисбаланса в правовой системе (дисбаланс между правовыми и неправовыми методами регулирования) плавно и неизбежно перетекает в другую.

Безусловно, самой опасной из форм деформированного правосознания является правовой нигилизм, поскольку он заключается в активном, категоричном, бескомпромиссном неприятии личностью права и его норм. Раньше распространенным было мнение, что нигилизм характеризует субъектов, неудовлетворенных своим социально-правовым статусом, считающих его неадекватным своим потенциальным возможностям. В современном российском обществе правовой нигилизм постепенно получает распространение и среди состоявшихся, успешных граждан, которые считают себя таковыми не *благодаря* праву, а *вопреки* ему.

Дисбаланс в правовой системе становится особенно очевидным тогда, когда в обществе, несмотря на все усилия законодателя по построению эффективного механизма правового регулирования, совершенствованию нормативно-правового материала и приведению его в соответствие с международными стандартами, все равно отмечается рост правового нигилизма, причем не только среди малограмотного населения, но и в рядах высокообразованных граждан. Это происходит ввиду другого дисбаланса, заключенного уже внутри самих норм, — несоответствия формы и содержания, провозглашенных прав и их реальной обеспеченности. Как отмечается в литературе, международные эксперты оценивают современное российское (постсоветское) законодательство как прогрессивное и демократическое — в целом «на твердую четверку», а за его реализацию, претворение в жизнь ставят «жирную двойку» [16, с. 21]. Декларативность норм, трудности, возникающие при их реализации на практике, «пустота» за «красивой обложкой» подрывают доверие не только к конкретному закону, но и к праву в целом, дестабилизируя правовую систему.

Впрочем, дисбаланс в правовой системе следует констатировать и в случае другой крайности — распространения противоположной правовому нигилизму формы деформированного правосознания — правового идеализма, означающего в упрощенном виде переоценку права. Здесь, напротив, ожидания субъектов завышены, несбалансированны с реальными возможностями права как инструмента воздействия на общественные отношения.

На закон возлагается масштабная, но нереальная, «непреодолимая» миссия — решить все проблемы общества. Между тем право должно занимать в социуме то место и играть в жизни людей ту роль, которая адекватна объективному потенциалу данного института: «... законы сами по себе не могут накормить, одеть, обути людей, улучшить их благосостояние, они могут лишь

способствовать либо не способствовать этому, нечто закреплять, охранять, регулировать, распределять, но не производить. Поэтому уповать только на «скоростное» правотворчество — значит питать юридические иллюзии. Нужны прежде всего социальные, экономические, политические, культурные, организационные и иные меры плюс законы» [17, с. 9].

Н.И. Матузов говорит о правовом нигилизме и правовом идеализме как о «двух сторонах одной медали». У них, по сути, единые источники: «оба эти явления питаются одними корнями — юридическим невежеством, незрелым правосознанием, дефицитом политико-правовой культуры» [18, с. 189]. В рамках нашего исследования важно отметить тот факт, что и правовой нигилизм, и правовой идеализм в равной степени говорят о дисбалансе в правовой системе. Первая форма деформированного правосознания, не соответствующего уровню развития и качеству законодательства в стране, характеризуется откровенным неуважением к нормам права, их неисполнением, нарушением, вторая — наоборот, безоговорочной верой и несбыточными надеждами на исключительность, «чудодейственность» в деле решения социальных конфликтов.

Деформированное правосознание есть следствие дисбаланса в российском правовом менталитете (ментальности). Анализируя постсоветскую правовую систему, В.Н. Синюков еще 20 лет назад отмечал, что отечественное правосознание переживает последствия грандиозного раскола. В российской ментальности то стихает, то разгорается с новой силой борьба разнонаправленных течений: европоцентристского, традиционно-восточного, славянско-православного. Сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать как разрыв единого духовного пространства [12, с. 196].

Спустя два десятилетия мы вынуждены констатировать, что дисбаланс, о котором говорил ученый, по-прежнему никуда не исчез, изменились только «стороны конфликта». Россия более или менее определилась с выбором вектора правового развития, ориентируясь в законодательных новеллах в основном на демократические ценности и идеалы права развитых государств (Европы, США). Но здесь возникает другое противостояние: дело в том, что как верно отмечал В.В. Сорокин, «абсолютизация свободы, свойственная западноевропейскому менталитету, исторически глубоко чужда русскому национальному и религиозному самосознанию» [15, с. 121]. Механическое привнесение даже самых прогрессивных идей на российскую почву без учета особенностей национального менталитета никогда не даст желаемого эффекта. Не прижилась у нас пока (и вряд ли приживется) характерная для американской правовой культуры преувеличенная роль суда в разрешении социальных конфликтов (так называемая «сутяжническая паранойя») [19, с. 176].

Российский менталитет эволюционирует, но дисбаланс в нем присутствует практически постоянно, выражаясь в бесконечных «духовных метаниях» между крайностями: излишне «трепетным» отношением к пережиткам прошлых лет и резкой сменой курса на поистине революционные реформы, для которых еще не подготовлена соответствующая почва; высокой духовностью и абсолютным цинизмом; инфантилизмом и поспешностью в принятии решений.

Таким образом, конфликт между правом и моралью, означающий нарушение баланса между правовыми и неправовыми методами регулирования, в правовой системе зачастую трансформируется в иные виды дисбаланса. Разрыв между нравственными и юридическими нормами приводит к деформациям правосознания, в качестве противоположных форм которого выступают правовой нигилизм и правовой идеализм. Общим в их крайности является явное, категорическое несоответствие правосознания населения уровню развития нормативного правового материала в конкретном государстве, неадек-

ватность оценки реального места и роли права в жизни общества.

Помимо этого конфликт права и морали на глубинном уровне отражается и на российской ментальности, демонстрируя очевидное несоответствие отечественного правосознания по уровню развития западным цивилизациям, что, в конечном счете, приводит к дисбалансу уже более высокого уровня, порождая юридические противоречия интернационального характера — между правовыми системами России и зарубежных государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власенко Н. А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 40-45.
2. Колотова Н. В. Взаимодействие права и морали: взаимодополнительность и конфликт : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 245 с.
3. Абросимова О. К. Взаимодействие права и морали в современном российском обществе : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 192 с.
4. Лукьянова Н. Г. Право и мораль как нормативно-ценностные регуляторы поведения человека : монография. Пенза : РИА-КМВ, 2006. 180 с.
5. Платон. Протагор / пер. В. Соловьев // Аттическая философия. М., 2003.
6. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М. : Изд-во СГУ, 2008. 552 с.
7. Аврелий М. Наедине с собой. Размышления // Философский портал. Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/avr/0.html> (дата обращения: 22.05.2014).
8. Решетняк С. Р. Взаимодействия права и морали в европейской философско-правовой мысли — параллели с российской действительностью // Юридические иссле-

дования. 2013. № 1. С. 68-72.

9. Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 712 с.

10. Маркушин А. Г. Мораль и право в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1. С. 186–191.

11. Ковалев И. А. На стыке правосознания и морали: пробелы в праве и аналогии в правоприменении // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 9. С. 157-160.

12. Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов : Полиграфист, 1994. 496 с.

13. Овчинников А. И. Духовные причины правового нигилизма // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 3. С. 7-13.

14. Калягина Н. А. Модель взаимодействия права и морали в современных российских условиях // Научный поиск. 2012. № 4.2. С. 17-21.

15. Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М. : Юрлитинформ, 2007. 287 с.

16. Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Правовая культура. 2012. № 1. С. 8-24.

17. Матузов Н. И. Правовой идеализм как «родимое пятно» российского общественного сознания // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 3. С. 6-16.

18. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов : СГАП, 2004. 512 с.

19. Петрова Е. А. Специфика права США в рамках семьи общего права // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 2. С. 70-77.

DISBALANCE IN LEGAL SYSTEM THROUGH CONFLICT BETWEEN LAW AND MORALITY

© 2014

S.A. Belousov, Candidate of Law, Associate Professor, Vice-rector on science
Saratov State Law Academy, Saratov (Russia)

Annotation: The topicality of the article is determined by the importance of consistent interaction between law and morality for the achievement of a united goal — regulating of social relations. The worsen in the modern Russia conflict between morality and legal norms is mentioned. The author makes a conclusion that legal consciousness of the Russians is in deep crisis, searches its deformed forms. The ways of level of legal culture of the population's increase, taking into account peculiarities of national mentality are analyzed.

Keywords: legislative disbalance, disbalance in legal system, branch of legislation, system of law, morality, legal consciousness, legal culture, legal mentality, legal nihilism, legal idealism.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

© 2014

А.А. Гогин, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского
и трудового права

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье анализируются отдельные стороны военной реформы, проведенной в России во второй половине XIX века.

Ключевые слова: армия, реформа, война, государство, император, закон, общество, льготы, поражение, результат, министерство, конфликт, критика.

В начале пятидесятых годов XIX века в очередной раз обострились русско-турецкие отношения. Исторически сложившихся причин для конфликтов было достаточно, о чем говорили многочисленные войны прошедших столетий. Одним из поводов, послужившим для открытия боевых действий, явилось то, что Россия добивалась от султанского правительства права защищать своих единоверцев на территории Османской империи и особенно в Палестине.

Когда из Стамбула (Константинополя) последовал категорический отказ, русские войска заняли Молдавию и Валахию. В свою очередь, турецкий султан предъявил правительству Николая I ультиматум с требованием об очищении дунайских княжеств в 15-дневный срок, но, не дождавись его окончания, начал наступление в Закавказье.

Вследствие этого, 20 октября 1853 г. (по старому стилю) император Николай I издал манифест о войне с Турцией, и уже в скором времени в Синопской бухте черноморская эскадра под командованием адмирала П.С. Нахимова полностью уничтожила турецкое военно-морское соединение, обладавшее существенным численным перевесом. Сражение явилось «лебединой песней» отечественного парусного флота, ибо уже фактически наступила эпоха судов с паровыми двигателями, при производстве которых широко применялись сталь, чугун и другие металлы.

Возможное усиление русского влияния на Востоке сильно обеспокоили европейские державы и, прежде всего, Англию, опасавшуюся, что Российская империя, не только завладеет Стамбулом, установив контроль над проливами Босфор и Дарданеллы, но затем своим черноморским флотом вытеснит британское присутствие из Средиземного моря. «Враждебную к России политику Англии поддерживала и Франция, где император Наполеон III, достигший престола путем государственного переворота, искал случая вмешаться в европейские дела и принять участие в какой-либо серьезной войне, чтобы поддержать свою власть блеском и славой победь французского оружия» [1].

Встревоженные победоносным Синопским сражением Англия и Франция ввели объединенный флот в Черное море, явно обнаруживая враждебные намерения против России. В ответ император Николай I отозвал послов из Лондона и Парижа и манифестом от 9 февраля 1854 г. объявил этим странам войну. Позднее к образовавшейся европейской коалиции примкнуло королевство Пьемонт, состоявшее на тот момент из северных итальянских областей и острова Сардиния.

Одновременно, российский самодержец искренне надеялся, если не на прямую поддержку, то хотя бы на дружественный нейтралитет Австрии и Пруссии, но его ждало глубокое разочарование. Австрийские войска стали прямо угрожать ударом во фланг нашей Балканской армии, а прусское правительство отказалось даже дипломатически содействовать своему давнему союзнику.

В последней декаде августа 1854 г. англичане и французы высадили на Крымском полуострове около Евпатории десант первоначальной численностью в 62000 военнослужащих и 207 орудий. Это высококласс-

ная операция была осуществлена благодаря наличию у них современного скоростного, парового флота и почти полной неподготовленности русской стороны. Ни в Севастополе, ни тем более в столице не верили в возможность осуществления такого масштабного маневра многочисленными силами и в крайне сжатый срок.

В Крыму 11 месяцев продолжалась героическая оборона Севастополя, но наиболее крупное сражение сухопутных войск произошло в сентябре 1854 г. на реке Альма, где VI корпус русской армии был разбит, в результате чего из общего количества в 33 тысячи военнослужащих погибли 4 генерала, 193 офицера и 5511 рядовых. Считается, что лишь отсутствие у союзников кавалерийских частей не позволило отступлению превратиться в катастрофу.

Через месяц в жестоком Инкерманском сражении русскую армию постигла очередная серьезная неудача. Действия командования отличались разобщенностью и непоследовательностью, а офицеры даже не имели карт местности, пересеченной глубокими и крутыми оврагами, что крайне затрудняло возможность быстрого передвижения. Поэтому вполне закономерно, что безвозвратные русские потери превысили 10000 человек.

Наиболее точно состояние дел в русской армии характеризует фраза, произнесенная французским маршалом Сент-Арно после сражения на реке Альма: «их тактика отстала на полстолетия». Его слова подтверждает то, что наши колонны, как и десятилетия назад, ходили в атаку сомкнутым строем, в ногу, соблюдая, как на параде, равнение на середину. Ружейный огонь проводился побатальонно и не причинял сколь значительного ущерба противнику. Солдаты умели героически умирать, но не побеждать.

Бессмысленная суровая муштра прошедших десятилетий в корне подорвали энергию и способность российской армии к самостоятельным боевым действиям, где навыки парадного строя оказались совершенно неприемлемыми. Кроме того, вскрылись широко распространенные недостатки: полная дезорганизация системы тылового снабжения войск, явный недостаток инженерных частей, низкое качество медицинского обеспечения больных и раненых.

Весьма отрицательно на боеспособности войск отразилось плачевное состояние путей сообщения, поскольку из центральной части страны на юг не были проложены не только железные, но и шоссейные дороги. Оружие, боеприпасы, снаряжение и продовольствие доставлялись гужевым транспортом. При этом масса лошадей и волов погибала из-за отсутствия кормов и недостатка питьевой воды.

В свою очередь, военнослужащим также приходилось проделывать тысячеверстные пешие марши, что, безусловно, негативно отражалось на их физическом и моральном состоянии, приводило к болезням и значительному числу не боевых, безвозвратных потерь.

В тоже время французские соединения, участвовавшие в Крымской войне, прошли тяжелые африканские походы, покоряли Алжир, Марокко и Тунис, закалились в горах и пустынях. В войсках императора Наполеона III не только генералы, но и все офицеры обладали ши-

рокой инициативой, отличались активным стремлением к поиску выхода из сложной ситуации и принятием неординарных решений.

Через несколько лет 24 июня 1859 г. в битве при деревне Сольферино, на итальянских полях, именно эти французские дивизии, поддержанные союзной армией королевства Пьемонт и Сардинии, наголову разгромили австрийские войска, законсервировавшиеся в рутине муштры и плацпарадов.

Между тем, в Российской империи совершенно не признавалось, что у нее есть пехотные и кавалерийские части, владевшие соответствующим для того времени передовыми и бесценными знаниями ведения боевых действий. Это Кавказская армия, за плечами которой остались пятьдесят лет суровой и кровопролитной войны.

С одной стороны, она хорошо знала горечь потерь и отступлений; с другой, ее знаменовали победы над персидскими и турецкими войсками, а также выигранные бесчисленные жестокие схватки с воинственными горцами в дагестанских горах и чеченских лесах. «Ее не коснулись гатчинские вахтпарадные эспантоны, ее не осквернили шпицрутены военных поселений, ее бессмертный дух не стремились угасить плацпарадной фикцией «линейного учения». Горсть русских офицеров и русских солдат, не стесняемая тлетворным рационализмом доморощенной пруссачины, показала здесь, на что способен русский офицер, что может сделать русский солдат», - подчеркивал историк-эмигрант первой волны А.А. Керсновский [2].

Однако, в петербургских министерских кабинетах, в академии Генерального штаба и военных учебных заведениях этот опыт не учитывался, не подвергался анализу и какому-либо глубокому изучению. Как правило, различные столичные ревизоры, приезжавшие на Кавказ, в своих докладах подвергали критике несоблюдение армейцами формы одежды, плохой строевой шаг, неумение солдатами выдерживать интервал и дистанцию.

В военную науку ничего не внесли любимцы и выдвиженцы императора Николая I: военный министр генерал от кавалерии князь А.И. Чернышов, генерал-фельдмаршал князь М.С. Воронцов, генерал-фельдмаршал князь И.Ф. Паскевич, адмирал князь А.С. Меншиков, генерал от артиллерии князь М.Д. Горчаков. В молодые годы они отличались личной храбростью и мужеством, но с годами заостенели по достижению высоких званий, почестей и должностей. В сущности, самые высшие армейские чины николаевской эпохи стали тормозом на пути военного прогресса.

Крымская война или, как ее называли в Европе, Восточная закончилась для России крайне неудачно. Она вскрыла перед обществом и государством многочисленные проблемы, характеризующие отсталость империи во всех сферах социальной жизни и, прежде всего, показала реальное состояние вооруженных сил и экономики.

Так, архаичные военные заводы, основанные на примитивной технике и ручном труде, при практически полном отсутствии паровых машин в среднем производили в год для сухопутных и военно-морских сил 100-120 орудий при втрое большей надобности и 50-70 тыс. винтовок и пистолетов, хотя их потребность во время войны возросла многократно. Техническую отсталость нашей страны характеризует и тот факт, что весь российский флот на Балтийском и Черном морях состоял из 115 судов, из них только 24 представляли собой пароходы, а объединенный англо-французский флот насчитывал 454 боевых корабля, включая 258 пароходов.

Известный либеральный историк и публицист второй половины XIX века Г.А. Джаншиев отмечал, что «богатая отдельными примерами военной доблести эта кровавая и бесплодная эпопея обнаружила в печальном свете, как бесчисленные недостатки военной организации, так и всей старой системы управления, основанной

на чиновничьей опеке, на полном порабощении общественной самостоятельности, гласности и свободы слова, на самодовольном охранении всего существующего, начиная от народных суеверий и кончая таким краеугольным камнем старого государственного строя, как крепостное право» [3].

Николай I скончался 18 февраля 1855 г. до завершения войны, приказав отправить в Москву, Киев и Варшаву телеграммы следующего содержания: «Император умирает и прощается со всеми». Наследнику престола цесаревичу Александру он сказал: «Сдаю тебе команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал, оставляя тебе много трудов и забот».

Фактически, уходящий монарх признал печальные итоги своего правления, дипломатическую изоляцию России на международной арене и крах химерических идей Священного союза, приведших нашу страну в политический, экономический и социальный тупик.

Для нового императора Александра II и его окружения первоочередная задача состояла в том, чтобы выйти из неудачного и затянувшегося военного противостояния с наименьшими потерями. В этот период главным начальником Третьего отделения, шефом жандармов и командующим императорской главной квартирой являлся герой Отечественной войны 1812 г., участник zahraniчных походов и других сражений, блестящий дипломат, генерал от кавалерии граф А.Ф. Орлов. Представляя отчет о положении дел в стране и на международной арене за 1855 г., он твердо советовал Александру II заключить мир.

В своем докладе граф подчеркивал, что «война чрезвычайно тягостна для России: рекрутские наборы, ополчение, остановившаяся торговля умножают нужды и бедность, и хотя русские готовы переносить и дальнейшие бедствия, но если бы правительство, сохраняя твердость и свое достоинство, достигло мира на условиях честных, то это было бы общою радостью в империи».

Именно этот государственный деятель в феврале-марте 1856 г. возглавлял российскую делегацию на Парижском конгрессе. Умело используя противоречия между членами англо-франко-турецкой коалиции, А.Ф. Орлов сумел добиться смягчения для России мирных условий. На родине за выполнение столь важной дипломатической миссии его возвели в княжеское достоинство, а французское правительство наградило орденом Почетного легиона.

18 марта 1856 г. в столице Франции был подписан Парижский мирный договор. По нему Россия получила обратно Севастополь, но возвратила Османской империи крепость Карс, взятую на Кавказе. Черное море объявлялось нейтральным, наша страна лишилась права держать на нем военный флот и обязалась не возводить укреплений на побережье. Восточные христиане перешли под покровительство всех европейских держав.

Теперь перед Российской империей, самодержцем и правительством в полном объеме встали грандиозные задачи по решению копившихся десятилетиями проблем и кардинальному изменению общества. Поэтому военную реформу необходимо рассматривать в комплексе с иными мероприятиями подобного рода во всех социально значимых сферах: перестройка судебной системы, земского и городского самоуправления, цензуры, университетского образования, но вершиной преобразований явился Манифест от 19 февраля 1861 г., ставший эпохальным актом исторического значения.

С момента его обнародования миллионы крестьян обрели возможность выйти из крепостного положения, поскольку объявлялись лично свободными гражданами, получившими многие права, предоставленные имперскими законами, в том числе и право собственности. Однако, как справедливо отмечал В.О. Ключевский, «Имп. Александр II совершил великую, но запоздалую реформу России: в величии реформы – великая историческая заслуга императора; в запоздалости реформы –

великое историческое затруднение русского народа» [4].

Несмотря на различные противоречия и проблемы, реформы второй половины XIX века открыли простор для бурного развития капитализма, способствовали выдвиганию на политическую, экономическую, военную и общественную сцену инициативных, одаренных людей, способных без страха и оглядки назад брать на себя ответственность за состояние вверенных им дел.

Позитивным фактом явилось то, что с 1862 г. впервые за всю отечественную историю в газетах стал публиковаться государственный бюджет, содержащий полные сведения о составе и суммах государственных доходов и расходов. Это дало возможность не только отдельным специалистам, но и всем заинтересованным лицам в стране знать реальное состояние дел в сфере финансов, в том числе связанными с содержанием военной инфраструктуры.

В области военной политики соответствующие преобразования не были одномоментным мероприятием, а представляли собой ряд последовательных и целенаправленных действий, длившихся многие годы, поэтому их, весьма условно, можно разделить на два этапа. Первый представлял собой лишь частичные изменения, вносимые в организационную структуру прежней армии николаевской эпохи, объективно уходящей в историю. Второй – создание вооруженных сил современного образца, призванных в перспективе качественно и эффективно решать встающие перед ними задачи по защите интересов Российской империи на различных театрах военных действий.

На первом этапе еще осенью 1855 г., после падения Севастополя, была учреждена «Комиссия для улучшения по воинской части». Ее возглавил генерал граф Ф.В. Ридигер. Цели, поставленные перед комиссией, фактически определялись настоятельными требованиями текущего дня: а) снижение бремени огромных военных расходов, поглощавших больше половины государственного бюджета; б) количественное уменьшение армейских формирований, штабов и тыловых служб; в) вместе с тем, сохранение боевых качеств сокращаемой армии.

Так, на 1 января 1856 г. сухопутные вооруженные силы насчитывали 37 тысяч офицеров и 2266000 нижних чинов. Кроме того, во время Крымской войны армию пополнили 866000 рекрутов и 215000 призванных из запаса бессрочно отпускных, что позволило сформировать 11 резервных пехотных дивизий и два корпуса – Гвардейский резервный и Балтийский.

На основании положений коронационного Манифеста 1856 г. император Александр II отменил рекрутские наборы на три года, а срок действительной военной службы для нижних чинов сократил с 19 лет до 15 лет [5]. Затем в бессрочный отпуск и в отставку из армии были отправлены 490000 военнотружущих и расформированы 4 резервные дивизии. В последующие годы очередные рекрутские наборы не возобновлялись, а солдаты, выслужившие свой срок службы, сразу подлежали увольнению.

Второй период военных реформ и все последующие армейские преобразования неразрывно связаны с именем генерала Д.А. Милютин. Исследователями его личность оценивается неоднозначно, но в качестве руководителя военного ведомства он прошел с императором Александром II почти весь путь его правления. Собственную позицию о необходимых переменах министр изложил императору в ежегодном докладе, представленном 15 января 1862 г. Прежде всего, требовалось реорганизовать слишком дорогостоящий и неэффективный высший армейский аппарат управления, уменьшить его состав и значительно сократить общий срок службы. Последнее позволяло иметь в запасе большое число подготовленных резервистов.

Значительное место в докладе уделялось необходимости создания территориальных органов армейского

управления – военных округов. Среди других наиболее существенных проблем министр назвал вопросы реорганизации системы военного образования, строительства казарм и укрепления государственных границ. Безусловно, самое пристальное внимание уделялось ускоренному перевооружению пехоты нарезным оружием и оснащению артиллерии новыми видами орудий.

По мнению Д.А. Милютин, в комплексе это позволило бы решить две, на первый взгляд, прямо противоположные задачи: сократить военные расходы и увеличить боевую мощь вооруженных сил страны. Действительно, уже к концу 1862 г. армия насчитывала лишь 800 тыс. человек, а материальные и финансовые расходы на ее содержание значительно снизились.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на безусловную поддержку со стороны монарха, деятельность министра постоянно подвергалась и серьезной, и далеко не всегда обоснованной критике. В частности, организация военных округов, существующих и поныне, встретило жесткое противодействие. Конфликт возник между людьми не только давно знавшими друг друга, но в предшествующие годы успешно и плодотворно служившими вместе в рядах Кавказского отдельного корпуса, переименованного затем в Кавказскую армию.

Во второй половине 50-х годов ее возглавлял наместник на Кавказе, фельдмаршал князь А.И. Барятинский, давний личный друг императора, а начальником штаба армии являлся генерал Д.А. Милютин. При наместнике, в качестве офицера «для особых поручений», состоял Р.А. Фадеев, сочетавший в себе качества храброго солдата, серьезного исследователя и публициста.

Именно ему главнокомандующий доверил работу над официальной историей взаимоотношений Российской империи с народами Кавказа. В 1860 г. книга «Шестьдесят лет Кавказской войны» вышла в свет и получила широкую известность в стране и за рубежом. Об этом говорит тот факт, что автора избрали действительным членом Русского географического общества.

Затем Р.А. Фадеев издал в 1868 г. труд «Вооруженные силы России», где подверг критике многие направления проводимых реформ и, особенно, систему военных округов, считая ее крайне рискованной [6]. В дальнейшем он подготовил такое исследование как: «Мнение о восточном вопросе»; опубликовал в периодических изданиях статьи: «Переустройство русских сил», «Сомнения насчет нынешнего военного устройства» [7].

Реформы военного министра казались Р.А. Фадееву механическим, некритичным перенесением западной специфики на отечественную почву. Он активно выступал за всесторонний учет национальных особенностей и широкое использование предыдущего российского опыта. Оппонент Д. А. Милютин отстаивал идеи, что в перспективе наша страна должна готовиться не к оборонительной, а к наступательной войне, где ей будут противостоять превосходящие силы коалиции различных государств. Поэтому основное внимание необходимо уделять подготовке резерва, ополчения и не забывать о морально-нравственных началах в деле воспитания солдат.

Р.А. Фадеев излагал не только свои взгляды, но фактически озвучивал позицию князя А.И. Барятинского, ибо по различным вопросам реформ готовил для него тексты докладных записок. Последние, оспаривая почти каждый поступок военного министра, князь регулярно направлял императору. О.В. Кузнецов считает, что «Барятинского волновали вопросы боевой мощи русской армии, но он имел также и личный интерес. В новых условиях, созданных «Положением 17 апреля 1868 г.», в армии не оставалось должности соответствующей его положению, во всяком случае, как он себе представлял. Данное обстоятельство имело далеко не последнее значение и наложило отпечаток на многолетнее противостояние Барятинского (и его сотрудников, к числу которых принадлежал и Фадеев) и Военного

Министерства. Фельдмаршал считал себя обойденным, если не обманутым, и не кем-нибудь, а человеком, который стал министром, благодаря его протекции» [8].

Кроме того, в высших кругах петербургского общества против Д.А. Милютин активно интриговали шеф жандармов граф П.А. Шувалов, граф И.И. Воронцов-Дашков и другие лица. Однако, несмотря на всестороннее давление, император не изменил своего отношения к министру и его реформам, поскольку лично хорошо знал военное дело и его проблемы.

По оценке ряда исследователей отдельные предложения Р.А. Фадеева заслуживали серьезной поддержки, но мысли о наступательном характере будущей войны на европейском театре военных действий вызывали споры и сомнения. Уже в советское время известный специалист в области военной истории П.А. Зайончковский положительно оценивал создание округов.

По его мнению, позитивный момент нововведения заключался в том, что «военный округ сосредоточивал в своих руках все нити как командного, так и военно-административного управления, представляя собой как бы «своеобразное военное министерство» в миниатюре» [9]. Таким образом, складывалась достаточно стройная система местного военного управления, устранялась излишняя бюрократизация и централизация.

Безусловно, не все из задуманного Д.А. Милютиным выдержало испытание практикой и временем, имелись ошибки и заблуждения. Многие начинания не удалось претворить в жизнь по причине общей экономической отсталости народного хозяйства и неспособности государства поднять до должный уровень собственное оборонное производство. Поэтому империя была вынуждена проводить закупки вооружения за рубежом.

В те годы во всех промышленно развитых странах оружейники трудились над созданием различных вариантов винтовок, револьверов и пистолетов. Шел активный поиск оптимальных видов оружия, по своим техническим и баллистическим характеристикам отвечавшим условиям современного боя: идея многозарядной винтовки витала в воздухе.

Так или иначе, в течение двадцати лет, в России проводилось переоснащение сухопутных войск оружием европейских конструкторов: Минье, Карле, Крнка, а затем американским изделием, имевшим скользящий затвор: «скорострельная малокалиберная винтовка Бердана № 2». Хотя к началу русско-турецкой войны 1877-78 гг. требуемая работа не завершилась, но при Д.А. Милютине русская армия стала качественно иной, по сравнению со своей предшественницей.

Существенным образом коренные преобразования коснулись военно-учебных заведений. В частности, изменились программы подготовки высшего офицерского звена в уже существовавших академии Генерального штаба, в Артиллерийской, Инженерной и Медико-хирургической академиях. Учитывая объективные запросы армии, в 1867 г. была образована Военно-юридическая академия. Поскольку потребность в хорошо подготовленных офицерских кадрах постоянно возрастала, кроме военных училищ, возникла сеть юнкерских училищ. К началу русско-турецкой войны 1877-78 гг. в стране насчитывалось 11 пехотных, 2 кавалерийских и 4 казачьих юнкерских училищ, выпустивших к этому времени 11536 человек.

Другим важным направлением в своей деятельности Д.А. Милютин и его единомышленники считали кардинальное изменение законодательной базы, связанной со всеми направлениями военной реформы, что также находило реальную поддержку со стороны Александра II.

29 марта 1867 г. именным высочайшим указом Правительствующему сенату Военно-кодификационная комиссия, созданная еще прежним императором, переименовывалась в Главный военно-кодификационный комитет как высший центральный орган Военного министерства, «главное назначение которого – содейство-

вать Военному совету в усовершенствовании военного законодательства» [10].

Благодаря плодотворной работе данной организации, своевременно вышли в свет необходимые нормативно-правовые акты: «Строевой устав» (1860 г.), «Положение о военно-окружных управлениях» (1864 г.), «Сборник штатов» (1864 г.), «Положение о полевом управлении войск в военное время (1868 г.), «Свод штатов» (1870 г.)» и др.

Отдельное место среди направлений военной реформы являлись преобразования в военно-судебной сфере. В течение короткого времени были разработаны и вступили в действие: «Военно-судебный устав» (1867 г.), «Устав воинский о наказаниях (1868 г.), «Дисциплинарный устав (1869 г.). На основании положений Военно-судебного устава закреплялись три вида военно-судебных инстанций: полковые суды, военно-окружные суды и главный военный суд.

Полковые суды образовывались в каждом соответствующем подразделении и состояли из трех человек: председателя в чине штаб-офицера и двух членов – обер-офицеров. По представлению командира полка они рассматривали дела о проступках нижних чинов, по своей общественной вредности аналогичных тем, что в гражданской жизни подлежали юрисдикции мировых судов.

Военно-окружные суды создавались при военных округах и предусматривали составительность процесса судопроизводства. К их компетенции относились все дела о противоправных деяниях, совершенных генералами, офицерами и гражданскими чиновниками военного ведомства.

Главный военный суд состоял при министерстве и выполнял роль высшей кассационной инстанции. Его председатель и члены назначались лично императором из числа авторитетных и заслуженных генералов. Кроме того, суд был наделен полномочиями по обсуждению различных законодательных проектов и внесению необходимых корректировок и дополнений в военные нормативно-правовые акты.

По сравнению с ранее действовавшими требованиями содержание Устава воинского о наказаниях отличалось более совершенной законодательной техникой и четким изложением правовых норм. Закон закреплял два вида наказаний: уголовные и исправительные.

К числу первых относились: заключение в крепости, ссылка на каторжные работы, поселение с лишением всех прав состояния, смертная казнь. Сурово каралось неповиновение, за что в мирное время полагалось тюремное заключение на срок от 4 до 12 лет, а в военное – расстрел. Тяжкими противоправными деяниями признавались нарушения обязанностей при несении караульной службы, нарушения обязанностей в военное время, дезертирство, должностные преступления.

Наказаниям второго вида подвергались военнослужащие, совершившие менее тяжкие деяния. В отношении офицеров могли применяться такие меры как: временное заключение в тюрьме или крепости с последующим увольнением из армии, содержание на гауптвахте, денежные взыскания, ссылка в Сибирь с увольнением и лишением прав.

Для нижних чинов (рядовой и унтер-офицерский состав) предусматривались следующие меры ответственности: направление в военно-исправительные роты на определенный срок, заключение в военную тюрьму, денежные взыскания, лишение нашивок за беспорочную службу с переводом в разряд штрафников. Однако наиболее значимым, поистине фундаментальным шагом вперед явилось введение в действие с 1 января 1874 г. Устава о воинской повинности [11]. Он формулировал положение, что главным способом комплектования рядового и унтер-офицерского состава являлся призыв по жребию на военную службу молодых людей, достигших двадцатилетнего возраста. Кроме того, разрешалось добровольное поступление на военную службу в качестве

вольноопределяющихся и охотников.

Согласно ст. 17 гл. II «О сроках службы в постоянных войсках и о запасе», общий срок службы в сухопутных войсках определялся в 15 лет, из них 6 лет состояла действительная служба и 9 лет пребывания в запасе. В свою очередь, общий срок службы на флоте определялся в 10 лет, из коих 7 лет - действительной службы и три года - в запасе.

Исключение из правила допускалось только для лиц, направляемых в воинские части, расположенные в Туркестанском военном округе, а также в Семипалатинской, Забайкальской, Якутской, Амурской и Приморских областях. Для них вводился общий 10-летний срок службы, из коих 7 лет приходилось на действительную службу и 3 года в запасе. Это объяснялось значительными трудностями, связанными с доставкой призывников в отдаленные края империи, где отсутствовали какие-либо удовлетворительные пути сообщения.

Российское общество и армейская среда восприняли долгожданный закон спорно и критически. С одной стороны, не вызвала сомнения необходимость сокращения срока несения военной службы. С другой стороны, формально Устав обязывал служить в армии представителей всех классов, социальных слоев и национальностей, ибо в ст. 1 гл. I подчеркивалось: «Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское сословие без различия состояний подлежит воинской повинности».

Однако в реальности закон не обеспечивал введения фактической всеобщей воинской повинности, поскольку его нормы предоставляли очень широкие льготы, связанные с семейным или имущественным положением призывника, а также его образованием. Посредством использования льгот огромное количество подданных империи вообще не подлежали призыву в мирное время, или служили заведомо недостаточный срок, чтобы считаться качественно подготовленным резервистом.

Так, на основании ст. 45 Устава закреплялись три разряда льгот по семейному положению. К первому разряду относились единственно способные к труду сын, брат, внук. Условия второго разряда касались единственно способного к труду сына, при отце, также способном к труду, и братьях моложе 18 лет. Третий разряд составляли лица, у которых старший брат находился по призыву на действительной военной службе или погиб (скончался) при ее исполнении.

В свою очередь, обширную систему льгот по образованию нельзя было сравнить ни с какой-либо европейской страной. Например, по правилам ст. 63 Устава призыву на действительную службу в мирное время не подлежали и сразу зачислялись в запас на 15 лет работники здравоохранения со степенью доктора медицины, магистра ветеринарных наук или фармации, преподаватели государственных средних и высших учебных заведений и лица некоторых других профессий, требующих наличия специального образования.

Для представителей учащейся молодежи соответствующие льготы заключались в получении отсрочки от призыва лицам, обучавшимся в средних и высших учебных заведениях до достижения возраста – от 22 до 28 лет. Затем, в зависимости от уровня полученного образования и профессии для призывников сокращались сроки службы; они вправе были поступать на службу, в том числе вольноопределяющимися.

«Исследователя этого Устава не может не поразить огромный размер льгот по образованию. Введя эти льготы, Д.А. Милютин преследовал благую цель содействовать народному образованию. Однако при этой системе наиболее ценный в интеллектуальном отношении элемент хуже всего был использован (вольноопределяющиеся первого разряда служили всего 6 месяцев – ясно, что из них могли получить лишь посредственные прапорщичьи запаса)», - подчеркивал А.А. Керсновский [12].

Как принципиальный критик военного министра, исследователь отмечал, что в Германии (а затем и во Франции) никто не имел права занимать казенной должности, и даже выборной, не имея чина или звания офицера или унтер-офицера запаса. Через ряды армии там пропускалось все наиболее ценное, что было в стране, и связь общества с армией была действительной и действенной.

По мнению оппонентов, наиболее серьезным недостатком Устава являлось то, что на службу в российскую армию не призывалось население Средней Азии и Туркестанского края, Приморской и Амурской областей, ряда округов Архангельской, Томской, Тобольской и Якутской губерний. Кроме того, положения закона не распространялись на коренное население Северного Кавказа и Закавказья.

В свою очередь, отдельный порядок исполнения воинской повинности предусматривался для коренного населения Великого княжества Финляндского, обладавшего в пределах Российской империи особым статусом. В течение двух десятилетий сохранялись льготы менонитам, переселившимся на территорию России и принявшим русское подданство в 50-60-х гг. девятнадцатого века.

У многих аналитиков не вызывал сомнения тот факт, что совместное прохождение военной службы, так или иначе, выступало бы в качестве действенного средства по сближению и взаимопониманию представителей различных наций и народностей, населявших страну; ознакомлению с обычаями и нравами, элементами истории и культуры. К сожалению, эти справедливые и обоснованные доводы не были приняты во внимание разработчиками Устава.

Выводы:

- при Д.А. Милютине благополучно завершилась более чем полувековая военная деятельность на Кавказе. За сравнительно короткий срок и без серьезных потерь была присоединена Средняя Азия и подавлено польское восстание. Успехом увенчалась не потребовавшая всеобщей мобилизации русско-турецкая война 1877-78 гг. за освобождение Болгарии;

- отличительный аспект, характеризующий все направления военной реформы, состоял в том, что она осуществлялась гласно, доводилась до широкой общественности, обсуждалась в печати и корректировалась в процессе проведения;

- основным законодательным актом военной реформы явился Устав о воинской повинности от 1 января 1874 г.;

- создание сети военных и юнкерских училищ, куда могли поступать юноши вне зависимости от сословия и происхождения, в известной степени служило позитивному изменению социального состава офицерского корпуса;

- вне зависимости от наличия действительно серьезных недостатков в ходе проведения реформы Российская империя получила мобильную и в достаточной мере боеспособную массовую армию;

- Д.А. Милютин стал последним военнотружущим дореволюционной армии, которому в 1898 г. императором Николаем II было присвоено звание генерал-фельдмаршала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трехсотлетие дома Романовых. 1613-1913 : репринтное воспроизведение юбилейного издания 1913 года. М. : Современник, 1990. С. 276.
2. Керсновский А. А. История русской армии : в 4 т. Т. 2. М. : Голос, 1993. С. 115.
3. Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. Т. 1. М. : Территория будущего, 2008. С. 98.
4. Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М. : Правда, 1990. С. 554.
5. О всемирней милости дарования народу милостью

и облегчений по случаю Коронации Его императорского Величества: Манифест. Августа 26 // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXI. Отделение первое. 1856. СПб., 1857. С. 785-798.

6. Фадеев Р. Вооруженные силы России. М., 1868. С. 244.

7. Биржевые ведомости. 1871. № 1, 2, 5, 9, 12, 14.

8. Кузнецов О. В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист.

Волгоград, 1998. С. 37.

9. Зайончковский П. А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., Изд-во Моск. ун-та, 1952. С. 95, 118-119.

10. ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XLII. № 44412.

11. ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. 49. Огд. 1. № 52983.

12. Керсновский А. А. История русской армии. М., 1993. С. 186.

ISTORKO-LEGAL ASPECTS OF MILITARY REFORM THE SECOND HALF OF XIX CENTURY

© 2014

*A.A. Goghin, LL.D., Associate Professor, Professor of Department of Pre-neurial and labor law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

Annotation: The article analyzes the individual aspects of military reform, we carried out in Russia in the second half of the nineteenth century.

Keywords: army reform, the war, the state, the emperor, the law society, the benefits, the defeat, the result, the Ministry of conflict, criticism.

УДК 340.15(470)

ПРАВOTВOPЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

© 2014

Н.В. Исаков, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
«Теории и истории государства и права»

А.П. Мазуренко, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
«Теории и истории государства и права»

Филиал Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске (Россия)

Аннотация: В статье поднимается проблема правотворческой политики органов исполнительной власти. Обосновывается необходимость исследования правотворческой компетенции названных органов и вырабатываемой ими политики в сфере подзаконного нормотворчества. Делается вывод о зависимости правотворческой политики органов исполнительной власти от соответствующей политики Президента РФ и законотворческой политики парламента России.

Ключевые слова: правотворческая политика, правотворческая компетенция, министерства, ведомства, правительство, подзаконное правотворчество.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Политика в области правотворчества самым непосредственным образом связана с деятельностью государства, с механизмом функционирования системы его органов. При этом правотворчество государства охватывает работу не только представительных, но, в значительной степени, исполнительных органов власти. Сегодня можно даже говорить о том, что по сравнению с другими видами, правотворчество органов исполнительной власти играет ведущую роль. Это объясняется и объемом нормативных правовых актов, издаваемых данными органами, и их гораздо более широкими возможностями участия в правотворческом процессе, и наличием высококвалифицированных разработчиков законопроектов, другими ресурсами, позволяющими активно вмешиваться в вопросы нормативного регулирования общественных отношений.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основываются авторы; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Степень разработанности предлагаемой темы необходимо оценивать с позиций комплексного подхода к исследованию проблем правотворческой политики. В первую очередь, это общетеоретическая проблема науки теории государства и права, но ее всесторонний анализ невозможен без обращения к работам специалистов в области конституционного права, политологии, трудам социологов, философов и представителей других отраслей научного знания.

Несмотря на то, что определенная правотворческая политика существовала в Российском государстве всегда, как самостоятельное политико-правовое явление она стала осознаваться только в начале XXI века. Именно

в это время появляются первые научные публикации, начинают защищаться диссертации, предмет которых составляет не правотворчество в целом, его проблемы и перспективы, а именно определенная политика в названной сфере.

Наиболее весомый вклад в разработку проблем правотворческой политики внесли такие известные ученые-правоведы как С.В. Поленина и А.В. Малько, в трудах которых она предстает в качестве важнейшей разновидности единой правовой политики государства, стратегии и тактики в сфере правотворческой деятельности, определяющей вектор ее модернизации на ближайшую и обозримую перспективу.

Следует также обратить внимание на тот факт, что идеи, изложенные в работах названных выше авторов дали мощный творческий импульс и для других исследователей. С каждым годом круг таких ученых становится все шире, а их интерес к вопросам правотворческой политики все глубже. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации, регулярно появляющиеся как в отечественных научных изданиях, так и за рубежом [1], чего не скажешь о проблеме правотворческой политики органов исполнительной власти, не нашедшей пока должного отражения в диссертационных и монографических исследованиях.

Формирование целей статьи (постановка задания).

Целью настоящей статьи является постановка в самых общих чертах теоретических и прикладных проблем правотворческой политики органов исполнительной власти как особой разновидности российской правотворческой политики.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Правотворческая политика – уникальное политико-правовое явление социальной действительности.

Именно она является базовой основой разработки понятия и признаков правотворческой политики органов исполнительной власти. В то же время сложно рассматривать данный феномен в отрыве от таких понятий, как «правотворческая компетенция» [2] и «правотворческая компетенция органов исполнительной власти». Как нам представляется, нельзя понять содержание правотворческой политики органов исполнительной власти, ее характерные признаки, не рассмотрев при этом правотворческую компетенцию этих органов.

Термин «компетенция» своими корнями уходит в римское право. Различные аспекты данного понятия исследовали Ю.А. Тихомиров, А.Е. Штурнев и другие авторы [3]. Однако на теоретическом уровне в отечественном правоведении роль компетенции исполнительных органов власти в разработке правотворческой политики пока не исследовалась. Характерно, что российское законодательство до сих пор нормативно не закрепило единого понятия не только «правотворческой компетенции», но и «компетенции» вообще. При том, что эти термины часто используются в нормативно-правовых актах.

Подобное положение существенно осложняет деятельность управомоченных субъектов по разработке, формированию и реализации правотворческой политики органов исполнительной власти. Так, в современной юриспруденции под компетенцией, в одних случаях, понимается «совокупность юридически установленных полномочий (прав и обязанностей) государственного органа, должностного лица либо органа общественной организации» [4]. В других – существует его более «широкая» трактовка. Как справедливо полагает А.Е. Штурнев, термин «компетенция» объединяет два понятия – «предмет ведения» и «полномочия» [5]. В этом свете представляется, что благодаря такому «объединению», появляется возможность комплексно характеризовать права и обязанности соответствующих субъектов, в частности, показать – каким образом субъекты правотворчества осуществляют свое воздействие на органы исполнительной власти, каковы направления такого воздействия и их пределы.

Понятие «компетенция» является комплексным. Именно такой подход позволяет понять то влияние, которое оно оказывает на формирование правотворческой политики высших органов государственной власти и особенно исследуемых нами органов исполнительной власти. Основными компонентами компетенции выступают полномочия (права и юридические обязанности), а также предметы ведения субъектов, уполномоченных на формирование правотворческой политики в органах исполнительной власти. В то же время нельзя не акцентировать внимание на том, что «правотворческая компетенция органов исполнительной власти», как важный компонент правотворческой политики этих органов, современной наукой на системном уровне не исследована. Существуют лишь отдельные статьи фрагментарного характера [6].

Представленный под этим углом зрения анализ проблем формирования правотворческой политики специально уполномоченными на то субъектами, структурированными в органах исполнительной власти, позволит понять ее предмет и содержание, сформулировать и раскрыть наиболее характерные признаки и особенности такой политики. Подобный анализ необходимо осуществлять через призму роли правотворческой компетенции Правительства Российской Федерации, федеральных министерств и ведомств, других органов исполнительной власти в структуре такой политики.

На наш взгляд, понятие «правотворческая политика органов исполнительной власти» входит в качестве важного компонента в более широкое и объемное понятие, каким является «правотворческая политика органов государственной власти». Последняя – разрабатывается и осуществляется широким кругом субъектов правотвор-

чества, наделенных соответствующей компетенцией.

Она формируется и реализуется Правительством Российской Федерации, федеральными министерствами, федеральными службами и агентствами. Об этих органах можно говорить, с одной стороны, как о субъектах правотворческой политики, наделенных особым видом правотворческой компетенции. С другой стороны, существуют пределы правотворческой компетенции органов исполнительной власти, поскольку такие субъекты правотворчества ограничены функциями, которые они осуществляют. Кроме того, их правомочия ограничиваются тем, что разработанные органами исполнительной власти подзаконные нормативные акты требуют их утверждения высшими органами государственной власти.

Углубляясь в рассмотрение правотворческой политики органов исполнительной власти, следует подчеркнуть, что возможности разработки и осуществления правотворческой политики Правительством Российской Федерации определяются главой 6 Конституции Российской Федерации. В ней, в частности, закреплено положение о том, что Правительство Российской Федерации относится вместе с федеральными министерствами, федеральными службами и агентствами к федеральным органам исполнительной власти. В то же время обратим внимание, что место Правительства в системе органов исполнительной власти, участвующих в разработке и осуществлении правотворческой политики, конкретизируется в статье 1 Федерального конституционного закона от 17.12.1997 г. № 2-ФКЗ (в ред. от 01.06.2005 г.) «О Правительстве Российской Федерации». Так, в данной статье закреплено важное положение о том, что «Правительство Российской Федерации – высший исполнительный орган государственной власти в Российской Федерации».

Акцент на то, что Правительство Российской Федерации является высшим органом исполнительной власти имеет важное значение для формирования и реализации правотворческой политики всех органов исполнительной власти. Именно Правительство РФ: во-первых, определяет правотворческие компетенции каждого органа исполнительной власти; во-вторых, дает поручения министерствам и ведомствам на разработку проектов законодательных актов и осуществляет контроль за их правотворческой деятельностью; в-третьих, имея такой статус, Правительство формирует общую правотворческую политику органов исполнительной власти, в рамках которой каждый орган формирует и реализует правотворческую политику своего министерства или ведомства; в-четвертых, стимулирует и развивает правотворческую активность всех субъектов правотворчества. Безусловно, это идеальный вариант. Но мы рекомендуем придерживаться подобных правил с той целью, чтобы иметь более ясное представление о сути и признаках правотворческой политики органов исполнительной власти.

Обратим также внимание и на то обстоятельство, что Правительство Российской Федерации, как высший орган исполнительной власти, согласно ст. 115 Конституции Российской Федерации, наделено большой правотворческой компетенцией. В частности, Правительство «во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных законов, нормативных указов Президента Российской Федерации издает постановления и распоряжения». Однако в силу некой абстрактности данной нормы, не вполне ясно – имеет ли право российское правительство не только «во исполнение федеральных законов и Конституции Российской Федерации», но и по своей инициативе принимать нормативные акты, не противоречащие законодательству. Кроме того, открытым и не вполне ясным остается вопрос: какие акты Правительства Российской Федерации следует считать нормативными, а какие – актами применения права. Подобного рода «неясности», с одной стороны, ограничивают возможности Правительства РФ, министерств и

ведомств по разработке и осуществлению правотворческой политики, а с другой – не способствуют тому, чтобы однозначно определить понятие и признаки правотворческой политики органов исполнительной власти.

В этом контексте следует подчеркнуть, что парламент России предпринимает попытки упорядочить правотворческую политику Правительства. В частности, внесена ясность в рассматриваемую конституционную норму с помощью конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации». Так, в ст. 23 «Акты Правительства Российской Федерации» закреплено положение о том, что акты, имеющие нормативный характер, издаются в форме постановлений Правительства Российской Федерации, а все остальные акты в форме распоряжений, поручений и др.

Упорядочению правотворческой политики высшего органа исполнительной власти способствуют и нормы, регламентирующие процедурные вопросы принятия нормативных актов. В частности, постановления и распоряжения Правительства подписываются только Председателем Правительства Российской Федерации. Немаловажным является и то, что постановления Правительства Российской Федерации подлежат официальному опубликованию не позднее пятнадцати дней со дня их принятия, а при необходимости безотлагательно доводятся до всеобщего сведения через средства массовой информации. Нормативные акты, затрагивающие права и обязанности человека и гражданина, вступают в силу со дня их официального опубликования.

Важным документом, определяющим возможности осуществления правотворческой политики Правительства Российской Федерации, его министерств и ведомств является Регламент Правительства Российской Федерации [7]. Этот документ содержит правовые нормы, регламентирующие правотворческий процесс высшего исполнительного органа государственной власти в Российской Федерации, соответственно, определяющие правотворческую компетенцию Правительства РФ.

Федеральные министерства и ведомства занимают значительное место в системе органов исполнительной власти. Однако их правотворческие компетенции не определены ни Конституцией Российской Федерации, ни Регламентом Правительства. Поэтому и правотворческая политика этих органов продолжает оставаться не вполне упорядоченной и не носит системного характера.

По общему правилу правотворческая политика министерств и ведомств федерального и регионального уровней строится таким образом, что эти органы исполнительной власти принимают нормативные акты в силу установленных законом предписаний. Однако, как показывает анализ, большинство таких норм носит отсылочный характер. Законодатель использует бланкетный прием формулирования норм права, что в значительной мере осложняет реализацию правотворческой политики.

Министерства и ведомства, безусловно, обладают определенными правотворческими компетенциями. Однако они достаточно ограничены и осуществляются исключительно в пределах полномочий, определенных законодателем и вышестоящими государственными органами. Тем не менее, каждое из этих ведомств, обладает особым статусом, что позволяет им строить и осуществлять правотворческую политику в своем ведомстве самостоятельно. Такая политика способна упорядочить их правотворческую компетенцию. Обязательным условием исследуемой политики является то, что она должна носить долговременный и целенаправленный характер. Разрабатываемые и принимаемые нормативные акты должны быть научно обоснованы и, таким образом, логично «вписываться» в действующее законодательство.

Поскольку, общие законодательные предписания регулируют лишь определенную сферу, то в правотворчестве органов исполнительной власти упор делается на конкретизацию и детализацию данной сферы. Так,

статья 3 Гражданского Кодекса Российской Федерации предоставляет право ведомствам, обладающим особым статусом, а также всем органам исполнительной власти издавать акты, содержащие нормы гражданского права. В целях упорядочения правотворческой деятельности в сфере гражданских правоотношений Правительство РФ разработало соответствующую Инструкцию. В ней, в частности, определен порядок государственной регистрации договоров купли-продажи и перехода права собственности на жилые помещения [8].

Одной из наиболее важных особенностей, оказывающих влияние на понимание и формирование правотворческой политики органов исполнительной власти, является то, что ведомственные нормативные акты принимаются по поручению Президента Российской Федерации. Например, в Указе Президента Российской Федерации «Вопросы организации альтернативной гражданской службы», содержатся поручения Министерству здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерству обороны Российской Федерации. В частности, поручается осуществлять нормативное регулирование в области альтернативной гражданской службы [9].

В этом контексте можно обратить внимание на то, что в Конституции Российской Федерации прямо не говорится о нормативных актах органов исполнительной власти, а, следовательно, об их правотворческой политике.

Между тем цели настоящего исследования наводят на мысль, что в своей правотворческой политике исследуемые органы власти должны ориентироваться на нормативные указы Президента и его правотворческие инициативы. Но мы полагаем, что это не столько усиление власти Президента Российской Федерации, сколько повышение роли его правотворческой политики, всех органов исполнительной власти, наконец, упорядочение ведомственного нормативно-правового регулирования. Следовательно, в реальной жизни не только законодатель формирует и направляет правотворческую политику органов исполнительной власти, но и Президент Российской Федерации.

К числу важных особенностей формирования и реализации правотворческой политики органов исполнительной власти, безусловно, следует отнести роль поручений этим органам по разработке и принятию ведомственных актов со стороны Правительства Российской Федерации. Как показывает анализ, Правительство в своей правотворческой политике использует два вида таких поручений: краткосрочные и долговременные. Первые, как делегированные акты, даются в ходе правоприменительной практики по разрешению возникших проблем. По мнению многих авторов, делегированные акты даются Правительством, как правило, по вопросам, входящим в его собственную компетенцию [10]. Что касается долгосрочных поручений Правительства РФ, то они даются конкретным министерствам и ведомствам в виде обязываний. В данном случае происходит реализация не делегированных, а прямых полномочий Правительства Российской Федерации, когда органы исполнительной власти, в соответствии со своей правотворческой компетенцией, разрабатывают и принимают юридические нормы. Однако такая правотворческая деятельность министерств и ведомств не закреплена на законодательном уровне, не урегулирована правительственными актами и поэтому носит фрагментарный характер, что значительно затрудняет формирование и осуществление ими правотворческой политики.

Нельзя не заметить и такой особенности исследуемой политики, когда федеральные министерства и ведомства разрабатывают нормативные акты исключительно в пределах компетенции, установленной Правительством Российской Федерации. Речь в данном случае идет о влиянии Правительства на формирование правотворческой политики его министерств и ведомств. В частности,

на правительственном уровне утвержден нормативный акт, в котором определена правотворческая компетенция федеральных министерств и ведомств без увязки и ориентации на их правотворческую политику. Этот акт-документ называется «Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» [11]. Так, в ст. 1 этих Правил отмечается, что нормативные правовые акты издаются на основе и во исполнение федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, а также по своей инициативе в пределах существующей компетенции [11]. Из этого можно сделать вывод о том, что правотворческая политика органов исполнительной власти осуществляется в рамках предоставленной им компетенции, ибо Правила ориентируют на формирование и осуществление такой политики, включая «собственную» инициативу.

Важную роль в регламентации правотворческой компетенции федеральных органов исполнительной власти и выработке их правотворческой политики играет рассмотренный ранее Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 года № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти». Наибольшую ценность для настоящего исследования представляет закрепленное в пп. «а» п. 3 данного Указа положение о том, что федеральное министерство это «федеральный орган по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации сфере деятельности». Ключевым в данном документе является пункт о предоставлении федеральным министерствам полномочий «вырабатывать государственную политику». Если учесть, что правотворческая политика является одной из наиболее важных разновидностей государственной политики, то федеральные министерства наделены правом в пределах своей компетенции вырабатывать соответствующую политику в сфере правотворческой деятельности. Характерно, что в пп. «б» п. 3 анализируемого акта данное положение конкретизируется в той части, что федеральное министерство «самостоятельно осуществляет правовое регулирование в установленной сфере деятельности, за исключением вопросов, правовое регулирование которых в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации осуществляется исключительно федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации».

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Анализ правотворческой политики органов исполнительной власти во взаимосвязи с правотворческой компетенцией этих органов имеет чрезвычайно важное значение для всестороннего осмысления феномена «правотворческой политики органов исполнительной власти». Его исследование выявляет ряд проблемных моментов и способствует повышению роли правотворческой политики в правотворческой деятельности исследуемых органов. Как показал проведенный анализ, правотворческая компетенция федеральных органов исполнительной власти, являющаяся важным элементом правотворческой политики этих органов, урегулирована юридическими нормами достаточно полно. В то же время эффективность правотворческой политики снижается тем обстоятельством, что такие нормы содержатся в различных нормативных актах. Современная правотворческая политика органов исполнительной власти во многом размыта из-за того, что правотворческая компетенция министерств и ведомств России содержится в различных нормативных актах, что значительно осложняет задачу выстраивания эффективной правотворческой политики этих органов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поленина С. В. Правотворческая политика // Российская правовая политика : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2003.
2. Юридический энциклопедический словарь. М., 2003. С. 244.
3. Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. М., 2001.
4. Штурнев А. Е. Нормотворческая компетенция в области законодательства об административных правонарушениях // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности. Иркутск, 2008. С. 68.
5. Штурнев А. Е. Нормотворческая компетенция в области законодательства об административных правонарушениях. С. 69.
6. Жевакин С. Н. Ведомственные нормативные акты Российской Федерации: краткий аналитический обзор // Государство и право. 1996. № 11. С. 99-102.
7. РФ. Правительство. О Регламенте Правительства Российской Федерации и положении об Аппарате Правительства Российской Федерации : постановление от 01.06.2004 г. № 260 // Российская газета. 2004. 3 июня.
8. Утверждена приказом Минюста России от 6 августа 2001 г. № 2331.
9. Российская газета. 2013. 23 июля.
10. Гранат Н. Л., Колесникова О. М., Тимофеев М. С. Толкование норм права в правоприменительной деятельности органов внутренних дел. М., 2011. С. 168.
11. Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 33. Ст. 3895.

LAW-MAKING POLICIES OF THE EXECUTIVE POWER: THE PROBLEM

© 2014

N.V. Isakov, Doctor of Law science, Professor, professor of the chair
“Theory and History of State and Law”

A.P. Mazurenko, Doctor of Law science, Associate Professor, Head of the chair
“Theory and History of State and Law”

Branch of the North Caucasus Federal University in Pyatigorsk (Russia)

Annotation: This paper raises the problem of the law-making policies of the executive branch. The necessity to study law-making competence of these bodies and produced their policy bylaw rulemaking. Concludes that the policy of the law-making bodies of the executive power of the relevant policies of the President and the legislative policy of the Russian parliament.

Keywords: law-making policy, law-making competence, ministries, agencies, government, subordinate law-making.

Аннотация: В статье поднята тема общей характеристики Уставной книги Разбойного приказа: её появление, значение, содержание, редакции, а так же её основополагающие источники. Так же затрагивается вопрос о роли Уставной книги в создании Соборного Уложения 1649 г.

Ключевые слова: Уставная книга, Разбойный приказ, источники Уставной книги, судебное уложение, Соборное уложение.

Основными источниками общерусского права в XV-XVII вв. являлись великокняжеское (царское) законодательство (жалованные, указные, духовные грамоты и указы), «приговоры» Боярской думы, постановления Земских соборов, отраслевые распоряжения приказов. Наряду с ними в это время создаются новые сложные формы законодательства - общерусские кодексы (Судебники, Соборное Уложение), указные (уставные) книги, в которых систематизировались нормы, не вошедшие в основной текст Судебников. Были сформированы Уставная книга Разбойного приказа, указные книги Поместного и Земского приказов. «Новоуказные статьи» стали промежуточным этапом кодификации русского права в период между Судебниками и Соборным Уложением.

Появившийся в 1539 г. Разбойный приказ являлся центральным правительственным учреждением, ведавшим сыском и судом по наиболее опасным преступлениям [1, с. 55-58]. Стоит заметить, что образование Разбойного приказа непосредственным образом связывают с начальным этапом образования российской полиции [2, с. 1].

Результат деятельности Разбойного приказа, за целое столетие (от середины XVI до середины XVII в.) - его Уставная книга, которая представляла собой судебное уложение, в основе которого лежит уголовное уложение, составленное в 1555 г. и которым должен был руководствоваться Разбойный приказ при решении уголовных дел.

Уставная книга Разбойного приказа является важнейшим источником уголовного и процессуального права. Это в очередной раз свидетельствует о её роли в расследовании преступлений и самого хода ведения следствия. Приведенная цитата показывает роль боярского приговора в исполнении предписанных норм Разбойным приказом: «А при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче вся Русь дан в Разбойной Приказ боярской приговор, что таким людям, которые на себя в разбое, с пыток не говорили, и тем людям сидеть в тюрьме до смерти, а смертью их не казнить» [3, с. 57].

Данная норма по своей природе является уголовно-правовой, она не только представляет собой наказание в конкретном случае, но и то, что Разбойный приказ находится в непосредственном подчинении боярским приговорам. В XVII в. эта связь между двумя группами источников права только укреплялась [4, с. 20-23].

Приведённая выше норма Уставной книги определяла не только поведение служивших людей в Разбойном приказе, но и наказание в случае укрытия лихих людей не только основной массой населения, но и людьми Разбойного приказа. Если возникали сомнения в виновности лица, то те представители Разбойного приказа, которые ссылались на то, что лицо не виновно, а впоследствии это не подтверждалось, наказывались битьем кнутом, а виновное лицо казнили смертной казнью.

Таким образом, данные нормы регламентируют не только существование самого преступления, за которое наступало наказание различного характера и степени, но и то, как должны вести себя представители Разбойного приказа, и то, какое наказание их ждет в результате их неправомерных действий.

Значение Уставной книги Разбойного приказа в том, что она не есть частный сборник законов, относящихся до разбойных и татинных дел, но официальный устав, служивший руководством в Разбойном Приказе и подведомственных ему учреждениях, составленный в XVI в. по велению царя Ивана Васильевича, и в XVII в. - Михаила Федоровича. Из неё Разбойный приказ делал выписки и ссылки в сношениях своих с другими приказами [5, с. 6].

Пользоваться Уставной книгой при отправлении следствия и суда было совершенно необходимо уже потому, что губные грамоты, доставлявшие жителям округа привилегию собственного преследования ведомых разбойников и татей, при подтверждении их приемниками даровавшего их государя переписывалось слово в слово на его имя [5, с. 6].

Таким образом, Уставную книгу Разбойного приказа следует рассматривать как Устав о разбойных и татинных делах, который служил, до Соборного Уложения руководством для тех органов правительства, которым эти дела были поручены.

Точный год составления Уставной книги Разбойного приказа неизвестен, она не возникла вдруг из готового уже материала, но составлялась постепенно, мало по малу, по мере издания тех или других постановлений, касающихся предметов ведомства Разбойного Приказа или производства следствия и суда [5, с. 6].

Уставную книгу следует рассматривать по двум периодам временного существования Разбойного приказа: 1) от его создания (1539 г.) до воцарения Михаила Федоровича, и 2) до издания Уложения царя Алексея Михайловича.

При этом Уставная книга Разбойного приказа имела две редакции: до так называемого московского разорения и после при Михаиле Федоровиче, на что прямо указывается в трех источниках, в которых находится указание на Уставную книгу и в самом его оглавлении.

Источниками Уставной книги Разбойного приказа являлись приговоры боярской Думы по различным делам, на что прямо указывают некоторые из статей, первоначальный же, внесенной в книгу при царе Иване Васильевиче, Разбойный Устав трудно, как мы уже сказали, отделить от позднейших прибавок [5, с. 6].

Например это подтверждается в статье 15: «А при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче вся Русь дан в Разбойной Приказ боярской приговор: на которых дворян и на приказных людей, и на детей боярских, и на их людей или на дворников или на крестьян, начнут в разбоеязыки говорить, и тех дворян, и приказных людей, и детей боярских, и их людей и дворников и крестьян, поязычным молкам, иметь, а дворы их и животы и хлебы по тому же переписав запечатать» [3, с. 57]. Или же в статье 18: «А при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче вся Русь дан в Разбойной Приказ боярской приговор: на которых людей истцы бьют челом в татьбах и в разбоях Омянно, без поличного, и без язычной молки, и не по лихованному обыском» [3, с. 57].

Таким образом, Уставная книга Разбойного приказа, есть сборник указов по делам татинным и разбойным, на что указывает и само название - Указная книга, и представляет собой сборник, наполнявшийся по мере изда-

ния указов.

По своему содержанию Уставная книга Разбойного приказа распадается на две части: в первой находятся статьи, содержащие общие определения предметов ведомства губных учреждений, а во второй - статьи, относящиеся до судопроизводства.

Уставная книга составляет исключение из всех остальных (указная книга поместного приказа, указная книга земского приказа и т.д.) в том смысле, что в основании её лежит не Судебник, а особое уголовное уложение, созданное Иоанном IV. Затем в смутную эпоху деятельность Разбойного приказа и движение уголовного законодательства вовсе прекратилось, а потому в 1617 г. была составлена новая Уставная книга в дьяком Корсаковым и подьячим Никитой Постниковым из прежней Уставной книги и дополнительных узаконений к ней времен царей Федора Иоанновича и Бориса Годунова. Затем к ней были присоединены новые законодательные вопросы без ответов. Наконец, с 20-х годов XVII века (1624-1631 гг.) приписаны новые уголовные законы по запросам приказа [6, с. 267-268].

Уже позднее Земским собором был принят кодекс законов, который получил название Соборное Уложение, источниками которому послужили Судебник 1550 г., указные книги Поместного, Разбойного и других приказов [7, с. 28].

Уставная книга представляет собой законодательный памятник сложного состава. В основе ее лежат законодательные нормы 1550-х гг., сформулированные в ходе оформления нового губного права. Книга отражает и эволюцию губного права в последние десятилетия XVI в. и начале XVII в., а именно законодательные новеллы 1584-1605 гг. Поэтому Уставная книга является наиболее полным систематизированным сводом губного (уголовного) права, отражающим практику его применения в XVI в. После Смуты губное право приобрело особенную актуальность, что выразилось в реставрации и создании списков данной книги.

Кодификация указных статей произошла, вероятно, в конце 1560-х гг. в Разбойном приказе. В дальнейшем работа над книгой продолжалась, в нее были включены статьи, отражавшие законодательство царя Федора Ивановича и Бориса Годунова. Новую редакцию книга приобрела, как полагают исследователи, в 1616/17 г. в Разбойном приказе трудами дьяка Третьяка Корсакова и подьячего Никиты Постникова. Данный список был составлен в приказе Устюжской четверти не ранее 1622 г., так как в нем упоминается о скрепе дьяка Михаила Смывалова, торгового человека, ставшего дьяком четверти именно в этом году. В список вошли и новые статьи, по-видимому, принятые после 1619 г.

Таким образом, Уставная книга Разбойного приказа является не только важным источником уголовного

права, но и является наиболее ранней из всех известных Уставных книг московских приказов. Она является не частным сборником законов, а официальным уставом, который служил руководством в Разбойном приказе и подведомственных ему учреждениях. Данная Уставная книга составлялась постепенно, по мере возникновения все новых и новых вопросов, которые требовали незамедлительного разрешения, что и вызывает сложность определения точной даты её создания.

Главным источником Уставной книги Разбойного приказа являются приказы Боярской Думы. Так же стоит заметить, что в основе Уставной книги лежит не Судебник, а уголовное уложение, созданное Иоанном IV. Данное уголовное уложение определило специфику и направление Уставной книги, её уголовно-правовое и процессуальное содержание. В нормах данной книги говорится не только о наказании за совершение преступлений, но так же определяется процессуальный порядок действий следствия в той или иной ситуации. Нельзя не заметить, что данная Уставная книга выступает ещё и правилами (уставом) для представителей Разбойного приказа, который, несомненно, нужно было в точности соблюдать, в противном случае отступления карались строгим наказанием, как это видно из приведенных выше статей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьева Н. Г. Историография Судебника 1550 г. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 3. С. 55-58.
2. Моисеев И. А. Становление и развитие полиции в России: основной этап // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 2. С. 115-118.
3. Владимировский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. М., 1888.
4. Ельчанинова О. Ю. Царские указы XVII в.: юридическая природа и пути эволюции // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 20-23.
5. Шалфеев Н.П. Об Уставной книге Разбойного приказа. СПб., 1868.
6. Владимировский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005.
7. Рябченко А. Г., Руденко К. И. Политика московского государства в сфере уголовного судопроизводства во второй половине XV-XVII вв. // Общество и право. 2013. № 3. С. 26-30.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проведения научных исследований по проекту №13-03-00099 «Источники русского права (X-XVIII вв.): историко-теоретическое исследование»

CHARACTERISTIC OF THE AUTHORIZED BOOK OF THE THUGGISH ORDER

© 2014

L.V. Karhanina, cadet of a fourth year

Samara law institute of the Federal Penitentiary Service of Russian Federation, Samara (Russia)

Annotation: The article raised the theme of the general characteristics of the authorized book Rogue order: her appearance, meaning, content, wording, as well as its underlying sources. Just address the issue of the role of authorized books in creating the Catholic Code of 1649.

Keywords: Statutory book Rogue order sources Statutory books, legal regulations, the Council Code

МЕСТО СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

© 2014

Ю.А. Кустов, доктор педагогических наук, профессор кафедры
«Педагогика и методики преподавания»

Ю.А. Лившиц, директор гуманитарно-педагогического института
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Рассмотрена сущность понятия «социальная ответственность», его место в структуре социокультурной компетентности личности; определены инновационные формы, методы и средства развития социальной ответственности студентов вузов как профессионально значимого качества будущих специалистов.

Ключевые слова: социокультурная компетентность, социальная ответственность, социализация, инкультурация, социограмма, система, личностные качества.

Исследование проблем юридической ответственности тесно связано с рассмотрением такой категории как социальная ответственность. Зачатую нарушение требований социальной ответственности ведет к возникновению юридической ответственности. Вот текст первой статьи «Кодекса профессиональной этики журналиста», озаглавленной «Социальная ответственность журналиста»: «Журналист ответственен перед читателями, зрителями, слушателями, а также перед обществом в целом в лице его конституционных институтов за содержание сообщений, предлагаемых им для обнародования, за правдивое и своевременное информирование аудитории об актуальных проблемах, представляющих общественный интерес. Обеспечение права граждан на информацию – первейшая обязанность журналиста. Недопустимо использование средств массовой информации в ущерб интересам общества, правам и законным интересам личности, для проповеди войны и насилия, национальной, социальной и религиозной нетерпимости, пропаганды жестокости и распространения порнографии, а также для манипулирования общественным мнением и монополизации гласности». Нарушение одного из перечисленных выше пунктов ведет к правонарушению и возникновению юридической ответственности.

Подобного рода элементы социальной ответственности можно установить для любой профессии: педагога, врача, инженера и т.п. Отсюда следует, что при подготовке специалиста любого профиля, наряду с ознакомлением студентов с такими категориями как правонарушение и юридическая ответственность следует формировать у них такое профессионально значимое качество как социальная ответственность.

Изучение научной литературы показывает, что социальная ответственность является одним из элементов социокультурной компетентности будущих специалистов. Социокультурная компетентность является результатом социализации и инкультурации личности. Э.А. Орлова пишет: «Эти понятия перекрывают друг друга по содержанию, поскольку оба означают освоение людьми элементов их социокультурного окружения: культурного пространства – времени, функциональных объектов, технологий деятельности, взаимодействия, общения, символических структур, нормативных образований» [2, с.111]. Анализ научно-педагогических исследований позволил установить, что структуру социокультурной компетентности личности можно представить в виде совокупности следующих четырех компонентов: социо-культурный интеллект, духовно-культурная развитость, социально-нравственная воспитанность и социально-культурная зрелость. В свою очередь, например, социально-нравственная воспитанность характеризуется такими сторонами как моральная, этическая, интернациональная развитость и сформированностью таких личностных качеств как: ответственность, целеустремленность, настойчивость, уверенность в себе, организованность, требовательность, кругозор, мотивация. Успешную деятельность выпускника вуза, проявляющуюся как реализация позиций, склонностей, способно-

стей обеспечивают: совокупность личностных свойств, система освоенных знаний, полученные в практике навыки и опыт. «Внешний» слой, как бы скрепляющий весь мир личности специалиста, составляет область ответственности за профессионально-творческую самореализацию, за самосовершенствование и саморазвитие, за самоотдачу в служении обществу. Отсутствие или слабость такого качества как ответственность блокирует проявление других качеств, и специалист оказывается «несостоявшимся».

Нельзя назвать профессионалом человека, который не считает себя ответственным перед людьми за удовлетворение их нужд, не считает обязанным «работать на них», пренебрегает этическими и правовыми нормами, если его знания, опыт и личностные свойства, вполне развитые для выполнения профессиональных обязанностей, «накладываются» на неразвитость социальной позиции или, более того, на политическую беспринципность.

В связи с этим, при подготовке специалиста любого профиля, наряду с профессиограммой, раскрывающей основные требования к его трудовой подготовке, следует руководствоваться социогаммой, содержащей основные требования к уровню и содержанию его социализации и инкультурации, совокупность которых характеризует степень сформированности у него социокультурной компетентности. Среди них:

- социализация профессиональной деятельности;
- высокая степень социальной ответственности перед обществом;
- тактичность, готовность к позитивному взаимодействию и сотрудничеству с коллегами;
- способность самостоятельно и эффективно решать проблемы в области профессиональной деятельности;
- знание этических и правовых норм, регулирующих отношения;
- осознание системной связи своей профессии и социально-культурной реальности;
- гражданственность, чувство социальной справедливости;
- объективность;
- гуманистическая просвещенность;
- отзывчивость;
- неподкупность;
- максимальное использование в своей деятельности культуры той среды, в которой находится специалист (культура региона, нации, общества, страны, зарубежья!);
- внесение собственного вклада в развитие социума и его культуры.

Ясно, что формирование перечисленных здесь качеств будущего специалиста должно программироваться и развиваться средствами всех дисциплин учебного плана и объединенными усилиями всех организаторов и руководителей учебно-воспитательного процесса в вузе. Например, формирование социальной ответственности будущих журналистов должно быть направлено: на усвоение общественно выработанного опыта, ори-

ентированность в актуальных социальных жизненных проблемах, сформированность собственной социальной позиции, ясное осознание того, чьи интересы следует отстаивать в своей профессиональной деятельности.

Как показывает практика, выполнению этой задачи содействует использование следующих инновационных методов обучения: анализ конкретных ситуаций, деловая игра, деловая корзина, форум, обсуждение, инновационная игра, лабиринт действий, метод апперцепции – интеракции, мозговая атака, панельная дискуссия, программа саморазвития, эвристика, метод контрольных вопросов, метод проб и ошибок, творческий диалог, проблематизация, метод круглого стола, имитационная игра, метод проектов и т.п. Важно при этом обеспечить четкую направленность используемых методов и их соответствие ожидаемым результатам. В данном случае необходимо использовать такие подходы и приемы формирования социально-культурной компетентности и такого ее элемента как социальная ответственность: создание познавательных противоречий, проблемно-поисковых ситуаций, эмоциональный настрой; учение, основанное на деятельности, любознательность, анализ событий, разрешение инцидентов и конфликтов, исследование обстоятельств, игровой азарт, ролевые игры, самоанализ деятельности, рефлексия преподавателя и аудитории, коллективный поиск, похвала, знание о возможностях.

Большое значение в развитии социальной ответственности будущих специалистов как важной составной части формирования их социокультурной компетентности является включение студентов в разнообразную внеаудиторную деятельность.

Изучение и обобщение научной литературы и передового педагогического опыта региональных вузов позволило определить основные направления системы приоритетных форм включения будущих журналистов во внеучебную работу, способствующую развитию их социальной ответственности:

- по формированию чувства социальной ответственности за свой профессиональный выбор (самоорганизация студентов по изучению перспектив развития знаний в области журналистики, участие в научной деятельности выпускающей кафедры, с квалификационной характеристикой направления подготовки «Журналистика», участие в конкурсах профессионального мастерства, во встречах со специалистами в области журналистики и выпускниками вуза);

- по формированию ответственности за сплоченность коллектива группы и состояние ее работы (работа в качестве старосты группы, участие в подготовке и проведении традиционных праздников, в учебной и материальной взаимопомощи, в культурно-массовых и спортивных мероприятиях, в организации и проведении дискуссий по вопросам этики, искусства, литературы, журналистики, совместного проведения досуга и т.п.);

- по формированию ответственности за здоровый образ жизни (участие в подготовке и проведении «круглых столов» со специалистами в области социологии, психологии, медицины, спорта, права по предметам: «Психология межличностного общения», «Физическое самосовершенствование», «Культурное поведение досуга»), проведение диспутов «Портрет современной семьи – каким я его вижу», «Единство прав и обязанностей личности», «Сочетание общественных, коллективных и личностных интересов»; участие в работе органов студенческого самоуправления, студенческих клубов, творческих студий, в разработке и реализации программы «Здоровье», подготовке и выпуске экологических бюллетеней, стенгазет, информационных листовок;

- по формированию чувства сопричастности и ответственности за социально-экономическое состояние и развитие страны, региона, города, села (Изучение истории родного края, участие в туристических походах; подготовка и проведение встреч с ветеранами труда, по-

четными гражданами города, руководителями местных предприятий и учреждений; участие в подготовке и проведении выборов, в акциях протеста против нарушения прав граждан; выступления в местных средствах массовой информации по актуальным общественно значимым проблемам).

Одним из необходимых организационно-педагогических условий успешной реализации перечисленных форм, методов и средств формирования социальной ответственности будущих специалистов является организация соответствующей учебной социально-профессиональной среды, как совокупности факторов социализации и формирования социокультурной компетентности, представляющей собой спроектированную и хорошо организованную педагогическую систему, обеспечивающую личностную и социальную готовность студентов вуза к профессиональной деятельности. Как показал передовой педагогический опыт учебная социально-профессиональная среда состоит из внутривузовского и внешневузовского компонентов и включает в себя как организационные, так и материально-технические условия и виды аудиторной и внеаудиторной деятельности студентов.

В Таблице 1 дано примерное содержание аудиторного внутривузовского компонента учебной социально-профессиональной среды по формированию социокультурной компетентности студентов, важной составной частью которой является социальная ответственность.

Таблица 1 – Аудиторный внутривузовский компонент социально-профессиональной среды формирования социальной компетентности студентов

№ п/п	Объекты среды	Функции объектов	Педагогические цели и результаты влияния среды
1	Библиотека, хорошо оснащенная литературой по специальности	Предоставление возможности самостоятельного получения и обработки социально значимой информации	Грамотное использование информационных источников
2	Предметные кабинеты	Организация учебно-пространственной среды взаимодействия субъектов профессионального образовательного процесса	Обеспечение позитивного взаимодействия, сотрудничества, коммуникативности, организованности, ответственности студентов-журналистов
3	Вузовский санаторий-профилакторий	Проведение части занятий в экологически чистой природной среде. Профилактика здоровья студентов и преподавателей	Придание романтики учебному труду, мотивация творческой деятельности согласно тезису: «В здоровом теле – здоровый дух»
4	Отдел «Журналистика» в музее вуза	Отражение динамики становления и развития региона, специальности «Журналистика», его выпускников и преподавателей	Формирование профессионального патриотизма, гордости за принадлежность к журналистскому сообществу
5	Вузовская телестудия	Обеспечение творческого саморазвития студентов в процессе организации и функционирования телестудии по отражению жизни вуза и важнейших событий в стране и за рубежом	Развитие творческой профессиональной деятельности будущих журналистов, овладение техникой видеозаписи, видеоредактирования, монтажа видеоредактирования и т.п.
6	Фотолаборатория	Обучение будущих журналистов фотоделу	Формирование навыков фоторепортера, способности сопроводить подготовленную статью фотоснимками
7	Издательский отдел вуза	Привлечение студентов журналистов к издательской деятельности	Формирование ответственности будущего журналиста в процессе подготовки материалов к изданию: рецензирование, редактирование, компьютерная верстка
8	Подготовка и выпуск учебных газет	«Погружение» будущих журналистов в газетно-профессиональную деятельность	Обучение практике сбора, обработки, компоновки и представления информации
9	Факультатив – студенческая газета	Объединение студентов вокруг решения проблем духовного развития, определения приоритетных ценностей, поиска смысла жизни	Принятие групповой культуры и организации труда, обеспечение диалектического единства и автономии двух субкомпетентностей: самостоятельности (способность и мотивация к самостоятельному действию) и кооперации (способность и мотивация к солидарному действию и оказанию помощи партнерам)
10	Свободный доступ в Интернет	Поиск информации, средство общения, площадка для публикаций	Знать основы Интернет-технологий, уметь использовать Интернет-ресурсы

Перечень информационных программ, транслируемых вузовской телестудией в перерывах между занятиями, указывает на то, что как и в их подготовке, так и в доведении их содержания до основной массы студентов заключены значительные потенциальные возможности по формированию у студентов профессионально значимых личностных качеств, их социокультурной компетентности и социальной ответственности:

- «Приключения» вечного студента» – программа, связанная с неуспеваемостью, недисциплинированностью, необязательностью студентов;
- «Олимпийские надежды» – спортивная страничка;
- «Научный калейдоскоп» – открытия, изобретения, парадоксы;
- «Будем знакомы» – информация о сотрудниках, преподавателях и студентах;

- «Путешествие по учебному заведению» – отражение социального положения, быта студентов;
- «Итоги» – плюсы и минусы в деятельности коллектива учебного заведения за неделю;
- «Вести» – обзор проведенных мероприятий;
- «Глобус» – события в стране и за рубежом;
- «Желаем счастья» – поздравления со знаменательными датами в истории страны и в личной жизни преподавателей и студентов;
- «Культпаузы» – программы отдыха и эмоциональной разгрузки.

Краткая характеристика лишь одного объекта учебной социально-профессиональной среды показывает, какое большое количество студентов может быть вовлечено в продуктивную деятельность, способствующую формированию социокультурной компетентности не только у них, но и у того значительного числа зрителей, для которых эти телепередачи готовятся и транслируются.

Еще более значительный эффект получается, когда студенты находятся под воздействием всего комплекса объектов учебной социально-профессиональной среды. Задача состоит в том, чтобы такая среда была создана в каждом учреждении профессионального образования и достаточно эффективно функционировала.

Если к этому добавить объекты внеаудиторной внутривузовской среды, то возможности формирования социокультурной компетентности будущих специалистов еще более возрастают. В Таблице 2 даны примеры объектов среды, число и разнообразие которых зависит от творческой инициативы как преподавателей, так и студентов.

Таблица 2 – Внеаудиторный внутривузовский компонент социально-профессиональной среды формирования социальной компетентности студентов

№ п/п	Объекты среды	Функции объектов	Педагогические цели и результаты влияния среды
1	Студенческий совет	Самоуправление разнообразной профессиональной и творческой деятельностью студентов	Формирование активной жизненной позиции студентов
2	Молодежный центр	Содействие процессу социализации будущих специалистов	Информационное, творческое, досуговое, семейное просвещение студентов
3	Центр общественных связей	Организация работы студентов с социальными партнерами	Формирование у будущих работников навыков установления связей с общественностью
4	Пресс-служба факультета журналистики	Установление контактов с местными региональными и федеральными СМИ	Формирование умений организации вокруг себя круга людей, компетентных в журналистской деятельности
5	Клубы по профессиональным интересам	Создание условий для испытания себя в разнообразных видах профессиональной деятельности	Всестороннее развитие личности будущих специалистов

Для примера дадим характеристику основных направлений деятельности студентов в учебной пресс-службе.

Студенты, участвующие в деятельности пресс-службы, выполняют следующие функции:

- устанавливают связи и творческое сотрудничество с местными средствами массовой информации: редакциями газет, теле- и радиостудий;
- готовят к опубликованию авторские работы преподавателей и студентов;
- участвуют в литературном редактировании материалов, представленных к опубликованию;
- организуют сотрудничество с представителями общественности и администрации;
- курируют фото- и видеосъемки для иллюстраций публикуемых материалов;
- готовят перс конференции и брифинги по итогам культурно-массовых мероприятий;
- проектируют и распространяют рекламные материалы по предстоящим мероприятиям;
- осуществляют подготовку и выпуск студенческой газеты;
- организуют свою деятельность в тесной связи с вузовским издательским отделом и его типографией.

На основе приобретаемого в этой деятельности опыта у будущих специалистов формируются качества, входящие в состав их социальной компетентности: ответственность за порученное дело, умение работать с информацией, активность, самостоятельность и креативность, умение организовать коллективную деятельность, эрудиция, литературные способности, коммуникабельность.

Опыт коллектива преподавателей гуманитарно-педагогического института Тольяттинского государственного университета и других вузов города [1] по внедрению изложенной системы развития такого качества студентов как социальная ответственность показывает высокую эффективность этой системы в формировании социокультурной компетентности будущих специалистов различных направлений подготовки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. М. : Изд-во МГИК, 1994. 214 с.
2. Кустов Ю. А. Социальная компетентность журналиста : монография. Тольятти : ВУиТ, 2010. 191 с.

THE PLACE OF SOCIAL RESPONSIBILITY IN THE SOCIO-CULTURAL COMPETENCE OF FUTURE SPECIALISTS

© 2014

Y.A. Kustov, doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department “Pedagogy and methods teaching”

Y.A. Livshits, Director of Humanitarian-pedagogical Institute
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The essence of the concept “social responsibility” and its place in the structure of socio-cultural competence of the individual is presented; identified innovative forms, methods and means of social responsibility of the university students as professionally important qualities of future specialists.

Keywords: socio-cultural competence, social responsibility, socialization, enculturation, sociogram, system, personal qualities.

УДК 340.1

**ПРОБЛЕМА ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ: НА ПРИМЕРЕ ОЦЕНКИ ВЫСЕЛЕНИЯ
НАРОДОВ В ГОДЫ ВОВ**

© 2014

Ю.В. Оспенников, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории
государства и права*Самарский юридический институт ФСИН России, Самара (Россия)*

Аннотация: В статье ставится проблема правовой оценки выселения народов в современной науке и законодательстве. Автором выявлены основания, на которых базируются правовые акты о реабилитации выселенных народов, проведён их анализ и раскрыты пути их формирования. Отдельно обращается внимание на опасные для целостности РФ тенденции в освещении и трактовке этой проблемы.

Ключевые слова: выселение народов, переселение народов, реабилитация, реабилитация фашизма, политические репрессии.

В связи с событиями на Украине зимой-весной 2014 г. в средствах массовой информации много говорится об опасности возрождения фашизма и нацизма в их различных проявлениях, при этом обычно сопоставляются прославления С. Бандеры и других пособников фашистов на Украине, с одной стороны, и активная кампания по поддержке памяти о Великой Отечественной войне в РФ, с другой. Однако при этом полностью упускается из виду опасность прославления фашистских пособников на российской земле, что является составной частью более общей проблемы искажения памяти и установленных фактов о событиях ВОВ. В данной статье эта проблема будет раскрыта на примере осмысления выселения народов и их правовой оценки в современной науке и нормативно-правовых актах.

К сожалению, рассмотрение этих событий как исследователями, так и официальными лицами преимущественно строится на основе политико-идеологических проектов, а не научного подхода. Так, 21 апреля 2014 г. В.В. Путин подписал указ №268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития», которым предусматриваются существенные преимущества представителей этих народов перед другими народами, населяющими Крым. Основанием, сделавшим возможным издание такого указа, является принятый ВС РСФСР закон «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г., в свою очередь, восходящий к Декларации ВС СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», принятой 14 ноября 1989 г.

В декларации отмечалось, что ВС СССР «безоговорочно осуждает практику насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права, гуманистической природе социалистического строя». Закон 1991 г., сохранив основное содержание декларации, говорит уже не о социалистических, а об «общечеловеческих ценностях», по-прежнему подчеркивая, что суть репрессий составляли геноцид и клеветнические нападки на репрессированные народы. При этом несколько раз подчеркивается, что принятые в отношении высланных народов решения носили незаконный характер, являясь проявлениями политики произвола и беззакония. Отдельно было заявлено, что эти решения оскорбляли «достоинство не только репрессированных, но и всех других народов страны».

Таким образом, можно выделить пять оснований правовых актов о реабилитации выселенных народов, а суть политики выселения народов этими актами сводится к геноциду и клевете на репрессированные народы.

Прискорбно, что столь значимые акты государственной власти не содержат никаких отсылок к научно-подтверждённым историками фактам, подтверждающим отмеченные основания принятия законов о реабилитации. Но откуда в таком случае появилась эта правовая оценка

выселения народов, на основе выводов каких исследователей строится эта логическая конструкция?

Традиция говорить о «геноциде» народов в СССР появилась на Западе сразу же после окончания Великой Отечественной войны. Первое «исследование» такого рода принадлежит А.Г. Авторханову, который в годы войны дезертировал к нацистам с предложением заключить союз с восставшей против советской власти Чечнёй [1]. Это сочинение было переиздано уже в Москве в 1991 г., при этом в предисловии скромно опустили предательство автора, ограничившись нейтральной конструкцией «попадает на Запад» [2], ещё большей ложью закрыли его предательство на сайте правительства Чеченской республики: «в 1943-м эмигрировал в Германию, где защитил докторскую диссертацию и стал профессором по истории России».

Сразу после перехода на сторону немцев автор сочинения об «убийстве народов» начал работу в отделе пропаганды Кавказского фронта, а накануне окончательной ликвидации своих хозяев в апреле 1945 г. перебрался к новым. Под крылом американцев он сотрудничал с бандеровской организацией «Антибольшевистский блок народов», печатался в финансируемых американской военной администрацией изданиях, а с конца 40-х официально был зачислен в так называемый «Русский Институт армии США», где и проработал до ухода на пенсию. На этой работе А.Г. Авторханов вошёл в состав так называемых «советологов», формировавших антисоветскую доктрину послевоенного евроатлантического мира. Любопытно, что даже либеральные авторы признавали огромное количество выдумок и прямой лжи в сочинениях Авторханова.

Термин «народоубийство» был подхвачен другими западными антисоветскими публицистами [3; 4], чтобы позднее быть развитым в современную схему обвинений советской власти в геноциде. На сегодняшний день наивысшего раскрытия эта тенденция нашла в решении Европейского парламента от 2004 г., согласно которому депортация чеченцев была признана актом геноцида.

Итак, истоки многих современных мифов о репрессированных народах восходят к работе Авторханова, человека, который после своего предательства последовательно сотрудничал с немцами и американцами, на деньги которых он и создавал свои труды.

Именно в сочинении Авторханова формулируется тезис, что выселение народов никак не связано с официальной причиной – активным сотрудничеством с немецко-фашистскими захватчиками [2, с. 4]. Настоящей причиной Авторханов называет борьбу «свободолюбивого народа против колонизаторов» [2, с. 5], используя этот эвфемизм для обозначения бандитизма. А появление бандитского подполья Авторханов объясняет «постоянным, методическим и прямо-таки провокационным» истреблением чеченцев и ингушей советской властью [2, с. 46]. При этом автор с гордостью ссылается на солженицынское описание поведения ссыльных чеченцев, согласно которому они презирали производительный труд и законы страны, в которой жили, зато всегда были

готовы «угнать скот, обворовать дом, а иногда и просто отнять силу» [2, с. 52].

К современным мифам, которые восходят к сочинению Авторханова, относятся рассказы о массовой гибели переселенцев («не менее 50 процентов»), страшилки про пять оккупационных солдат на одного жителя Чечни, про то, что все арестованные подвергались расстрелу, «поголовно все оставшиеся в живых чеченцы и ингуши, балкарцы и карачаевцы» были выселены, что представляет собой «истребление горцев», о том, что «путешествие» выселяемых продолжалось неделями и даже месяцами, а в пути им не давали ни еды, ни воды [2, с. 48, 20, 46 и др.].

Опровержение этих мифов не требует особых усилий – они никак не подтверждены документально, в то время как официальные документы, значительная часть которых введена в научный оборот, напротив, никем не были опровергнуты. Более того, их не могут отрицать и сами сторонники невинности выселенных народов. Например, тот же Авторханов не мог отрицать факт, что так называемое им чеченское «повстанческое правительство» ожидало немцев как гостей и вело с ними переговоры о дальнейших совместных действиях, не отрицает, что карачаевцы приняли немцев хлебом-солью, так как «никогда не признавали советской власти», а «в приходе немцев они хотели видеть избавление от деспотизма большевистского самодержавия, как этого жаждали и все народы СССР» и т.п. [2, с. 45, 48 и др.].

Многочисленные факты массового дезертирства, предательства, сотрудничества с оккупантами, участия в карательных операциях против местного населения вместе с оккупантами не отрицают и другие сторонники теории «убийства народов» в СССР. Показательно, что попытки пересмотреть это положение, игнорируя архивные данные, стали предприниматься уже в современной России, находя при этом опору в государственной политике безоговорочной реабилитации выселенных народов.

Позднее схема, отработанная А.Г. Авторхановым, стала использоваться применительно к фальсификации истории других репрессированных народов. В частности, тему выселения крымских татар разрабатывал другой известный антисоветчик и русофоб – Мустафа Джемилев. На стороне немцев ему не удалось послужить, но зато в карательном батальоне отметился его отец. На примере его деятельности хорошо видно, к чему приводят фальсификации истории и заигрывание с националистическими силами. Например, по его утверждению, только коренные народы имеют право решать вопрос о самоопределении той или иной территории, именно он призвал Турцию оказать военное давление на РФ, лгал, что явка на референдуме в Крыму составила всего 32%, открыто называл русское население полуострова «шовинистическим отребьем» и т.п.

В этих условиях количество мифов, созданных в последние годы, растёт, не встречая отпора ни со стороны профессионального ученого сообщества, ни со стороны государства, ни со стороны общества, в котором стремительно снижается общий уровень грамотности. Чего стоят, например, заявления Р.А. Кадырова о том, что «около 50 тыс. жителей Чечено-Ингушетии воевали на фронтах Великой Отечественной войны...» или рассказы о подвигах 255-го чечено-ингушского полка при защите Брестской крепости, вопреки тому факту, что этот полк был сформирован только в 1942 г. или увеличивающиеся из года в год «данные» о чеченцах (ингушах, крымских татарах и др.) - Героях Советского Союза, которые почему-то противоречат официальным известным данным. На почве этой современной мифологии появляются научные труды и памятники – апофеозом, наверное, следует считать памятник так называемому «последнему защитнику Брестской крепости» ингушу Барханову. Никаких достоверных данных о «последнем защитнике», конечно же, нет, миф о Барханове является сознательным вымыслом с целью преувеличить

заслуги в войне одного из народов.

Наконец, отдельно можно остановиться на незаконном характере выселения народов и противоречии основам международного права.

Депортация стала признаваться преступлением в международном и национальном законодательстве, начиная с 1953 г. (при этом Конвенция о защите прав человека и основных свобод, которую РФ ратифицировала в 1998 г., говорит о высылке за пределы территории государства, а насильственное перемещение населения стало рассматриваться как преступное деяние только в 1990-е гг. (Римский статут Международного уголовного суда 1998 г., вступивший в силу с 2002 г.). Однако младенческий возраст этого состава преступного деяния не мешает политикам и политически ангажированным ученым пытаться применить его к более ранним периодам.

Что же касается внутривнутриполитических и правовых условий, в которых принимались решения о выселении народов, то в годы войны наряду с системой органов государственной власти, выстроеной по Конституции 1936 г., была создана и функционировала система чрезвычайных органов власти, обладавших чрезвычайными полномочиями. Решения о выселении народов принимались чрезвычайным органом государственной власти – Государственным комитетом обороны, то есть в рамках чрезвычайного законодательства военного времени.

Были ли основания для принятия решения о выселении народов?

Как уже отмечалось, даже создатели и апологеты теории «убийства народов», не могли отрицать эти основания, но пытались оправдать их, отождествляя борьбу с советской властью и борьбу за национальное освобождение. Насколько опасна эта идея в современных условиях для мира на границах России, думаю, нет необходимости говорить.

Значительное количество архивных материалов по этой теме введено в научный оборот и на их основе существуют специальные исследования – и ни в одном не опровергнуты многочисленные факты массового предательства и сотрудничества с оккупантами.

В рамках статьи можно привести лишь некоторые наиболее показательные факты. Так, историки свидетельствуют о почти поголовном дезертирстве из рядов Красной Армии: из 20 тыс. крымских татар, призванных в 1941 г., дезертировали в том же году 20 тысяч [5, с. 131]. Показательно, что почти все крымские татары призывного возраста оказались не в Красной, а в германской армии – даже сторонники реабилитации выселенных народов признают, что в подразделения немецкой армии в Крыму состояли более 20 тыс. крымских татар, что составляло более 10% их общей численности [6, с. 146]. Чеченцы и ингуши вместо 80 тыс. призывников дали всего 10 тыс., остальные от мобилизации уклонились или дезертировали [7, с. 99-101]. Более того, уклонившиеся от призыва горцы активно принимали участие в деятельности антисоветских банд: в период 1941-1944 гг. на территории ЧИАССР было уничтожено 197 банд, при этом только убитыми бандиты потеряли 4532 чел. (для сравнения, на фронте погибло в два раза меньшее количество чеченцев), а общее количество участников бандформирований оценивалось в 25 тыс. (в 2,5 раза больше, чем было призвано в ряды Красной Армии) [7, с. 102, 103].

Теперь давайте зададимся вопросом, какие меры ответственности применялись в условиях войны за массовое дезертирство, бандитизм, терроризм, организация восстаний, сотрудничество с врагом?

Также подлежали наказанию и в условиях военного времени, и по уголовному кодексу другие широко распространённые в среде выселяемых народов преступления – членство в антисоветской подпольной организации, хранение оружия, пособничество в совершении преступлений, недонесение и др.

Нередко утверждается, что выселение народов не было связано с военно-политической необходимостью,

а являлось «местью» Сталина свободолюбивым народам, не желавшим покориться тоталитарному государству. Действительно, война заканчивалась, но враждебное окружение не исчезло и угроза внешнеполитической агрессии против советского государства сохранялась. Поэтому, когда ГКО предлагал на рассмотрение Сталина проект решения по выселению крымских татар, в нём прямо было указано именно на это основание: «... Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза...» [5, с. 134]. Та же цель обезопасить приграничные районы страны от возможного антисоветского подполья прослеживается и в других аналогичных постановлениях ГКО [5, с. 151].

Вопрос правовой оценки выселения народов в СССР с самого начала имел политико-идеологический характер, являясь одним из средств информационной войны против нашей страны. С приходом к власти в РФ политических сил, придерживающихся откровенно антисоветской идеологии, научному подходу в изучении вопросов выселения народов были поставлены серьезные препятствия, поощрялись только те «исследования», которые разоблачали сталинские преступления против невинно пострадавших народов. О том, как мифы о депортации народов используются в интересах антиросийской политики, свидетельствуют многочисленные факты современной истории. Например, в 2009 г. члены Палаты общин и «видных интеллектуалов» подписали открытое письмо, посвящённое 65-летию «депортации», в котором, в частности, утверждали, что после распада СССР Чечня существовала как независимое демократическое государство, но в 1999 г. по приказу В.В. Путина началось новое вторжение, приведшее к гибели 100 тыс. мирных граждан, установлению режима страха и подавления. Не правда ли, напоминает рассуждения фашистского прихвостня Авторханова о колониальном гнёте и борьбе «свободолюбивого» народа? Или пример рассуждений уже упоминавшегося Мустафы Джемилева об исключительном праве репрессированных крымских татар на решение судьбы полуострова, несмотря на то, что их численность составляет всего 10% населения.

Таким образом, принятая 14 ноября 1989 г. Декларация ВС СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» никоим образом не основывалась ни на выводах учёных-историков, ни на архивных данных, это был политический документ, основания под который были подведены сочинениями убеждённых антисоветчиков, проживавших за границей и создававших свои труды на деньги врагов СССР. Аналогичным образом, Закон «О реабилитации репрессированных народов» принятый ВС РСФСР 26 апреля 1991 г., является политизированным антиросийским актом, который вымышленные факты представляет в качестве реально существующих.

Ни одно из выявленных выше пяти оснований правовых актов о реабилитации выселенных народов не находит документального или логического подтверждения. Во-первых, тезис о противоречии основам международного права: на момент принятия соответствующих решений ГКО о выселении народов эти решения не

противоречили никаким основам международного права, более того, подобные действия были обычной практикой и других государств. Во-вторых, обвинения в геноциде являются политическим мифом, запущенным в рамках информационной войны против СССР, а теперь ещё более усилившейся в рамках информационной кампании русофобии. В-третьих, нет доказанных фактов клеветы на выселенные народы, напротив, существуют убедительные и многочисленные доказательства массовой вовлеченности представителей выселенных народов в антисоветскую деятельность, совершение широкого перечня преступлений, подлежащих значительно более суровому наказанию, чем переселение. В-четвертых, решения ГКО не нарушали существовавшие на тот момент законодательство, принимались в интересах обеспечения внутренней и внешней безопасности страны, оказались достаточно эффективными для решения тех проблем, которые были призваны решить. В-пятых, нет никаких свидетельств того, чтобы выселение народов каким-либо образом оскорбило достоинство других народов. Напротив, известны многочисленные свидетельства обратного – что выселение народов было поддержано соседями, а вот их возвращение сопровождалось массовыми протестами и до сих пор является источником серьезной социальной напряженности.

Современные законодательные акты о реабилитации выселенных народов не способствуют социальной и межнациональному миру в РФ, способствуют распространению представлений об исключительности и превосходстве отдельных наций, стремлению к ревизии истории и существующих государственно-правовых институтов, что чревато серьёзными конфликтными ситуациями в случае даже незначительного ослабления центральной власти.

Нашей многонациональной стране необходимы мир и согласие между проживающими в ней народами. Однако попытки «найти виноватых» во взаимных обидах путём обращения к конфликтным ситуациям, имевшим место в нашем прошлом, бесперспективны. Счёт взаимным претензиям можно вести бесконечно, но это никак не поможет нам решить те проблемы, которые стоят перед нами сегодня. Наши предки смогли решить те проблемы, с которыми они столкнулись, сохранили свою страну и смогли сделать её сильнее, вопрос в том, сможем ли это сделать мы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Народоубийство в СССР: Убийство чеченского народа. Мюнхен : Свободный Кавказ, 1952.
2. Александр Уралов (А. Авторханов). Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР. М. : Вся Москва, 1991.
3. Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк : Хроника, 1978.
4. Conquest R. The Nation Killers. London : Macmillan, 1970.
5. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / вступ. ст., сост., послесл. Н. Бугай. М. : Дружба народов, 1992.
6. Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М. : АИРО-XX, 1995.
7. Гродненский Н. Первая чеченская. Минск, 2007.

PROBLEM OF FALSIFICATION OF HISTORY: ON THE EXAMPLE OF THE ASSESSMENT OF EVICTION OF THE PEOPLE IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

© 2014

Yu. V. Ospennikov, doctor of jurisprudence, professor of chair of the theory and history of state and law Samara law institute of the Federal Penitentiary Service of Russian Federation, Samara (Russia)

Annotation: In article the problem of a legal assessment of eviction of the people in modern science and the legislation is put. The author revealed the bases on which legal acts of rehabilitation of the moved people are based, the analysis is carried out them and ways of their formation are opened. The attention on dangerous to integrity of the Russian Federation of a tendency in lighting and treatment of this problem is separately paid.

Keywords: eviction of the people, resettlement of the people, rehabilitation, fascism rehabilitation, political repressions.

ПРАВОВОТВОРЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ БИМЕДИЦИНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2014

О.В. Романовская, доктор юридических наук, профессор кафедры «Частное и публичное право»
О. В. Безрукова, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право»
Пензенский государственный университет, Пенза (Россия)

Аннотация: В статье определяются принципы правотворческой политики применительно к регулированию биомедицинских технологий в Российской Федерации. Анализируются зарубежные правовые акты, рекомендации Межпарламентской Ассамблеи стран СНГ, международные документы. Выделена их основная направленность: защита прав человека. На основе сформулированных выводов рассмотрен проект Федерального закона «Об обращении биомедицинских клеточных продуктов».

Ключевые слова: правотворческая политика, биомедицинские технологии, клеточный продукт, права человека.

В настоящее много говорится о правовой политике, как о системообразующем элементе построения правового государства. А.В. Малько указывает: «Правовая политика – это научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности» [1, с. 7]. Нетрудно увидеть, что центральное место в понятии правотворческой политики занимает установление приоритетов в принятии необходимых законов высокого юридико-технического качества, имеющих определенную цель – создание эффективного механизма правового регулирования актуальных общественных отношений. Одним из таких приоритетных направлений выступает биомедицина.

Современная биомедицина (биомедицинские технологии), получая активное развитие, все больше ставит проблем перед отечественной юридической наукой. Если раньше она развивалась как одно из отраслевых направлений, не влияя значительно образом на общественную жизнь, довольствуясь стандартными средствами правового обеспечения, как правило, закрепляемыми в общем законе о здравоохранении, то в настоящее время она все более агрессивно наступает на устоявшиеся правовые институты. Для иллюстрации можно привести несколько примеров. Шагнули вперед вспомогательные репродуктивные технологии и как следствие – необходимость корректировки семейного и наследственного законодательства. Практика показывает, что возможно рождение ребенка после смерти его прародителей (благодаря разморозке криоконсервированных половых клеток и их пересадке донору). Суррогатное материнство позволяет наблюдать конфликт отцовства и материнства. Биологически рожденный ребенок одной женщиной может не иметь с ней какой-либо генетической связи. При столь быстром развитии новой науки правовое регулирование биомедицинских технологий в нашем государстве находится в зачаточном состоянии. Есть лишь некоторые законодательные акты, охватывающие ту или иную сторону проблематики [2, с. 112].

На суд общественности представлен проект специального нормативного акта, направленный на регулирование обращения биомедицинских клеточных продуктов – проект Федерального закона «Об обращении биомедицинских клеточных продуктов» [3]. Если быть совсем точными, то это обновленный вариант проекта Федерального закона «О биомедицинских клеточных технологиях», разработанного еще Министерством здравоохранения и социального развития России [4]. Проект стал результатом общих задач по формированию новой правовой базы для биомедицины, поставленных Минздравсоцразвития в начале 2011 г. Можно отметить, что второй вариант учитывает критику предыдущего [5,

с. 18], отличается большей проработанностью и использованием четкой юридической терминологии. Предмет закона определен следующим образом: общественные отношения, возникающие в связи с обращением – разработкой, доклиническими исследованиями, экспертизой, государственной регистрацией, клиническими исследованиями, производством, хранением, утилизацией, применением, мониторингом применения, ввозом в Российскую Федерацию, вывозом из Российской Федерации – биомедицинских клеточных продуктов.

Несмотря на значительный прорыв в «заговоре молчания» по отношению к биомедицинским технологиям, основные недостатки предлагаемой модели правового регулирования хорошо видны при определении научно обоснованных принципов правотворческой политики и их конкретизации применительно к заявленной проблематике.

Исследуя работы известных ученых-юристов, можно в целом выделить общие принципы правовой политики, а значит, и правотворческой, как ее разновидности:

- 1) приоритетность прав человека;
- 2) научная обоснованность;
- 2) предсказуемость;
- 3) планомерность;
- 4) легитимность, демократический характер.

Выделяют также такие принципы, как социальная обусловленность; гуманность и нравственные начала; справедливость; гласность; сочетание интересов личности и государства; соответствие международным стандартам.

А.В. Малько, признанный авторитет в формировании концепции правовой политики в России, отмечает ее признаки. Это всегда деятельность в правовой жизни общества, к тому же направленная на повышение ее качества. Она должна быть направлена на изменение и обновление наиболее значимых сегментов правовой жизни общества. Правовая политика должна быть связана с разработкой и реализацией правовых идей стратегического и тактического характера [6, с. 39].

Обратимся только к одному из принципов правотворческой политики. Приоритетность прав человека изложена в статье 2 Конституции РФ. Мерилом степени реализации данного принципа следует признать правозащитную направленность каждого нормативного акта. Проанализируем реализацию данного принципа в проекте Федерального закона «Об обращении биомедицинских клеточных продуктов». Достаточно обратиться к предмету проекта, чтобы понять: данный нормативный акт в большей мере напоминает технологическую инструкцию. На это же указывает и название проекта. В центре регулирования – обращение биомедицинских клеточных продуктов, а не защита прав граждан от возможных злоупотреблений при допуске обращения.

Ради справедливости надо отметить, что данный проект является вторым по счету, вынесенным на обсуждение общественности федеральным отраслевым органом управления. Заметен качественный скачок в регулировании многих важных положений. Четко обозначены

принципы осуществления деятельности в сфере обращения биомедицинских клеточных продуктов, к которым отнесены, в первую очередь, законность, соблюдение прав человека, уважение человеческого достоинства, добровольность участия пациентов в клинических исследованиях клеточных продуктов, безвозмездность предоставления биологического материала, недопустимость купли-продажи биологического материала, недопустимость от донора, недопустимость создания эмбриона человека в целях изготовления биомедицинских клеточных продуктов и некоторые другие. Определено содержание государственного контроля (надзора) в сфере обращения биомедицинских клеточных продуктов (статья 9 проекта). Проект подробно регулирует порядок разработки и доклинического исследования биомедицинских клеточных продуктов (глава 3), внутри которого можно найти не только понятие биомедицинской экспертизы биомедицинских клеточных продуктов, но и этической экспертизы, что является достаточно новым для российской законодателя. Статья 17 проекта устанавливает: «Этическая экспертиза проводится в целях выдачи заключения об этической обоснованности возможности проведения клинического исследования биомедицинского клеточного продукта советом по этике, созданным в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти».

Глава 5 проекта посвящена клиническим исследованиям биомедицинских клеточных продуктов. Последующие главы также больше напоминают по своему содержанию технический регламент. Глава 6 – Получение биологического материала для производства биомедицинских клеточных продуктов, глава 7 – Производство и маркировка биомедицинских клеточных продуктов, глава 9. – применение биомедицинских клеточных продуктов и так далее. Содержание упомянутых глав указывает, что количество статей, имеющих правозащитную направленность, минимально. Сразу же отметим, что это не является недостатком, вопрос в другом: должно ли это быть предметом регулирования именно закона, а не регламента, который мог бы быть принят исполнительным органом государственной власти. Данная позиция поддерживается специалистами в области биомедицинских технологий. Так, С.Л. Киселев, заведующий лабораторией молекулярной генетики рака Института биологии гена РАН, выступает против государственного контроля исследований в области клеточных технологий, но за жесткий контроль применения полученных результатов клеточных технологий в практике [7, с. 8]. В том же русле выступает Г.Т. Сухих, академик РАМН, дополняя: «Существует два мнения: нужно какое-то новое законодательство по трансплантации стволовых клеток. А я считаю, что такой масштаб – чрезмерность, потому что трансплантация – это частное явление, которое мы можем отнести частично в каких-то областях к законодательству по трансплантации органов и тканей. А с другой стороны, под какие-то законодательные акты или законы, которые регулируют лекарственный рынок, законодательство о здоровье, о правах потребителя, какая-то часть – это трансфузиология – это медицинские услуги» [7, с. 9]. Действительно, многие нормы дублируют федеральные правила, установленные иными нормативными актами. Яркий пример: статья 50 закрепляет: «1. Медицинская помощь с применением биомедицинских клеточных продуктов организуется и оказывается в соответствии с порядками оказания медицинской помощи и стандартами медицинской помощи, обязательными для исполнения на территории Российской Федерации всеми медицинскими организациями. 2. Применение биомедицинских клеточных продуктов осуществляется в организациях, имеющих лицензию на осуществление работ (услуг) по медицинской деятельности по профилю заболевания пациента». Для сравнения: часть 1 статьи 37 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ

«Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [8] закрепляет: «Медицинская помощь организуется и оказывается в соответствии с порядками оказания медицинской помощи, обязательными для исполнения на территории Российской Федерации всеми медицинскими организациями, а также на основе стандартов медицинской помощи». Понятие медицинской организации, закрепленное в указанном Законе, исходит из того, что это «юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, осуществляющее в качестве основного (уставного) вида деятельности медицинскую деятельность на основании лицензии, выданной в порядке, установленном законодательством Российской Федерации». И таких примеров можно привести достаточно много. Такие повторы допустимы в нормативных актах различного уровня: когда подзаконный акт расширявает положения документа, стоящего выше в иерархической лестнице по юридической силе.

Именно правозащитная направленность присутствует в статье 39 проекта (в ней закреплены права пациентов, участвующих в клиническом исследовании биомедицинского клеточного продукта), статье 40 (предусматривает обязательное страхование жизни, здоровья пациента, участвующего в клиническом исследовании биомедицинского клеточного продукта), статье 41 (закрепляет условия получения биологического материала у донора для производства биомедицинского клеточного продукта), статье 43, устанавливающей права и обязанности донора биологического материала, и некоторых других.

Обращает внимание предметология проекта Закона. По замыслу разработчиков он должен будет урегулировать отношения, возникающие в связи с обращением – разработкой, доклиническими исследованиями, экспертизой, государственной регистрацией, клиническими исследованиями, производством, хранением, утилизацией, применением, мониторингом применения, ввозом в Российскую Федерацию, вывозом из Российской Федерации – биомедицинских клеточных продуктов. От решения многих спорных вопросов законопроект уходит благодаря уточнению: его действие не распространяется на отношения, возникающие при разработке и производстве лекарственных средств и медицинских изделий, донорстве и трансплантации (пересадке) органов (их частей), тканей и клеток человека, донорстве крови и ее компонентов, отношения, возникающие при заборе и использовании цельной пуповинной крови человека, а также отношения, возникающие при обращении клеток и тканей человека в научных и образовательных целях. Данный подход, по-видимому, потребует принятия еще одного специального закона, что справедливо обосновывает вопрос: нужно ли такое нагромождение нормативных актов, имеющих узкую направленность?

Для анализа позитивного опыта можно обратиться к странам Западной Европы, где нормативная база была сформирована еще в конце 90-х гг. прошлого столетия, и сейчас она переживает серию обновлений (пока мы не можем разобраться с азами и принять действенный юридический акт). В ФРГ Закон о защите эмбрионов [9] был принят в 1990 г., он определял не только аспекты репродуктивной деятельности, но и вопросы клонирования, преимплантационной диагностики, создания химер и др. В Великобритании в 1990 г. был принят Акт об искусственном оплодотворении и эмбриологии [10]. Уже в последующем принимались законы: во Франции – Закон от 6 августа 2004 г. № 2004-800 «О биоэтике» [11], в Италии – Декрет Президента Республики от 6 ноября 2007 г. № 191 [12] и т.д. Показательно содержание документов, принятых под эгидой Всемирной Медицинской ассоциации. Так, разработана Хельсинкская декларация «Рекомендации для врачей по проведению биомедицинских исследований на людях», где в центре регулирования находится человек. В 1997 г. на европейском уровне была принята Конвенция о защите прав и достоинств

человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (Овьедо, 1997 г.). Опять же укажем на само название Конвенции – начинается со слов «о защите прав и достоинства человека...». В этом же году была принята Всеобщая Декларация о геноме человека и о правах человека. 16 октября 2003 г. принята Международная декларация ООН о генетических данных человека. Добавим, что к Конвенции о правах человека и биомедицине принято три Дополнительных протокола: Протокол против клонирования, Протокол относительно трансплантации органов и тканей человека, Протокол в области биомедицинских исследований.

Есть опыт принятия решений Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой сфере. 31 октября 2007 г. были приняты рекомендации «Об этико-правовом регулировании и безопасности генетических медицинских технологий в государствах-участниках СНГ». 18 ноября 2005 г. принят Модельный закон «О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах-участниках СНГ». Обращает внимание название нормативного акта, в котором во главу угла ставится защита прав человека. В данном модельном законе дается понятие биомедицинского исследования – это исследование с участием человека, проводимое с целью изучения новых диагностических, лечебных и/или профилактических средств и методов получения новых знаний по физиологии и психологии человека в условиях нормы, патологии и экстремальных ситуаций. Биомедицинские исследования могут как предусматривать интересы конкретного участника исследования, так и осуществляться без непосредственной пользы для лица, участвующего в исследовании. Статья 4 Модельного закона предусматривает основы государственной политики в области биомедицины, которая должна основываться на следующих принципах:

– прогресс медицинских, биологических и фармацевтических наук, направленный на улучшение качества жизни, невозможен без проведения биомедицинских исследований с участием человека;

– при проведении биомедицинских исследований с участием человека признается приоритет интересов и блага человека над интересами общества или науки;

– при проведении биомедицинских исследований с участием человека обеспечивается соблюдение действующего законодательства в области защиты прав человека и общепризнанных принципов и норм международного права, а также выполнение всех профессиональных требований и стандартов, установленных законодательством по отношению к этому виду деятельности; для уязвимых контингентов гарантируются специальные меры по защите прав и достоинства участника исследования;

– биомедицинские исследования с участием человека обоснованы перспективой получения нового научного знания, существенного для улучшения биомедицинской практики, и отсутствием другой возможности получения такого знания;

– проведение биомедицинских исследований, участие в которых не предусматривает непосредственной пользы для конкретного участника исследования и направлено на получение результатов и новых знаний, которые могут быть использованы для улучшения здоровья других лиц или прогресса науки, допускается только в исключительных случаях, предусмотренных законом, и при условии, что потенциальный риск для участника исследования не превышает минимальный;

– проведению биомедицинских исследований с участием человека должны предшествовать доклинические исследования, подтверждающие целесообразность и безопасность исследований на человеке, и этическая экспертиза проектов исследования, осуществляемая независимым комитетом по этике;

– участие в биомедицинском исследовании является осознанным и добровольным и не может осуществляться под давлением, по принуждению или обману;

– при проведении биомедицинского исследования должно быть обеспечено соблюдение принципов автономии и уважения личности, милосердия, справедливости;

– проведение современных биомедицинских исследований требует объединения междисциплинарных и международных усилий как в профессиональной сфере, так и в сфере защиты прав и достоинства участников исследования.

Статья 5 закрепляет права участников биомедицинского исследования. Глава 2 посвящена безопасности исследования, а глава 3 – статусу этического комитета и значению осуществляемой им экспертизы. Последующие главы раскрывают особые случаи, когда есть потребность в специальной защите того или иного потенциального участника биомедицинского исследования.

Приведенное показывает, что еще много следует сделать в процессе формирования той правотворческой политики, которая бы соответствовала реалиям времени и отвечала тем требованиям, которые выработаны современной юридической наукой. Конечно, уже продолжительное время не приняты многие важные законодательные акты, которые на высоком юридико-техническом уровне регулировали бы различные аспекты современной биомедицины. Значительное время обсуждается проект закона, посвященный вспомогательным репродуктивным технологиям. Работа над упомянутым проектом «Об обращении биомедицинских клеточных продуктах», в принципе, уже тоже затянулась. Первый вариант проекта был опубликован примерно три года назад (за это время можно было бы принять его и несколько раз подкорректировать). При этом следует учитывать, что сам закон никогда не будет панацеей от всех проблем. Следует признать, что нахождение того момента, когда потребность в законе будет научно обоснованной, – основная задача, которая должна быть разрешена российскими учеными-юристами. И решать ее должны на высоком уровне, чтобы в последующем не сомневаться в правильности выбранного пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малько А. В. Правотворческая политика как особая форма реализации правовой политики // Правотворческая политика в современной России : курс лекций / под ред. А.В. Малько. Саратов, 2013. С. 7.

2. Романовский Г. Б. Правовое регулирование биомедицинских технологий: проблемы и перспективы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 4. С. 111-127.

3. Об обращении биомедицинских клеточных продуктов : проект федерального закона // Сайт Министерства здравоохранения РФ. Режим доступа: http://www.rosminzdrav.ru/docs/doc_projects/905.

4. О биомедицинских клеточных технологиях : проект федерального закона // Сайт Министерства здравоохранения РФ. Режим доступа: http://www.minzdravsoc.ru/docs/doc_projects/535.

5. Романовский Г. Б. Правосубъектность граждан в условиях развития современных биотехнологий // Гражданин и право. 2012. № 9. С. 18-25.

6. Малько А. В. Теория правовой политики. М., 2012. С. 38-42.

7. Мнения специалистов // Клеточная трансплантология и тканевая инженерия. 2006. № 3. С. 8-9.

8. РФ. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

9. Gesetz zum Schutz von Embryonen (Embryonenschutzgesetz – ESchG). URL: <http://www.gesetz>

tze-im-internet.de/eschg/BJNR027460990.html.

10. Human Fertilisation and Embryology Act 1990. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/37/contents>.

11. О биоэтике : закон Франции от 06.08.2004 г. № 2004-800. Режим доступа: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000441469>.

12. Декрет Президента Италии от 06.11.2007 г. № 191. Режим доступа: <http://www.centronazionaleangue.it/content/decreto-legislativo-6-novembre-2007-n191>.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-03-00132.

LAW-MAKING POLICY IN THE FIELD OF BIOMEDICINE IN THE RUSSIAN FEDERATION

© 2014

O.V. Romanovskaya, doctor of law science, doctor of law science, professor of the chair
«Private and public law»

O.V. Bezrukova, candidate of law science, associate professor of the chair «Criminal law»
Penza State University, Penza (Russia)

Annotation: This paper sets out the principles of law-making policy on the management of biomedical technologies in the Russian Federation. Analyze foreign legal acts recommendations of the Interparliamentary Assembly of the CIS countries, international documents. Highlighted their main focus: the protection of human rights. On the basis of the findings discussed the draft of the Federal Law «On circulation of biomedical cell products».

Keywords: law-making policy, biomedical technology, cellular product, human rights.

УДК 340.61

ПРАВО И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БИомЕДИЦИНЫ

© 2014

Г.Б. Романовский, доктор юридических наук, заведующий кафедрой «Уголовное право»

О.В. Безрукова, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право»
Пензенский государственный университет, Пенза (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются основы правового регулирования некоторых проблем современной биомедицины. Исследуются трудности квалификации деяний, повлекшей смерть ребенка в утробе матери, представлено авторское отношение к праву на смерть, проанализированы перспективы изменений семейного права в условиях развития генетических технологий.

Ключевые слова: право, биомедицина, рождение, культура смерти, генетика, евгеника.

Последние десятилетия поставили перед человечеством принципиально новую перспективу: возможный переход на качественно иной уровень осмысления своего предназначения. И дело не в том, что ядерная физика подошла к такому порогу, когда можно создавать атомную бомбу почти в домашних условиях. Впереди «заветная» мечта – возможность решения практически всех проблем биологически путём. Связывают это как с перспективами развития генетики, так и с реальностью создания человека неполовым путем размножения (клонирование). Достижения медицины подвигают нас также к переоценке конституционных ценностей. Поскольку они затрагивают существо человека, это заставляет юриспруденцию четко отреагировать на меняющуюся действительность: установление дозволений и запретов, гарантий недопущения злоупотреблений и др. Мировое сообщество признает, что традиционных норм и механизмов становится недостаточно. Как отмечают Э. Сгречча и В. Тамбоне, открытия последних лет, «возвестившие о том, что в области геномной инженерии появляется страшная по своим последствиям возможность создания биологического оружия и изменения самого статуса различных форм жизни, видов животных и людей, привели к тому, что они получили огромный резонанс и породили идеи и страхи «катастрофического» характера» [1, с. 4]. Новые медицинские технологии становятся агрессивными по отношению к человеку. В то же время налицо существенная польза от них, связанная, в первую очередь, с лечением считавшихся ранее смертельными заболеваний [2, с. 20]. Это означает, что научные исследования нельзя запрещать, но их регулирование возможно в большей степени с точки зрения этики, морали, нравственности, т.к. один и тот же результат может быть использован в различных целях. На стыке медицины, права, теологии, философии возможен конфликт. Свод правил, позволяющих стать «совестью» медицинской науки и примирить всех специалистов в названных сферах, традиционно называют биоэтикой. Сам термин ввел в 1970 году онколог Ван Ренсселер Поттер.

В то же время достижения медицины перестают быть исключительно биоэтическими, они требуют не просто самостоятельного правового регулирования, но переосмысления устоявшихся конституционных ценностей. Если всего лишь 30 лет назад рождение девочки в результате искусственного оплодотворения считалось подобием революции, то сейчас некоторые горячие головы предлагают решать таким путем демографические проблемы нашего государства. Остановимся только на наиболее значимых биоэтических проблемах, затрагивающих основы конституционно-правового статуса человека и гражданина.

Статья 17 Конституции РФ закрепляет общий принцип, что основные права и свободы принадлежат каждому с момента рождения. Это означает, что только рождение человека дает основание говорить о появлении нового субъекта права. Достаточно прочитать базовые работы по уголовному праву, чтобы увидеть: все дискуссии о начальном моменте жизни так или иначе связаны с родами. Некоторые авторы констатируют появление жизни с начала первых схваток, другие – с момента полного изгнания или извлечения продукта зачатия из организма беременной [3, с. 44]. Делаются также уточнения, что у младенца должно фиксироваться сердцебиение [4, с. 14]. В любом случае момент не отделен от самого процесса родов. Большинство религиозных конфессий его определяют гораздо раньше. Однако спор морали и права переходит в иную плоскость из-за легализации искусственного прерывания беременности. В соответствии со статьей 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5] каждая женщина может самостоятельно решать вопрос о материнстве. Причем при сроке беременности до 12 недель – это только ее право, до 22 недель – аборт возможен по социальным показаниям, а по медицинским показаниям – операция проводится вне зависимости от срока. Достижения медицины показывают возможность выхаживания недоношенных детей. Рекордом считается рождение Кенни Кинг на сро-

ке 19 недель. Кенни весила всего лишь 510 г. Во многих странах детей, родившихся на сроке 21-22 недель, можно спасти. Означает ли это, что аборт по социальным показаниям – санкция на убийство? Врач выскабливает плод, который в принципе может остаться в живых. Медицина движется вперед и можно предвидеть, что границы живорожденности могут отодвинуться к тому сроку, в течение которого возможен аборт исключительно по желанию женщины. Приведенные обстоятельства обуславливают устойчивую тенденцию, формирующуюся в юридической науке, согласно которой плод следует наделить правосубъектностью. Положительное решение этого в законе создаст огромное количество проблем. Обозначим наиболее специфические.

1. Привлечение к уголовной ответственности за поведение, способствующее смерти плода. В 2004 году в США было предъявлено обвинение в убийстве своего нерожденного ребенка 28-летней Мелиссе Энн Роуланд, отказавшейся от кесарева сечения из-за страха иметь шрамы, которые испортят ее фигуру. В результате последующих родов живым оказался только один ребенок (из двойни). Обвинение посчитало, что мать руководствовалась только эгоистическим побуждением, зная, что промедление смертельно опасно для одного из будущих новорожденных [6]. Кстати, во Франции рассматривался другой случай, когда пациентке врач-гинеколог при осмотре по неосторожности проткнул околоплодный пузырь (на 7 месяце беременности), в результате чего пришлось делать срочный аборт, плод не выжил. Французские суды оправдали врача, указав, что нерожденный не является человеческим существом и не находится под защитой уголовного закона. Дело было рассмотрено в Европейском Суде по правам человека [7], в результате чего было принято Постановление Суда от 8 июля 2004 г. по делу «Во против Франции» (жалоба № 53924/00). В решении указывается, что во французском законодательстве не существует четкого юридического определения ребенка во чреве матери, нет в Европе и консенсуса по поводу юридического статуса человеческого зародыша. Европейский Суд не постановляет, является ли ребенок во чреве матери лицом в значении, которое придается этому понятию Статьей 2 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, или нет. Европейский Суд отмечает, что в данном деле спор касался вопроса о непреднамеренных действиях врача, причинивших телесные повреждения ребенку во чреве матери, повлекших его смерть; причем эти действия были произведены врачом вопреки желаниям матери и ценою значительных страданий ее самой. С учетом этого Европейский Суд полагает, что интересы утробного плода и его матери частично совпадали. Соответственно, Суд изучил вопрос о защите прав, доступной заявителю под углом зрения адекватности имеющихся в правовой системе Франции механизмов для доказывания небрежности врача, повлекшей гибель ее ребенка в утробе, и для заглаживания вреда, причиненного принудительным прерыванием ее беременности. Поскольку дело касается непредумышленного нарушения права заявительницы на физическую неприкосновенность, позитивные обязательства государства по охране прав человека в процессуальных вопросах, проистекающие из положений Статьи 2 Конвенции, отнюдь не требуют, чтобы в действие приводились бы обязательно уголовно-правовые средства правовой защиты. Заявительница могла бы обратиться в суд с гражданским иском против властей, требуя выплаты ей компенсации за вред, который был причинен действиями врача, совершенными по небрежности. Дело могло бы быть с успехом разрешено в пользу заявительницы, и тогда она смогла бы добиться вынесения постановления суда, предписывавшего администрации больницы выплатить ей компенсацию за причиненный вред. Это явствовало из заключений экспертизы, составленных в ходе производства по уголовному делу: в заключениях обращалось

внимание на плохую работу гинекологического отделения больницы и крайнюю небрежность, допущенную врачом, занимавшимся заявительницей. Таким образом Суд не признал нарушений статьи 2 (право на жизнь) Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

2. Ответственность за «неправомерное оставление в живых». В странах Западной Европы, Австралии и США появилась целая череда исков родителей и детей за вред, причиненный в результате рождения ребенка. Данные иски породили новую концепцию – «жизнь, причиняющая вред». Медицинская практика знает немало примеров, когда женщине делается аборт, но, несмотря на это, беременность продолжается и заканчивается рождением ребенка. Например, Стейси Доу судилась с управлением здравоохранения области Тейсайд (Великобритания) из-за того, что «воспитание дочери теперь связано для нее с непосильными финансовыми тратами». Стейси Доу решила сделать аборт сразу же, как только узнала о беременности. Процедура была проведена на той же неделе в Королевской больнице Перта в январе 2001 года, но, как оказалось, неудачно. Выяснился данный факт уже тогда, когда аборт сделать было нельзя [8]. Самым громким в этой части было «дело Перрюша» во Франции, когда родители предъявили иск к медицинскому учреждению, как в последствии его назвали, «иск о жизни, причиняющей вред». Своим решением Кассационный Суд Франции, которое до настоящего времени имеет неоднозначную оценку, удовлетворил требования в отношении возмещения ущерба ребенку, косвенно признав, что аборт был бы целесообразнее, чем рождение неполноценного ребенка [9, с. 58]. Во то же время Высший суд земли Кассель (ФРГ) 17 января 1984 г. отклонил иск о возмещении вреда, причиненного искусственным прерыванием беременности, в связи с рождением одного из зачатых близнецов. Основанием выступило то, что искусственное прерывание беременности по иному, не относящимся к здравоохранительным, мотивам является противоправным, а потому и безуспешный исход операции, не достигшей цели, не может служить основанием для притязания на возмещение вреда. Подобные дела имеют иное продолжение: дети подают иски к медицинским учреждениям «за халатность, следствием которой стала их жизнь, а не смерть». В частности, в Австралии, две девушки-инвалиды обратились с иском, обосновав, что медицинские работники не проконсультировали их родителей о последствиях рождения детей, а их жизнь причиняет им страдания [10].

3. Приведенные выше примеры порождены, как представляется, явлением, которому Папа Римский Иоанн Павел II дал название – «культура смерти» [11]. Его продолжением является провозглашение права на смерть, позволяющего легализовать эвтаназию, культивировать самоубийства во всех их проявлениях, а также запрет на оказание медицинской помощи самоубийцам-неудачникам. И.В. Силуянова отмечает: «Моральное отношение к смерти всегда являлось кардинальным, системообразующим и жизнеобеспечивающим принципом для любого человеческого сообщества» [12, с. 138]. Перефразируя, добавим, что и для юриспруденции отношение к праву на смерть является системообразующим, поскольку затрагивает основы жизнеутверждения (или его отсутствия). Если согласится с существованием права на смерть, то придется пересмотреть содержание и структуру большинства гражданских (личных) прав человека и гражданина. Это и право на свободу (обладает ли гражданин полной свободой в решении вопроса об окончании жизни), и право на уважение частной жизни (является ли уход из жизни исключительно личным делом каждого), и право на охрану здоровья (должен ли медработник оказывать медицинскую помощь суициденту) и т.д. Необходимо отметить, что право на смерть, как ни странно, некоторыми учеными выводится из права на жизнь – фундаментального права человека.

Данная логика не имеет под собой какого-либо научного обоснования. Закрепление субъективного права нельзя трактовать как признание противоположности. Так, правовые документы, говоря о смертной казни, как о возможном ограничении права на жизнь, отнюдь не исходят из того, что есть такое право на смертную казнь. Обязанность платить налоги не предполагает обязанности их не платить. Право на образование не обуславливает право быть невеждой. В последнем случае следует добавить: конечно, любой может отказаться от получения образования (после основного общего), но нельзя говорить, что именно Конституция России позволяет (а уж тем более вменяет) быть неучем. Следует отличать фактическую и юридическую возможности. Каждый может покончить жизнь самоубийством, но это не означает, что тем самым гражданин отказывается от права на жизнь. Права человека носят характер неотчуждаемых. Остается только добавить, что появляются и иные оригинальные права человека, благодаря которым по образному выражению В.И. Крусса, все менее становится человека в человеке [13, с. 602].

4. Клонирование. Его символом стала овечка Долли, которая доказала, что объектом генетических манипуляций может стать и человек. Это породило запретительное отношение к репродуктивному клонированию во всем мире: Дополнительный протокол к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенция о правах человека и биомедицине, Овьедо, 1997 г.), Декларация ООН от 8 марта 2005 г. о клонировании человека. В мае 2002 г. был принят Федеральный закон «О временном запрете на клонирование человека» [14], которым был введён временный, сроком на пять лет (срок моратория сейчас продлен), мораторий на подобные манипуляции с человеком. В то же время клонирование породило немало юридических проблем: является ли клон субъектом права или это собственность «прародителя»? Обладает ли клон правом на жизнь? Возможно ли использование клона в качестве набора органов – запасных частей? Необходимо отметить, что в Западной Европе популярны идеи технологического отношения к жизни. Так, А. Бард и Я. Зодерквист провозгласили идею нетократии: «То, что неэтично сегодня, завтра будет принято повсеместно». И как следствие: «Этика нетократии – это гипербиологический прагматизм». Авторы несколько иначе предвидят будущее клонирования: «Эти слегка отредактированные копии могут даже выступать в роли живых хранилищ резервных органов на тот случай, если нам вдруг понадобится свежая, не затронутая воздействием алкоголя печень» [15]. Подчеркнем, что идеи нетократии находят благоприятствующие отклики в умах части российской политической элиты.

5. Успехи генетики дают новое дыхание «евгенике». Кстати, в нашем государстве некоторыми авторами предлагается своеобразно использовать успехи клонирования: создать бесполого человека, заменить нынешний способ получения сексуального сладострастия на другие, более цивилизованные его формы и виды, а с социальной стороны – освободить от качеств-балластов: глупости, ленивости, пассивности, неуправляемости и др. [16] Подобная коррекция человека, которая может проводиться на эмбрионе еще в чреве матери, опровергает постулат равенства всех перед законом и судом. «Что останется от аксиомы о равенстве, если интеллектуальные и даже моральные качества некоторых индивидуумов будут многократно искусственно усилены по сравнению с тем, чем наделены другие», – отмечает Зб. Бжезинский [17]. Евгеника ставит еще ряд вопросов: какие именно качества человека нуждаются в улучшении? Должны ли все люди обладать правом доступа к таким биотехнологиям? Какие поведенческие модели нуждаются в биологической корректировке? Обращает внимание, что в зависимости от уклада жизни, нравственных представлений, религиозных убеждений, поведенческие

стереотипы, направленные на развитие естественного отбора, в общественном понимании могут серьезно различаться. Людвиг фон Мизес писал: «Превосходство или низкопородность людей можно установить только на основе личностных ценностных суждений, не поддающихся верификации или фальсификации. Евгеники ошибаются в том, что их кто-то призовет на роль селекционеров... Они слишком недалеки, чтобы взвесить, какой выбор сделают люди на основе собственных ценностных суждений. В глазах нацистов «бестия со светлыми волосами» – самый совершенный экземпляр рода» [18, с. 141].

6. Перспективы развития новых биотехнологий позволили известному футурологу Э. Тоффлеру предсказать изменение понятия и роли семьи. Деторождение не станет личным делом каждого, воспитание ребенка может быть доверено только профессиональным родителям. Искусственное зарождение жизни будет способствовать тому, что весь процесс от зачатия до появления на свет ребенка (а потом и последующее воспитание) может происходить под контролем специалистов, «родительскому дилетантизму должен быть положен конец» [19, с. 277]. Еще в XIX веке во Франции высказывалось предложение выдавать молодым людям свидетельство о праве вступать в брак, в котором бы после медицинской проверки ставилась отметка «*bon pour le mariage*» — «годен для брака» [20, с. 451]. Тем самым мог быть предусмотрен отказ в регистрации брака по медицинским показаниям. Позднее в Советском Союзе в коллективной работе «Право и защита семьи государством» указывалось на приоритет демографической политики – нацеленность не столько на рост численности населения, сколько на его качество. Приводился пример из болгарского права, предусматривающего обязательность предоставления при заключении брака медицинского свидетельства. Установлен список заболеваний, которые медицинские учреждения должны учитывать при выдаче документа [21, с. 160]. Если существует угроза для здоровья только супруга (не потомства), брак возможен, но с согласия информированного об этом препятствии другого супруга [22, с. 160]. Проблема видится в соотношении публичного и частного в регулировании семейных отношений. Отчасти следует согласиться с мнением А.М. Нечаевой: «Беспрепятственное осуществление личных брачно-семейных прав гражданина, либо лица, стремящегося приобрести тот или иной брачно-семейный статус, выходит за рамки интересов отдельной личности» [23, с. 4]. Всё дело в том, где та черта, за которой личное усмотрение должно подчиняться общественному усмотрению. В столь интимной сфере, государство, получаясь, должно отказаться от принципа неприкосновенности частной жизни и вмешаться во внутренние дела семьи, и определить ту или иную публичную модель поведения. Установление границы определит степень демократичности общества и государства.

Общие высказывания о востребованности публичности в семейном праве имеют далеко идущие последствия с учетом медицинских достижений. В журнале «Государство и право» за 1994 год (№ 1) появилась статья М.И. Ковалёва «Генетика человека и его права». В ней в частности было предложено установить законодательный запрет на вступление в брак между генетически несовместимыми людьми, при этом ввести возможность заведения генетического паспорта: «Представляется, что в области генетики наследственное право, или точнее право на наследственность, является в большей мере публичным, чем частным. Преходящие, субъективные интересы, личные причуды, необузданность либо бесхарактерность, равно как и беспечность разных людей, не могут быть положены в основу концептуального решения вопроса о генетической наследственности как неограниченном индивидуальном праве родителей в отношении будущего потомства. Человечество заинтересовано в сохранении и улучшении своего генофонда

и должно иметь для этого в своём распоряжении достаточные правовые средства» [24, с. 20]. Как справедливо отметила О.Ю. Косова: «Государственный аппарат может просто «закрыть глаза» на процессы, протекающие в сфере брачно-семейных отношений, но такая политика не может продолжаться долго, так как динамика социальных процессов (позитивных или негативных) заставит определиться в этом вопросе» [25]. Для Российской Федерации названная проблема наиболее актуальна: в условиях малодетности современных семей, когда асоциальный элемент не задумывается над контролем над рождаемостью, мнение об установлении каких-то ограничительных мер становится всё более востребованным.

Приведенный перечень «вызовов современности» носит только беглый характер. Следует отметить, что российская юриспруденция пока отмалчивается, несмотря на агрессивность по отношению к человеку многих медицинских достижений. Но, так или иначе, право ещё выскажет свое отношение. Каким оно будет – зависит от степени профессионализма тех дискуссий и исследований, которые происходят в настоящее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сгречча Э., Тамбоне В. Биоэтика. М. : ББИ, 2002. 507 с.
2. Романовская О. В. Перспективы правового регулирования обращения биомедицинских клеточных продуктов в Российской Федерации // Гражданин и право. 2014. № 5. С. 20-30.
3. Красиков А. Н. Преступления против права человека на жизнь: в аспектах de lege lata u de lege ferenda. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 220 с.
4. Бояров С. Проблемы определения начала жизни человека в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 4. С. 13-14.
5. РФ. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
6. В США роженице грозит пожизненный срок за отказ от кесарева сечения // Портал NEWSru.com. Новостная лента 12.03.2004. Режим доступа: <http://www.newsru.com/crime/12mar2004/baby.html>.
7. Browne A. Abortion error «shows foetus has right to life» // The Times. 2003. 11 dec.
8. Mother sues over twin girl she had after an abortion // The Times. 2005. 8 dec.

9. Сэнт-Роз Ж. Право на жизнь // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2003. № 6. С. 56-69.

10. В Австралии девушки-инвалиды хотят засудить врачей за то, что те позволили им родиться // Портал NEWSru.com. Новостная лента 11.11.2005. Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/11nov2005/invalid.html>.

11. Иоанн Павел II. Окружное Послание – Evangelium Vitae («Евангелие Жизни»), 25 марта 1995 г. // IV Всемирный Конгресс Семей. Режим доступа: <http://www.worldcongress.pl/docs.php?view=9>.

12. Силуянова И. В. Биоэтика в России: ценности и законы. М. : Грантъ, 2001. 192 с.

13. Красс В. И. Теория конституционного правопользования. М. : Норма, 2007. 752 с.

14. РФ. О временном запрете на клонирование человека : федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ (ред. от 29.03.2010) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 21. Ст. 1917.

15. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб. : Стокгольмская школа экономики, 2005. 252 с.

16. Гончаров В. П. Геном и клонирование человека (философский аспект). М. : Современные тетради, 2002. 104 с.

17. Бжезинский Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М. : Международные отношения, 2004. 288 с.

18. Фон Мизес Л. Индивид, рынок и правовое государство. СПб. : Пневма, 1999. 196 с.

19. Тоффлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2002. 557 с.

20. Кони А. Ф. О врачебной тайне // Собрание сочинений в 8 т. Т. 4. М., 1967. С. 443-453.

21. Романовская О. В. Обязанности медицинских организаций // Менеджер здравоохранения. 2014. № 5. С. 43-51.

22. Право и защита семьи государством / отв. ред. В. П. Мозолин, В. А. Рясенцев. М. : Наука, 1987. 183 с.

23. Нечаева А. М. Правонарушения в сфере личных семейных отношений. М. : Наука, 1991. 238 с.

24. Ковалёв М. И. Генетика человека и его права // Государство и право. 1994. № 1. С. 12-22.

25. Косова О. Ю. О конституционном принципе защиты семьи государства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 2. С. 14-23.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-03-00132.

LAW AND CONTEMPORARY PROBLEMS BIOMEDICINE

© 2014

G.B. Romanovsky, doctor of law science, head of the chair «Criminal law»
O.V. Bezrukova, candidate of law science, associate professor of the chair «Criminal law»
Penza State University, Penza (Russia)

Annotation: This article covers the basics of the legal regulation of some of the problems of modern biomedicine. Explores the difficulties of qualification of acts that resulted in the death of a child in the womb, is the author's attitude to the right to die, analyzed the prospects of changes to family law in the development of genetic technologies.

Keywords: law, biomedicine, birth, death culture, genetics, eugenics.

ОШИБКИ В НОРМОТВОРЧЕСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ПОНИМАНИЯ И ОЦЕНКИ

© 2014

Р.А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России,
начальник института

Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Аннотация. В статье рассматривается понятие «нормотворческая ошибка», предлагается создать в правоведении теорию ошибок, которая будет способствовать выявлению и устранению нормотворческих ошибок. Основой такой теории, по мнению автора, могут стать положения теорий ошибок, разработанных в естественных и технических науках.

Ключевые слова: нормотворчество; ошибка; правоведение; теории ошибок.

1. Понятие ошибки

Мы часто употребляем слово «ошибка», не задумываясь над его смысловой нагрузкой. Что такое ошибка? Почему ошибки совершаются? Можно ли ошибок избежать? Следует ли исправлять допущенные ошибки и как это делать? Вопросы можно продолжать. Отвечать на них каждый будет по-своему. При этом понимание ошибки в естественных и технических науках существенным образом отличается от того, которое имеет место в социальных науках. Бессмысленно отрицать факт различия предметов исследования названных наук. Ясно и то, что зачастую социальная наука заимствует у естественной (технической) понятия, наполняя их собственным (существенным образом отличным от первоначального) содержанием (к числу подобных заимствований могут быть отнесены слова «механизм», «аппарат», «функция», «технология» и др.), следовательно, могут быть заимствованы (с последующей обработкой и адаптацией к соответствующему предмету познания) и определенные теории, выступающие методологической базой исследования в той или иной области. При подготовке этой статьи, мы отошли от традиционной юридической методологии познания, на которую, в частности, опирается такой известный специалист в области ошибок в праве, как А.Б. Лисюткин [2, 3], и постарались рассмотреть категорию ошибки в рамках двух теорий, оперирующих этим понятием на инструментальном уровне. Речь идет о математике и кибернетике. В названных областях знаний ошибка воспринимается как выявленная погрешность в расчетах, оказавшая влияние на планируемый результат.

Рабочее определение ошибки в области социальных отношений сформулировано посредством метода логического конструирования и в силу своего абстрактного характера может быть экстраполировано на любую сферу социально-правовой деятельности, в том числе и на нормотворчество.

Применительно к системе социально-правовых отношений *ошибкой* следует считать *любое субъективное волеизъявление, приводящее к искажению сложившихся в обществе стереотипов дифференциации «правильного/правомерного» и «неправильного/противоправного».*

Взятое за основу данное определение позволяет выделить признаки ошибки:

– фактическая ошибка – *явление субъективного характера*: в реальности конкретные ошибки совершают конкретные субъекты, при этом другие субъекты наделяются правом квалифицировать принимаемые решения (совершаемые поступки) как правильные/ошибочные. Таким образом, отдельно взятая ошибка представляет собой факт казуального характера, в юриспруденции – это юридический факт (деяние);

– в качестве ошибки нарушение установленного социально-правового порядка будет рассматривать в случае наступления последствий, негативным образом отличающихся от запланированных результатов, если ухудшения результатов не произошло, либо полученный результат лучше ожидаемого, внесенные в процесс изменения рассматриваются в качестве позитивной но-

вазии, подлежащей описанию и включению в систему в качестве средства ее модернизации;

– ошибка как свойство упорядоченного процесса социальной жизни – явление *объективное и в силу этого закономерное*. Любая ошибка предполагает наличие устоявшегося стереотипа (правила): нет правила, нет и ошибки. Из этого следует, что принятие правила автоматически влечет потенциальную возможность совершения ошибки в процессе его реализации;

– применительно к юридической технике ошибка есть фактор, характеризующий *профессиональную компетенцию и компетентность* субъекта юридической деятельности, при этом количество и качество совершаемых ошибок следует рассматривать в качестве оценочного критерия компетентности соответствующего субъекта;

– ошибка носит *добросовестный характер и исключает противоправный умысел*, в противном случае следует говорить не об ошибке, а о правонарушении. Вместе с тем, в зависимости от результативных последствий совершенной ошибки, она может быть квалифицирована в качестве факта неумышленного противоправного деяния.

2. Понятие нормотворческой ошибки

«Нормотворчество на сегодня является важнейшей функцией государства, выступает системообразующим фактором в механизме правовой регуляции жизни общества. Это ...движущая сила развития права и источник постоянной корректировки масштабов и характера непосредственного правового регулирования общественных отношений» [4, с. 5].

Рассматривая нормотворчество как вид юридической деятельности государства (выступающего в лице компетентных государственных органов и должностных лиц – представителей государственной власти), направленной на разработку, принятие и внедрение в систему социальных отношений нормативно-правовых актов, содержащих в себе нормы права (общезначимые правила поведения, исходящие от государства и обеспечиваемые государственными гарантиями и санкциями), следует, с одной стороны, констатировать, что государственное нормотворчество, представляя собой объективную составляющую государственной деятельности (любое государство независимо от формы правления и политического режима обладает прерогативами в сфере разработки и легализации основополагающих нормативно-правовых актов – законов), не зависит от волеизъявлений конкретных человеческих индивидов, а с другой стороны, представляет собой результат конкретной деятельности конкретных граждан, принимающих как правильные (с точки зрения соответствия действующим законам), так и неправильные решения.

В условиях авторитарных режимов проблема ошибки государства (государственного органа, государственного деятеля) не актуальна. Если государство фактически владеет обществом и руководит им по собственному усмотрению, то и официально признаваемых ошибок в период своего существования оно допускать не может. Единственное «но». История как объективная

реальность показывает эффективность либо пагубность используемой той или иной управленческой системой средств и методов управления, а следовательно, правильность либо ошибочность государственных законов.

Приговор истории окончателен и обжалованию не подлежит. Можно долго говорить о богобоязненности и державности подданных Российской империи («В народном восприятии Святая Русь сливалась с Вселенским Православием, Святая Русь есть везде, где есть православная вера») [1], о патриотизме граждан СССР, но приходится признать, что единственным фактором, объединяющим два качественно отличных государственных строя, является конечный период их существования.

Для того чтобы перейти из стадии «бытия» в «небытие» этим державам, декларирующим собственную исключительность и непоколебимую стабильность на арене всемирной истории, оказалось достаточным всего лишь одного года. 1918 и 1992 гг. наглядно показали миру, что слова о неразрывности связей, объединяющих народы Империи и Союза, – не более, чем слова, произносимые людьми, которым ничто человеческое не чуждо, в том числе возможны и ошибки, совершаемые высшими должностными лицами в области государственно-управления.

В XXI в. Россия вступает в качестве страны, которая, с одной стороны, декларирует свое преемство по отношению к традициям, сложившимся в ходе отечественного политико- и правогенеза, а с другой – заявляет свое право на выработку качественно новых схем и механизмов политико-правового устройства. Но не будет ли новое не очень хорошо забытым старым? К сожалению, нельзя не признать того, что, как и в старые добрые/недобрые времена, на официальном уровне все меньше говорят о возможных/неизбежных ошибках людей, выступающих в качестве представителей государственной власти. Люди всегда остаются людьми, а значит, им свойственно ошибаться.

Люди, осуществляющие правотворческую деятельность, называются научным термином «субъекты правотворчества». Кто они? Перечислим некоторых очень известных россиян, которые в настоящий период наделены компетенцией в сфере разработки и принятия общезначимых правил поведения, облеченных в форму федеральных конституционных и федеральных законов: Вячеслав Третьяк, Александр Карелин, Иосиф Кобзон, Алина Кабаева, Николай Валуев и т. д. Не сомневаюсь в известности и заслуженных достижениях в области спорта и искусства перечисленных депутатов Государственной думы. Вместе с тем возникают серьезные сомнения в их профессиональной компетенции в качестве собственно нормотворцев, обладающих в силу занимаемой должности комплексом специальных знаний, умений, навыков. Применительно к таким субъектам нормотворческой деятельности ошибки неизбежны. Что же такое правотворческая ошибка и каким образом можно ее исправить?

Нормотворческая ошибка – это субъективный фактор нормотворческой деятельности. Волеизъявление правосубъектного лица, противоречащее установленным правилам (процедурам) нормотворческого процесса, влекущее наступление результатов, непредусмотренных существующими нормативными положениями и регламентами.

Нормотворческие ошибки возникают в результате деятельности конкретных людей и в своей конкретике носят казуальный характер. Вместе с тем объективный характер действующего законодательства предопределяет ситуацию, в рамках которой ошибка, допущенная конкретным человеком, впоследствии «растворяется» в общем объеме работы по подготовке и принятию нормативно-правового акта. Следовательно, ошибочность разрабатываемых и принимаемых конкретными людьми нормативных правовых актов в обобщенном виде является закономерное. Из этого следует, что очевидные по-

грешности вновь принятого закона/подзаконного акта не влекут ответственности лиц, допустивших ошибки в ходе нормотворческого процесса.

Для того чтобы успешно выявлять и устранять нормотворческие ошибки, необходима научная теория. Учитывая, что в правоведении такой теории вплоть до настоящего времени нет, можно попытаться взять за основу теории ошибок, разработанные в естественных и технических науках, с тем чтобы затем внедрить их положения в теорию правотворческих ошибок.

3. Математическая теория нормотворческой ошибки

Теория ошибок – раздел математической статистики, посвященный построению уточненных выводов о численных значениях приближенно измеренных величин, а также об ошибках (погрешностях) измерений.

Повторные измерения одной и той же постоянной величины дают, как правило, различные результаты, так как каждое измерение содержит некоторую ошибку. Различают три основных вида ошибок: системные, грубые и случайные.

Теория ошибок занимается изучением лишь грубых и случайных ошибок. Основными задачами теории ошибок являются: выведение законов распределения случайных ошибок, определение оценок неизвестных измеряемых величин по результатам измерений, установление погрешностей таких оценок и устранение грубых ошибок.

Нормотворчество является видом юридического процесса. Ошибки, совершаемые субъектами правотворчества, так же как и в математике, могут быть разделены на системные, грубые и случайные.

Системные ошибки возникают вследствие укоренившихся в индивидуальном и коллективном правосознании субъектов правотворчества стереотипов восприятия государства и права. Подобные стереотипы, сформировавшиеся у сегодняшних представителей законодательной власти, в большинстве своем сформировались в условиях государственно-правового режима советского периода. Крах режима произошел в результате кризиса системы социального управления (важнейшим элементом которой был механизм правового регулирования) Советского государства. Однако сам по себе распад СССР не мог повлечь моментального изменения социалистического правосознания людей, пришедших к власти на волне революционных преобразований. Получается, что новое законодательство принимают люди со старым мышлением, а это неизбежно влечет за собой совершение системных правотворческих ошибок. В качестве примера совершения системной правотворческой ошибки может быть рассмотрен Федеральный закон «О мировых судьях» 1998 г. Теоретически (в контексте основных функций института мировой юстиции) мировые судьи должны относиться даже не к субъектам Федерации, а к муниципальным образованиям, что, в свою очередь, предполагает их выведение за рамки государственных органов судебной власти. Вместе с тем в соответствии с законом институт мировой юстиции включается в структуру государственной судебной системы, что автоматически влечет формирование отношения к мировым судьям со стороны федеральных судей как к нижестоящим, а значит, менее значимым. Такая ошибка стала следствием того, что у авторов закона (не важно признаются они себе в этом или нет) сохранился в сознании стереотип командно-административной системы управления, в основу которой положен принцип субординации нижестоящих органов (должностных лиц) по отношению к вышестоящим. Если согласиться с этим, то становится понятным, почему для мирового судьи (являющегося судьей субъекта Федерации) в качестве вышестоящей инстанции определяется федеральный орган – районный суд [7].

Грубые ошибки возникают в результате просчетов, связанных с неправильной оценкой социологических

факторов нормотворческого процесса, нарушением основополагающих принципов техники нормотворческой деятельности, несоблюдением правил работы с документами и т. п.

Нормы, содержащие грубые ошибки, достаточно сильно отличаются от других и поэтому хорошо заметны.

Случайные ошибки происходят вследствие возникновения непредвиденных обстоятельств и обусловлены причинами индивидуального характера. Учитывая, что процесс правотворчества является видом коллективной деятельности, можно было бы констатировать, что сама по себе случайная ошибка не может оказать существенного влияния на качество готовящегося нормативно-правового акта, поскольку каждый последующий этап правотворчества одновременно является фазой контроля правильности решений, принятых на предшествующей стадии, а значит, ошибка, случайно допущенная предшествующим субъектом, будет выявлена последующим. Вместе с тем, принимая во внимание пресловутый «человеческий фактор», вполне можно допустить ситуацию, когда случайная ошибка, совершенная на первых этапах правотворческого процесса, не будучи выявленной в дальнейшем, способна повлиять на структуру и содержание разрабатываемого документа, а в дальнейшем сказаться на результативности его применения.

Разработка теории правотворческих ошибок предполагает моделирование средств выявления грубых и случайных ошибок, а также предложение путей их устранения.

В качестве основного средства выявления правотворческих ошибок следует признать процедуру обсуждения проекта нормативно-правового акта как среди специалистов в области предполагаемого правового регулирования, так и среди широкой общественности, оценивающей планируемый документ с точки зрения его соответствия устоявшимся в обществе традициям и представлениям о морально-этических ценностях. С сожалением приходится констатировать, что в современной отечественной правотворческой практике процедура всенародного обсуждения проектов наиболее важных законодательных актов не применяется. Ее внедрение, на мой взгляд, будет способствовать более тщательной работе над законопроектами, а также означать практическое вовлечение широких народных масс в правотворческий процесс.

Говоря об устранении правотворческих ошибок, следует отметить, что в настоящий период имеется практика включения в принятые и действующие законодательные акты дополнений и изменений. Не отвергая данный путь исправления ошибок, вместе с тем хотелось бы акцентировать внимание на особом статусе закона как наиболее стабильного, а значит, и жесткого (с точки зрения всевозможных трансформаций) нормативно-правового акта. Думается, что непрерывное изменение текста закона снижает его юридическую силу и в результате негативно сказывается на законоприменительной практике. Полагаем, что деление нормативных актов на законы и акты подзаконного характера позволяет устранять правотворческие ошибки не за счет непрерывного усовершенствования законов, а за счет подзаконного нормотворчества. В случаях же когда правотворческие ошибки приводят к тому, что принятый закон противоречит основным принципам права, возрастает значимость органов конституционной (уставной) юстиции, обладающих правом квалификации законодательных актов на предмет их соответствия Конституции РФ (конституциям и уставам субъектов Федерации) и принятия решения о неконституционности того или иного акта, что, в свою очередь, является основанием для его отмены.

4. Теория ошибок Вячеслава Тихонова

В процессе дальнейшей характеристики правотворческих ошибок целесообразно воспользоваться

«несерьезной» Теорией ошибок Вячеслава Тихонова. Несмотря на то что данная теория ориентирована на разработчиков компьютерных программ, отдельные ее положения вполне могут быть экстраполированы в сферу правотворческой деятельности. Перечислим некоторые постулаты этой теории, представляющие для нас наибольший интерес.

Базовый тезис. Ошибки так же неисчерпаемы, как и атом.

Аксиома. В любой программе есть ошибки.

Закон пропорциональности. Чем более программа необходима, тем больше в ней ошибок.

Следствие. Ошибок не содержит лишь совершенно ненужная программа.

Фундаментальный закон теории ошибок. На ошибках учатся.

Следствие 1. Программист, написавший программу, становится ученым.

Следствие 2. Чем больше программист делает ошибок, тем быстрее он делается ученым. При условии работы над совершенными ошибками.

Следствие 3. Крупный ученый-программист никогда не пишет правильные программы.

Закон необходимости ошибок. Программист может обнаружить ошибку только в чужой программе.

Следствие. Ошибке не все равно, кто ее обнаружит [6].

5. Теория нормотворческой ошибки как интерпретация теории ошибок Вячеслава Тихонова

Применительно к теории нормотворчества перечисленные в предыдущем разделе положения могут быть изложены в следующей интерпретации.

Ошибка как фактор нормотворческой деятельности представляет собой объективную категорию. Избежать ошибок в процессе нормотворчества нельзя. Любой нормативный акт содержит в себе ошибки.

Чем более закон/подзаконный акт необходим и чем быстрее он должен быть разработан и принят, тем больше в нем ошибок. Как правило, критерий необходимости связывается с понятиями «здесь» и «сейчас». При этом законодатели торопят с разработкой и принятием соответствующего нормативного правового акта, что приводит к неизбежным ошибкам и погрешностям (та ситуация, в условиях которой разрабатывался альтернативный проект ельцинской Конституции России, принятой на референдуме 12 декабря 1993 г., во многом объясняет большое количество ошибок и противоречий, имеющих в тексте действующего Основного Закона страны).

Минимальное число ошибок содержит правовой акт, не имеющий реальной юридической силы (Конституция СССР 1936 г. соответствовала самым высоким требованиям, предъявляемым к документам такого рода. Однако «совершенство» конституционного текста компенсировалась ничтожностью «конституционного духа», что придавало Конституции сугубо декларативный, не подтерженный сколько-нибудь значимыми юридическими гарантиями и санкциями характер).

«Фундаментальный закон» теории нормотворческой ошибки. Субъекты нормотворческой деятельности совершают ошибки и учатся на этих ошибках.

Примечание. Чужие ошибки обучающим воздействием не обладают.

Следствие первое. Законодатель, разработавший законопроект и принявший закон, становится ученым (в смысле обладающим определенными знаниями, умениями, навыками, позволяющими выявлять ошибки и делать предложения по их недопущению и устранению).

Следствие второе. Чем больше законодатель делает ошибок, тем быстрее он становится ученым.

Следствие третье. На начальном периоде деятельности новых или существенным образом обновленных составов законодательных органов неизбежно увеличивается число ошибок в разрабатываемых и принимаемых

ими законодательных актах.

Мнение. Ошибка, выявленная и исправленная самим субъектом правотворчества в процессе работы над законопроектом либо в ходе его обсуждения, перестает быть ошибкой.

Следствие первое. Ошибки выявляются только конкурирующими субъектами (к примеру, представителями депутатской фракции, выступающей против принятия соответствующего закона).

Следствие второе. Ошибке не все равно, кто ее обнаружит. В случае если ошибку обнаруживает субъект, принимавший непосредственное участие в правотворчестве либо его коллега по партийно-фракционной деятельности, то велика вероятность, что данная ошибка не получит огласки и войдет в соответствующий нормативно-правовой акт. Естественно, что если ошибку обнаружит представитель оппозиционной парламентской фракции, то ситуация кардинальным образом меняется. При этом, к сожалению, и в том, и в другом случаях собственно ошибка как фактор, влияющий на предполагаемую эффективность будущего закона, имеет меньшее значение, нежели корпоративные партийные интересы, отстаиваемые представителями конкурирующих парламентских фракций.

Советы начинающему нормотворцу.

Совет первый. Если вы с первого раза сумели написать проект закона, в котором рецензент не обнаружил ни одной ошибки, сообщите об этом руководителю рабочей группы. Он исправит ошибку, связанную с выбором рецензента.

Совет второй. Не имеет смысла исправлять найденные ошибки в готовом проекте нормативного правового акта (исключение составляют ошибки редакционно-технического характера, а также ошибки, исправление которых не повлияет на содержание других структурных разделов документа), ибо это повлечет за собой появление неизвестного числа найденных ошибок, в совокупности способных сделать нормативный акт деструк-

тивным. Лучше описать выявленные ошибки в сопроводительной документации (комментариях) как особенности данного нормативного правового акта, которые необходимо учитывать в процессе правоприменения.

Заключительный совет. До начала работы над проектом нормативного правового акта следует тщательно продумать наиболее вероятные ошибки и связи между ними и планируемыми результатами нормотворчества. Это значительно упростит работу над ошибками в самом проекте и, как следствие, будет способствовать оптимизации нормотворческой и правоприменительной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриев М. В. Конфессиональный фактор в формировании представлений о «русском» в культуре Московской Руси // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. М. : Индрик, 2008. С. 218-224.
2. Лисюткин А. Б. Ошибка как категория правоведения. Теоретико-методологический аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов : Саратовская государственная академия права, 2002.
3. Лисюткин А. Б. Юридическое значение категории «ошибка»: теоретико-методологический аспект. Саратов : СГАП, 2001.
4. Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество : научно-практическое пособие. 2-е изд. М. : Проспект, 2014.
5. Советский патриотизм // Правда. 1935. 19 марта.
6. Тихонов В. Теория ошибок // Анафоризмы сети. Режим доступа: <http://www.anafor.ru/law/tikhonov.htm>.
7. РФ. О судебной системе Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

RULEMAKING ERRORS: THEORETICAL GROUNDS OF UNDERSTANDING AND EVALUATION

© 2014

R.A. Romashov, Doctor of Law, Professor, Honored scientist of Russia, Head of Samara Law Institute the Federal Service for the Execution of Punishments of Russia

Samara Law Institute the Federal Service for the Execution of Punishments of Russia, Samara (Russia)

Annotation: In this article the term of “rulemaking error” is examined. The author suggests the idea of error theory in rulemaking which helps revealing and rectifying of errors. According to the author, the main points of error theory developed in engineering and natural science can be used as the backbone of a rulemaking error theory.

Keywords: rulemaking, error, jurisprudence, error theory.

УДК 340

ПРОЕКТ «УКРАИНА» И ЕГО МЕСТО В ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РУССКОГО МИРА

© 2014

В.Е. Рубаник, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве РФ», Москва (Россия)

Аннотация. Предпринимается попытка осмыслить отдельные аспекты развития государственно-политических процессов в современной Украине и их влияние на различные сферы жизни российского общества и восточного славянства в целом, провести параллели с попытками создания национального украинского государства в 1917-1918 г.г.

Ключевые слова: Россия, Украина, восточное славянство, Русский мир, евразийство, государственно-правовое развитие, история государства и права, украинский кризис, Новороссия.

Лишь будущее сохраняет прошлое и лишь хранимое прошлое позволяет меняться (а не повторяться).

Мераб Мамардашвили

Прошлое никогда не переходило в настоящее и будущее плавно – и настоящее, и будущее, как и всё живое, рождалось, рождается и будет рождаться в муках. Сегодня кризис, в который оказалась ввергнутой Украина, со всей очевидностью подтверждает этот тезис. Влияние происходящих ныне в Новороссии событий на процессы развития украинской государственности и их отражение на государственно-политической, экономической, социальной, культурной сферах жизни российского общества, да и всего славянства ещё предстоит выявить, осмыслить и оценить. Однако некоторые тенденции проявляют себя уже сегодня, и попытаться их проанализировать было бы весьма нелишним – тем более, как показывает практика, свою историю современное украинское общество как-то не очень-то хорошо знает и помнит, оказавшись под влиянием 23-хлетнего достаточно искажённого её представления. Увы, очень многие жители нынешней Украины представляют собой Иванов, не помнящих родства, и готовы удовлетворяться сказками о древних «украях», якобы охотившихся на мамонтов, мифами об «укро-ариях» и россказнями о том, что Киевская Русь – это не Древнерусское государство, а Украина-Русь; о якобы созданном запорожскими казаками «вольной» державе, ликвидированной затем властным Московским государством, и т.д. и т.п.

Нынешняя Украина, к сожалению, всё ещё имеет ряд проблемных точек в отношениях с Россией. Полагаем излишним их перечисление, поскольку внимание средств массовой информации к событиям на Украине предметно и детально раскрыло все эти моменты. Заметим только, что проблемам в нынешних государственно-политических отношениях между Россией и Украиной можно найти достаточно значительную шеренгу объяснений; главными из них являются: 1) боязнь украинской экономической элиты утратить контроль над сырьевыми, промышленными, человеческими ресурсами страны в случае широкого прихода в Украину российского капитала; 2) стремление коррумпированной политической элиты избежать ответственности в случае восстановления властной вертикали с центром в Москве; 3) нежелание части украинской интеллигенции поступиться материальными и социальными благами, происходящими из независимого статуса украинского государства; 4) искажённые представления о России вследствие массовой обработки широких масс населения Украины нацеленными на отрыв его от Русского мира средствами информации и пропаганды.

Последняя из перечисленных причин совсем не является последней по своей значимости, ибо в историческом, культурном, ментальном, и даже в языковом отношении восточнославянские народы настолько близки друг другу, что единственно возможным основанием для их раздельного государственно-политического существования может выступать только враждебная по от-

ношению к России политическая платформа.

Начавшись с подписания Л.Кравчуком беловежских соглашений, антироссийская риторика стала буйно процветать в украинском истеблишменте, мощным усиливающимся потоком обрушиваясь на головы рядовых граждан со страниц журналов и газет, с экранов телевизоров. Новый виток противопоставления Украины России произошёл в период президентства Леонида Кучмы. Выступая в Москве на презентации своей книги «Украина – не Россия», Л.Кучма сказал: «Русский человек давно создан своей историей, и нет опасности, что он перестанет быть русским. У нас же на повестке дня стоит задача... создать украинца» [30]. Тем самым тогдашний президент Украины расписался в том, что исторически есть русские, есть их русский мир, к которому себя относят и жители Украины, и задача политиков состоит в том, чтобы «создать украинца», вырвать этого новосозданного украинца из Русского мира и тем самым усложнить и так непростые отношения между славянскими народами, внести в этот славянский мир распри и углубить его раскол.

Одним из значимых направлений в реализации этой задачи явилось всё нарастающее ориентирование Украины на Запад. Вследствие этого наиболее интенсивными из всех международных украинских контактов стали выступать взаимоотношения Украины и НАТО: об этом свидетельствовали и непрерывный диалог украинского МИДа с официальными структурами Евро-Атлантического союза, и многочисленные неформальные встречи государственных чиновников различного уровня, и крупномасштабные маневры НАТО на украинских полигонах, в т.ч. и в бассейне Чёрного моря, а также участие вооружённых сил Украины в составе войск альянса в локальных военных конфликтах в различных регионах мира.

Из всех восточноевропейских контактов НАТО сотрудничество альянса с Украиной в рамках программы «Партнёрство ради мира» тоже выступало как наиболее развитое: в этом плане достаточно указать на то, что в Хартии об особом партнёрстве НАТО и Украины (июль 1997 г.) был предусмотрен т.н. «механизм консультаций в случае кризиса». Данный механизм предполагал, что Украина в случае, если она ощутит «прямую или косвенную угрозу» своей безопасности, будет «согласовывать свои действия» с альянсом. Как отметили по этому поводу эксперты, указанная «хартия усилила вероятность того, что угроза безопасности Украины – внутренняя или, скорее, внешняя – настолько завладеет вниманием НАТО, что Альянсу будет слишком трудно не вмешаться на стороне Украины в защиту её безопасности, независимости или территориальной целостности» [24].

В мае 2002 г. Совбез Украины принял решение о начале процедуры вступления в альянс, и тогда украинское руководство заявляло о намерении Украины стать членом НАТО в 2008 году. Однако вскоре ситуация несколько видоизменилась, и 5 июля 2010 г. президент Виктор Янукович подписал закон «Об основах внутренней и внешней политики», принятый Верховной радой по инициативе главы государства. Данным зако-

ном Украина официально объявила внеблоковый статус и отказалась от интеграции в НАТО.

Государственный переворот, произошедший в Киеве в феврале 2014 года, снова развернул Украину на Запад. 29 августа 2014 г. ИТАР-ТАСС сообщило, что правительство Украины инициирует отмену внеблокового статуса страны и продолжает реализовывать курс на членство в НАТО – об этом заявил на заседании кабинета министров его нынешний глава А.Яценюк. Ранее председатель Верховной рады А.Турчинов заявил, что Украина в течение пяти лет сможет провести все реформы, необходимые для вступления в Европейский союз и НАТО: «Мы ставим перед собой пятилетний план евроинтеграции, Украина должна стать членом Европейского союза и Североатлантического альянса», – отметил Турчинов [25].

Украинские политики как-то не очень хотят вспоминать об уже предпринимавшихся почти сто лет назад попытках контактов с Европой своих предшественников, пытавшихся создать национальное украинское государство на развалинах Российской империи в 1917-1918 г.г. – Центральной Радой и гетманом П.Скоропадским, отдавших Украину в руки западных держав. А параллели здесь обнаруживаются удивительные. И поучительные.

27 января (9 февраля) 1918 г. делегацией Украинской Народной Республики (УНР) во главе с В.Голубовичем был подписан Брест-Литовский мирный договор со странами Четверного союза – Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией, причем мир с УНР страны австро-германского блока подписали в 02 ч. 14 мин. ночи. А днём был заключен украинско-немецкий дополнительный договор, в котором регулировались публичные и частноправовые отношения между УНР и Германией; через три дня аналогичные двусторонние дополнительные договоры были заключены между УНР и Австро-Венгрией, УНР и Болгарией, УНР и Турцией.

В обмен на запрошенную ею военную помощь в противостоянии с советской Россией Центральная Рада соглашалась на вступление немецких и австро-венгерских войск на территорию Украины и оплату этой помощи украинским продовольствием и другими материальными ресурсами. В Австро-Венгрии, которая в то время уже испытывала огромные трудности с обеспечением населения продовольствием, это мирное соглашение называли не иначе, как «хлебным миром». Объяснялось это тем, что в мае 1917 г. немецкий рабочий получал продовольственный паек на сутки, который состоял из 300 граммов неочищенного картофеля, 285 граммов хлеба, 28 граммов мяса, 7 граммов масла. Даже в нейтральной Швейцарии в мае 1917 г. было запрещено варить картофель очищенным, кормить им скот, а овсяная крупа отпускалась только по рецептам врачей. Со 2 декабря 1917 г. здесь было введено наказание в виде штрафа в несколько десятков тысяч крон или тюремного заключения сроком до трех месяцев для тех, кто купит более 2 кг муки за один раз. В то же время рабочим в Донбассе на неделю выдавалось по 800 граммов мяса, 200 граммов сала, 200 граммов колбасы, 6 кг хлеба [31, с. 286-287].

Однако, несмотря на все свои предыдущие заверения в лояльности к существующему в Украине строю, оккупанты с первого же дня не жаловали украинские законы и порядки, а издавали собственные нормативные акты, оккупационные военно-полевые суды осуществляли судопроизводство в отношении украинских граждан, бросали их в тюрьмы. «Спасители» уверенно хозяйничали как в отдельных отраслях народного хозяйства, так и на местах, издавая приказы о своём праве на урожай, об обязательном севе на Украине, распоряжались железными дорогами, водным транспортом и т.п. [32, с. 237].

Оккупационные власти немедленно приступила к активному вывозу с территории Украины картофеля, овощей, лесоматериалов, металлолома, макулатуры, капусты, лука, почти беспрепятственно выдавались разрешения соответствующих министерств на отгрузку хле-

ба, зерна, сахара, яиц, скота, свиней, сала, угля, спирта, железной и марганцевой руды. Несколько сложнее было вывозить лошадей, мешки, брезент, мануфактуру, галантерею, мед, растительное масло, кожи, масло, резину, золото, серебро, платину, медь, цинк, олово, свинец, кадмий, кобальт, алюминий, никель, висмут, но и на эти товары министерство торговли и промышленности безропотно выдавало лицензии [33, с. 36-37].

Неспособность Центральной Рады обеспечит все эти поставки привела к военному перевороту и установлению марионеточного режима во главе с гетманом П.Скоропадским. Развитие процесса создания украинского государства в «украинской дидычній классократической трудовой монархии» [22, с. 469] гетмана Павла Скоропадского осуществлялось весьма своеобразно, представляя собой не что иное, как господство прогерманского марионеточного правительства, законодательная база деятельности которого была эфемерной.

3 марта 1918 г. в Бресте был подписан мирный договор между советской Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. 15 марта 1918 г. этот договор был ратифицирован IV чрезвычайным съездом Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов (784 голосами – «за», 261 – «против», при 115 воздержавшихся). Статья VI настоящего договора определяла: «Россия обязывается немедленно заключить мир с Украинской Народной Республикой и признать мирный договор между этим государством и государствами четверного союза. Территория Украины немедленно очищается от русских войск и русской Красной гвардии. Россия прекращает всякую агитацию или пропаганду против правительства или общественных учреждений Украинской Народной Республики» [23, с. 105-106]. Этот мирный договор еще содержал экономическое и дополнительное соглашения, а также ряд приложений к ним. Статья 2 приложения А к экономическому соглашению определяла: «подданные обеих из договаривающихся сторон имеют право на территории другой стороны, наравне с Коренным жителями, приобретать, владеть и управлять всякого рода движимым и недвижимым имуществом, равно как и распоряжаться им путем продажи, обмена, дарения, заключения брака, завещания или каким-либо другим способом, а также получать наследство путем завещания или в силу закона ...» [23, с. 109].

Следует заметить, что накануне революции 1917 г. на Украине к числу зажиточных принадлежали более 500 тыс. крестьянских хозяйств, которые в совокупности владели 29,6% земельного фонда, 25% крупного рогатого скота, 30% лошадей, 30% усовершенствованных плугов и сеялок, 50% веялок и молотилок, 75% жаток [18, с. 221-224]. И даже бедное украинское крестьянство в среднем на один двор имело 2,2 десятины земли [1, с. 126]; размер же среднего зажиточного хозяйства составлял 25,4 десятины, одного помещичьего – 1.740 десятины [14, с. 184]. События весны 1917 – начала 1918 г.г. (развал армии и массовое дезертирство, десятки тысяч вооруженных беглецов с фронта, которые вереницей шли через территорию Украины, грабя для прокорма населения на своем пути, неспособность властей быстро создать национальную правовую систему, обеспечить функционирование законов и общественный порядок, неопределённость в решении вопроса о земле, имело своим следствием самозахваты земель и разграбление помещичьих имений крестьянами, всеобщую анархию, экспроприацию собственности, массовые походы вооруженных отрядов крестьян в город за промышленными товарами, а городских жителей – в село за продовольствием) – всё это, усиленное немецкой оккупацией, привело к потере народного доверия к власти в лице Центральной Рады и сделало безболезненным переворот 29 апреля 1918 г. Э. Карр писал: «Новый режим был удобен немецкому командованию. В той мере, в какой он имел малейшее значение во взаимодействии внутренних

сил Украины, режим представлял интересы крупных помещиков и зажиточных крестьян – производителей той добавочной продукции, которая давала немецким оккупационным властям последнюю надежду заполнить пустые немецкие амбары» [8, с. 243].

По данным гетманского Генерального штаба, в июне 1918 г. немецкие войска в Украине насчитывали 300 тыс. чел., в том числе в Таврии – 50 тыс., в районе Екатеринослава-Харькова – 100 тыс., между Белгородом и Гомелем – 50 тыс., на Правобережье – 100 тыс. чел. К середине августа в этих районах находилось 20 немецких и 10 австро-венгерских дивизий [16, с. 87]. И мало того, что весь этот военный контингент обеспечивался продовольствием за счёт украинского села; кроме этого, немецкое и австро-венгерское командование всячески поощряло систему частных продовольственных посылок на родину, что приводило к прямому мародерству со стороны как солдат, так и офицеров оккупационной армии. Силой отбирая у украинских крестьян хлеб и другие продовольственные товары, оккупационные войска для придания этому процессу вида хотя бы некоторой «законности» нередко выдавали взамен изъятого так называемые «реквизиционные квитанции», которые якобы подлежали последующей их оплате украинской властью, хотя эфемерность такой оплаты была очевидной как для крестьян, так и для самих немецких военных. Последние не гнушались и прямым мошенничеством, когда, пользуясь незнанием украинским крестьянством немецкого языка (а часто и полной неграмотностью крестьян), и немецкие, и австро-венгерские «реквизиторы» прибегали к фальсификации даже этих «реквизиционных квитанций», вписывая в них, например, курицу вместо изъятой свиньи или поросенка вместо коровы. «Посылочная эпопея» набрала широкий размах: только из одного только Екатеринославского уезда менее чем за один месяц в солдатских посылках было отправлено в Австро-Венгрию более 1 тыс. пудов муки [16, с. 102]. Такая картина в местах дислокации оккупационного контингента наблюдалась повсеместно.

Присутствовал в деятельности гетманского правительства и ещё один момент, состоявший в том, что в отличие от Центральной Рады, которая в процессе формирования национальной правовой системы столкнулась только с проблемой имперского российского законодательства, гетманская администрация должна была определиться ещё и с законодательным наследием Центральной Рады [11, с. 105, 106]. Но если последняя решила проблему, которая встала перед ней, одним актом – законом от 25 ноября 1917 г. о порядке издания новых законов, то гетманское правительство, будучи вынужденным принять и признать весь предыдущий нормативно-правовой массив, избирательно отменяло только те законодательные акты, которые прямо противоречили задекларированным принципам построения нового Украинского государства.

Ликвидация частной собственности на землю Третьим Универсалом и принятый Центральной Радой 30 января 1918 г. земельный закон, в основу которого была заложена идея не утверждения частной собственности на землю, а предоставление только права пользования ею, «социализации земли» («...земли отводятся земельными комитетами в частно-трудоу пользование сельским общинам и добровольно им составленным обществам» [10, с. 69]), что вызвало бурное недовольство значительной массы крестьянства, были отменены гетманской «Грамотой ко всему украинскому Народу» от 29 апреля 1918 г. В «Грамоте» П.Скоропадский отмечал, что «... все земельные комитеты с нынешнего дня распускаются. Все Министры и их товарищи освобождаются. Все остальные чиновники, работающие в государственных Институтах, остаются на своих должностях и должны продолжать выполнение своих обязанностей. ... Права частной собственности – как фундамента культуры и цивилизации, отстраиваются в полной мере. Все

распоряжения бывшего Украинского Правительства, а равно временного правительства российского, отменяются» [4].

Реализуя задекларированные «Грамотой» приоритеты в своей деятельности, гетманское правительство 8 июля 1918 г. издаёт временный закон «О мерах борьбы с разрухой сельского хозяйства», которым восстанавливались своеобразные формы крепостничества, когда крестьян силой принуждали обрабатывать земли крупных земельных собственников.

Наведение такого «порядка» имело довольно меркантильные основы: 10 сентября 1918 г. был подписан договор с Германией о передаче ей 35% урожая на Украине [12, с. 219]. По этому договору украинская сторона обязывалась из урожая следующего, 1918/1919 хозяйственного года, отгрузить 100 млн. пудов зерновых, 11 млн. пудов мяса крупного рогатого скота (в живом весе), 300 тыс. овец, 2 млн. голов птицы, 400 тыс. пудов сала, 60 тыс. пудов масла и жиров, 400 млн. шт. яиц, 20 млн. литров спирта, 2,5 млн. пудов сахара, 11.200 вагонов лесоматериалов, 37.500 млн. пудов железной руды, 3 млн. пудов марганцевой руды, на что Германия с Австро-Венгрией обещали поставить в Украину 9 млн. пудов угля, 1.250 тыс. пудов нефтепродуктов, некоторое количество сельскохозяйственных машин и т.п. [20, с. 527]. Выполнение этого соглашения привело к тому, что только за период с 16 мая по 30 октября 1918 г. из Украины было вывезено 4.500.230 пудов шерсти, 173.836 пудов волоса и щетины, 379.352 пуда различных тканей, 479.000 пудов шкур и меха, 449.000 пудов различных металлов, 144.734 пуда руды, 286.965 пудов табака, 78.250 пудов конопля и льна, 18.641 пуд резины [13, с. 604].

В этом же русле реформировалась и финансовая система. Министр финансов гетманского правительства А.К. Ржепецкий уже 10 мая 1918 г. отмечал: «Я должен откровенно заявить, что создать благосостояние в Украине в нынешних условиях возможно, только отделившись от России. Мы обязаны создать свою денежную систему» [7]. Гетманское правительство получило в наследство от Центральной Рады созданную ею финансовую систему. Первыми украинскими деньгами были кредитные билеты стоимостью 100 «карбованцев», выпущенные 24 декабря 1917 года (по старому стилю). На них была надпись, свидетельствующая, что 1 «карбованец» содержит 17,424 доли чистого золота (1 доля = 0,044 г чистого золота). Заметим, что такой же золотой эквивалент имели и царские золотые рубли после денежной реформы С.Ю. Витте [19, с. 32].

1 марта 1918 г. Центральная Рада приняла закон о гривне как денежной единице Украинской Народной Республики. Не имея соответствующей собственной полиграфической базы, правительство УНР заказал печатание денежных знаков номиналом 2, 10, 100 и 500 гривен в Германии. 30 марта 1918 г. издается закон о выпуске знаков Государственного казначейства в карбованцах; карбованцы обменивались на гривны по курсу 1 карбованец = 2 гривны. Недостаток национальных денежных знаков вызвал появление и обращение отдельных местных денег с разными названиями (боны, чеки, разменные знаки и т.п.): так, в Кременце ходили разменные билеты достоинством 1, 3, 5 крб., в Дубно – чеки по 10 крб., в Луцке – разменные знаки стоимостью 20 грн. [13, с. 602].

Параллельное хождение различных денежных знаков существенно дестабилизировало финансовую систему Украины. Пытаясь уравновесить ситуацию, гетманское правительство законами от 9 и 12 мая 1918 г. разрешает проведение дополнительной эмиссии на 400 млн. крб. [2, с. 109]. Стабильность карбованца предполагалось обеспечить природными богатствами Украины, главным образом сахаром. Вместе с тем правительство осуществило эмиссию билетов Государственного казначейства (облигации в 50, 100, 200 и 1000 грн., на общую

сумму в 2 млрд. грн.), выпуск которых было предусмотрено законом УНР от 12 апреля 1918 г. [5]. По облигациям насчитывалось 3,6% каждые полгода и должно было выплачиваться по $\frac{1}{8}$ от 3,6%; выкуп их планировался к 1 января 1933 г. [2, с. 109-110]. Параллельно с карбованцем в украинском государстве допускалось неконтролируемое гетманским правительством обращение российских рублей и «керенок», а также немецких марок и австро-венгерских крон [13, с. 604]. По свидетельствам современников, в частности А.А. Гольденвейзера, при вступлении немецких войск в Киев было объявлено обязательный официальный курс валюты: 1 марка = 66 коп.; позже курс был повышен до 75 коп. за 1 марку; австрийская крона приравнивалась к 50 коп. Немецкие и австрийские деньги находились в обращении и охотно принимались и физическими, и юридическими лицами в счет платежей по установленному курсу [3, с. 44].

Возникли проблемы и с общественной поддержкой власти. На первых порах Гетманское государство приняло и поддерживало преимущественно те слои населения, которым надоели принесенные революцией анархия и хаос и которые надеялись, что твердая власть сможет положить этому конец. Подобные настроения преобладали среди состоятельных слоёв, офицерского состава армии, зажиточных крестьян, мелких предпринимателей и промышленников, а также высших слоёв чиновничества, что составляло в целом не менее 20% населения Украины [9, с. 61]. Благоклонно отнеслось к гетманской власти и дворянство, которое видело в ней шаг к возвращению монархического правления. 15-18 мая 1918 г. состоялся съезд представителей крупной промышленности, торговли, финансов и сельского хозяйства – так называемого «Протофиса», в работе которого приняли участие около 1.000 делегатов, попытавшихся выработать некую общую позицию деловых кругов в тогдашней ситуации [17, с. 495]. Съезд в целом поддержал гетманское правительство в его деятельности и заявил о своей готовности всеми силами способствовать образованию нового государственного, общественного и экономического строя украинского государства. Это свидетельствовало, что гетманское правление в проведении своей политики получило полную поддержку не только среднего класса, зажиточного крестьянства, офицерства и интеллигенции, но и крупных промышленников, купечества, финансистов и банкиров. 22 октября 1918 г. П.Скоропадский, подытоживая результаты законотворческой деятельности правительства Украинской Гетманской Державы, отмечал, что за период его деятельности в целом было издано более 400 законодательных актов, «целью которых являлось упорядочение политической и экономической жизни Украины» [10, с. 84].

Однако 80% населения Украины в поддержке гетманской державе отказали, результатом чего и стало его скорое падение. А союз украинского народа с российским и другими народами бывшей Российской империи позволил в 1922 году создать Советский Союз, на десятилетия определивший их общую судьбу, политическое, экономическое и социально-культурное развитие.

Н.А. Бердяев справедливо замечал, что по своей природе Россия есть конгломерат разноразных (культурно и цивилизационно нетождественных) народов, объединённых крепкой государственной властью. И сегодня Россия остаётся ядром Русского мира, центром притяжения славянских народов, кто бы и что ни утверждал об обратном. Так было, так есть и так будет. И потому никак нельзя допустить раскола в славянстве, раскола, который, будучи активно насаждаем извне, становится угрозой всей славянской цивилизации.

Эксперты подчёркивают, что в историческом плане, окончательный разрыв Украины и России означает разрушение исторической преемственности российской государственности и, тем самым, ставит под сомнение ее легитимность. Украинская же сторона в этом случае не обретает равным счетом ничего, поскольку лишается

опоры на многовековой опыт совместного государственного строительства российского и украинского народов и возвращается к временам запорожского казачества. В социальном смысле, государственное разграничение братских народов, их политическое противостояние создают исторический прецедент, способный спровоцировать разрушение общероссийского социума (если украинцы и русские не сумели ужиться в едином государстве, то, что в нём делать татарам, грекам, цыганам, чувашам, якутам и т.д., и т.п.?), подрывает веру людей в незыблемость государственных институтов, что очевидным образом не способствует консолидации общества и укреплению, как российской, так и украинской государственности. При этом, негативное восприятие русскими украинцев, и наоборот, ведет к раздвоению – как российского, так и украинского – общественного сознания, что уже имеет и, с неизбежностью, будет иметь далеко идущие ментальные последствия. В геополитическом и военно-стратегическом смысле, разрыв России с Украиной приведёт к обналичению южного и юго-западного флангов обороны РФ, их открытость для сухопутного проникновения извне и, как следствие, предполагает возрождение в полном объеме «восточного вопроса» в полном объёме [24].

Потеря связей России и Украины в геоэкономическом аспекте ведёт к определённым сложностям с замещением на российском рынке украинской продукции, некоторые позиции из которой являются на данный момент уникальными; для Украины же обрушение экономических связей с Россией с неизбежностью ввергнет её в перманентный экономический хаос [26, с. 111].

Наконец, в гуманитарном смысле разрушение добрососедских отношений Украины и России, приводит население – особенно Восточной и Южной Украины – на грань физического уничтожения, утраты национальной самоидентификации, разрушения привычной среды обитания. А перед Россией во весь рост встаёт проблема «соотечественников за рубежом», проблемы приграничных территорий, регулирования миграционных потоков, обострения преступности, разрушения нравственных основ существования общества и т.п. Об этом специалисты писали ещё в конце 1990-х [27, с. 97-98], и сегодняшние события на Юго-Востоке Украины подтверждают их предвидение.

Россия и россияне жизненно заинтересованы в тесных разноплановых отношениях с Украиной; ещё более существенным образом заинтересован в этом украинский народ. Однако, как ни печально сие констатировать, время сегодня играет против сближения наших народов: с каждым днём правовые, экономические, а с ними – и социальные системы наших государств расходятся всё дальше и дальше друг от друга. При этом, если для России сохранение существовавшего до марта 2014 г. положения дел означало бы её вытеснение в число держав «третьего мира», то для народа Украины ставка нынешнего политического руководства во главе с П.Порошенко на силовое решение политико-правовых и социально-экономических противоречий в украинском социуме предполагает почти неизбежную его гибель как самодостаточной этнической единицы – Ю.В. Соколов предупреждал об этом ещё в 2000-м году [28, с. 57].

Как представляется, ни военными, ни политико-дипломатическими, ни сугубо экономическими мерами указанные процессы предотвратить не удастся. Для того чтобы изменить сложившуюся ситуацию, нужно чрезвычайное напряжение сил – как украинского народа, так и народов России. Для этого нужна новая государственная идея, необходимо обновление украинской политической и экономической элит.

Как показывают происходящие в Новороссии события, внутри сегодняшней Украины есть мощные силы для изменения сложившейся ситуации. Но для многоплановой преобразующей работы нужны союзники, и искать их нужно не за океаном, а прежде всего в России; причём, – и непременно! – это должны быть силы госу-

дарственные, с тем, чтобы процесс возрождения единого государственного организма обрёл в глазах общества необходимую легитимность. Что же касается западных предпочтений части населения Украины, то право этих людей на свой собственный выбор никто не отрицает. Но навязывать свой выбор тем, кто с ним не согласен, навязывать силой – это уже другой вопрос. С одной стороны, как заметил Мераб Мамардашвили, «И народ может ошибаться!», а с другой – ещё Кант указал, что свобода одного заканчивается там, где начинается право другого. И если части обитателей Львова, Ивано-Франковска и Тернополя кажется, что Польша с простёртыми объятиями будет их кормить бесплатным журеком, то эту свою иллюзию совершенно незачем навязывать жителям Луганска, Донецка, Харькова и других юго-восточных регионов. Тем паче, что в соборах Кракова уже открыто возносят молитву за возвращение «королевского города Львова в лоно единого организма под названием Польша»...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верстюк В. Ф. Внутренний фронт: стратегия и тактика борьбы // Украина в 1917-1920 гг.: Некоторые проблемы истории : сб. науч. труд. / АН УССР. Ин-т истории Украины. Киев : Наук. думка, 1991. 280 с.
2. Гай-Нижник П. П. Фінансова політика уряду Української Держави у період Гетьманату 1918 року // Фінанси України. 1996. № 12. С. 107-116.
3. Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний // Революция на Украине по мемуарам белых / сост. С. А. Алексеев ; под ред. Н.Н. Попова. М.-Л. : Госиздат, 1930. С. 1-63.
4. Державний вісник. Київ, 1918. 16 травня.
5. Державний вісник. Київ, 1918. 18 травня.
6. Захарченко П. Селянська війна в Україні: рік 1918. Киев : Либідь, 1997. 264 с.
7. Известия. Пг., 1918. 21 мая.
8. Карр Э. История Советской России. Кн. 1 : Том 1 и 2 : Большевицкая революция. 1917-1923. / пер. с англ. и предисл. А. П. Ненарокова. М. : Прогресс, 1990. 768 с.
9. Клименко В. Українська Гетьманська Держава 1918 року: місце в українській революції // Нова політика. 1996. № 4. С. 59-61.
10. Копиленко О. Л. Українська національна державність (листопад 1917-1920 рр.) // Історія держави і права України. У 2-х т. / за ред. В.Я. Тація, А.И. Рогожина. Т. 2. Киев : Ін Юре, 2000. 580 с.
11. Копиленко О. Л., Копиленко М. Л. Держава і право України. 1917-1920. Киев : Либідь, 1997. 208 с.
12. Кремень В. Г., Табачник Д. В., Ткаченко В. М. Україна: альтернативи поступу (критика історичного досвіду). Киев : ARC-UKRAINE, 1996. 793 с.
13. Лановик Б. Д., Матисякевич З. М., Матейко Р. М. Економічна історія України і світу / за ред. Б.Д. Лановика. Киев : Вікар, 1999. 737 с.
14. Мироненко О. М. Світоч української державності : Політико-правовий аналіз діяльності Центральної Ради. Киев : Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 1995. 328 с.

15. Нагаевский И. История Украинской державы XX столетия. Киев : Український письменник, 1993. 297 с.
16. Петров В. И. Непокорившиеся кайзеровскому нашествию / отв. ред. В. П. Наумов. М. : Наука, 1988. 208 с.
17. Полонська-Василенко Н. Д. Історія України : у 2-х т. Т. 2. Від середини XVII століття до 1923 року. Киев : Либідь, 1992. 608 с.
18. Рубач М. А. Класове розшарування селянства України напередодні пролетарської соціалістичної революції // Наукові записки Інституту історії і археології АН УРСР. 1943. Кн. 1. С. 217-239.
19. Рябченко П. Паперові гроші на території України // Розбудова держави. 1996. № 3. С. 30-36.
20. Солдатенко В. Ф. Українська революція. Історичний нарис. Киев : Либідь, 1999. 976 с.
21. Стежнюк С. Н. Боротьба трудящих України проти німецьких окупантів і внутрішньої контрреволюції в 1918 році. Киев : Держвидав України, 1958. 278 с.
22. Українське державотворення: невitreбуваний потенціал: Словник-довідник / за ред. О. М. Мироненка. Киев : Либідь, 1997. 560 с.
23. Хрестоматия по истории России. 1917-1940 / под ред. М. Е. Главацкого. 2-е изд. М. : Аспект Пресс, 1995. 448 с.
24. Корнилов Д., Манекин Р. Украина в системе международных отношений // Российский журнал. 2001. 23 января. Режим доступа: <http://old.russ.ru/politics/kontur/20010123.html> (дата обращения 30.08.2014).
25. Яценюк: Киев инициирует отмену внеблокового статуса Украины и курс на членство в НАТО // ТАСС. Режим доступа: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1408292> (дата обращения 30.08.2014).
26. Мельянцева В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М. : Изд-во Московского университета, 1996. 303 с.
27. Арин О. Россия в стратегическом капкане. М. : Флинта, 1997. 288 с.
28. Соколов Ю. В. О мифах и реалиях мировой политики // Новый порядок на века. Политическая структура современного мира: состояние, проблемы, перспективы. М. : МНЭПУ, 2000. С. 54-67.
29. Манекин Р. В. К критике политологической парадигмы современной украинистики // Евразийский вестник. 2001. № 10. Режим доступа: <http://ivmanekin.ru/?St=19> (дата обращения 30.08.2014).
30. Выступление Президента Украины Леонида Кучмы на презентации книги «Украина – не Россия» в Москве (03.09.2003) // Сайт эхоконференции Fido политической тематики. Режим доступа: <http://supol.narod.ru/archive/books/cuchma.htm> (дата обращения 30.08.2014).
31. Семененко В. И., Радченко Л. А. История Украины с древнейших времен до наших дней. Изд. 2-е. Харьков : Торсинг, 1999. 435 с.
32. Мироненко О. М. Україна і Брестський договір // Мала енциклопедія етнодержавознавства. Киев, 1996. С. 237-238.
33. Українське державотворення: невitreбуваний потенціал / за ред. О. М. Мироненка. Киев : Либідь, 1997. С. 36-37.

PROJECT “UKRAINE” AND ITS PLACE IN THE PUBLIC-POLITICAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN WORLD

© 2014

*V.E. Rubanik, Doctor of Law, Professor of Theory and History of State and Law
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow (Russia)*

Annotation: An attempt is made to understand some aspects of the development of the state and political processes in modern Ukraine, and their impact on various aspects of life of Russian society and the Eastern Slavs in general, attempts to draw parallels with the creation of a national Ukrainian state in 1917-1918.

Keywords: Russia, Ukraine, Eastern Slavs, the Russian world, Eurasianism, state-legal development, the history of state and law, the Ukrainian crisis, the New Russia.

Аннотация: В статье подвергнута критике концепция юридической ответственности как исключительно позитивного свойства субъектов права. Показана обусловленность юридической ответственности объективными свойствами права как институционального регулятора общественных отношений.

Ключевые слова: право, юридическая ответственность, чувство ответственности, позитивная ответственность, негативная ответственность, правопорядок.

В преамбуле Конституции РФ, в частности, говорится: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации ... исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации».

Ст. 54 Конституции РФ гласит: «1. Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. 2. Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон».

Хотя в обоих случаях говорится об ответственности, ясно, что речь идет о разных явлениях.

В преамбуле Конституции ответственность упоминается в качестве одного из мотивов принятия Основного закона. Чем руководствовался многонациональный народ России, принимая Конституцию РФ? Он исходил, в частности, из чувства (сознания) ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями.

Чувство (сознание) ответственности – один из характерных мотивов поведения человека, соизмеряющего свои поступки и их возможные последствия с требованиями социальных норм. Оно выражает устойчивую потребностно-мотивационную ориентацию субъекта на исполнение своего гражданского долга, нравственных, правовых и иных обязанностей. Указанное чувство присуще и любящему родителю, заботящемуся о судьбе своих детей, и рачительному хозяину, бережно относящемуся к своему имуществу, и государственному деятелю, обремененному многочисленными обязанностями общественного служения. В градации социальных чувств, чувство ответственности, бесспорно, должно быть отнесено к так называемым высшим чувствам, наряду с чувствами чести, совести, справедливости, патриотизма и др. Как и последние, чувство ответственности является продуктом социализации человека, результатом усвоения известных ценностей и норм, определяющих его отношение к другим людям (обществу, государству) и самому себе.

В ином свете предстает ответственность в контексте ст. 54 Основного закона. Здесь ответственность выступает в виде особого законодательного установления, нормы объективного права, и в качестве таковой существует независимо от чьих-либо субъективных представлений, переживаний, чувств, независимо вообще от того, сознает отдельный субъект сам факт установленной законом ответственности, или не сознает, относится к нему положительно, отрицательно или еще как-либо. Конституционный законодатель вполне определенно связывает наступление ответственности с совершением правонарушения и особо оговаривает требования, касающиеся обратной силы закона, устанавливающего, отягчающего, устранивающего или смягчающего ответственность.

Надо сказать, что подобные примеры использования законодателем термина «ответственность» не единичны. Так, в Федеральном законе РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской

Федерации» местное самоуправление определяется как «форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая... самостоятельное и под свою ответственность (курсив – В. Р.) решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций». В то же время, глава 10 указанного Закона посвящена вопросам ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления перед населением муниципального образования, государством, физическими и юридическими лицами. Закон регламентирует основания указанной ответственности, порядок ее реализации и т.д. [1].

Ответственность в смысле осознания субъектом своего социально-правового долга, добровольного и высокосознательного осуществления предписаний правовых норм, субъективных прав и обязанностей, в юридической литературе получила наименование позитивной (перспективной) юридической ответственности. Ответственность же в виде предусмотренной законом (договором) обязанности претерпеть определенные лишения государственно-властного характера за совершенное правонарушение, называют негативной (ретроспективной) юридической ответственностью.

Содержание и соотношение позитивной и негативной ответственности остается предметом острой дискуссии в нашей науке на протяжении десятилетий [2, с. 14-63]. Что стоит за указанными терминами – специфичные стороны (аспекты, формы проявления и пр.) сущности единого правового феномена, или все же разные по своей сути явления?

Анализируя состояние ведущейся полемики вокруг понятия позитивной ответственности в праве, О. Э. Лейст приходил к выводу, что «распространение идеи «правовой позитивной ответственности» пока что не вышло за пределы узкого круга специалистов-теоретиков и практически выглядит как уговаривание одних правоведов другими правоведами относиться к запретам, обязанностям и правопорядку с уважением» [3, с. 254].

Однако публикации последних лет свидетельствуют о том, что ситуация в указанной сфере меняется. Идея позитивной ответственности получает все большее признание среди правоведов и активно используется не только в монографических и иных специальных работах [4, с. 28-42], но и в учебной литературе [5, с. 518-523]. То есть она все-таки вышла за рамки узкого круга специалистов. Более того, если до недавнего времени камнем преткновения был вопрос о правомерности включения в содержание юридической ответственности так называемого позитивного аспекта, само же традиционное понимание юридической ответственности как последствия правонарушения оставалось в принципе незыблемым, то сегодня наблюдается противоположная тенденция. Суть ее состоит в том, что традиционное видение юридической ответственности признается не только неполным, односторонним и т.п., но и в сущности неверным. И хотя последняя точка зрения пока не получила широкого распространения, она, как и любая крайность, заслуживает особого внимания, поскольку высвечивает такие аспекты концепции позитивной правовой ответственности,

которые в рамках «умеренных» или «компромиссных» теорий позитивно-негативной ответственности обычно присутствуют в своеобразном завуалированном виде.

Последовательным сторонником коренного пересмотра теории юридической ответственности является А. С. Бондарев. В своих многочисленных публикациях он пытается доказать, что юридическая ответственность является «исключительно позитивным свойством субъектов права» и «что юридической ответственности в ретроспективном аспекте не существует в природе современного общества» [6, с. 134].

По мнению А. С. Бондарева, ученые-юристы, отстаивающие понимание ответственности как реакции на правонарушение, игнорировали в своих исследованиях положения философии и социологии относительно природы социальной ответственности как родового понятия. Следствием этого явилось отождествление юридической ответственности с наказанием. По инерции такое представление сохраняется по сей день, и «в отечественной теории права одним термином объединены не два аспекта или две формы реализации юридической ответственности, а два принципиально различных правовых явления, требующих своих собственных названий» [6, с. 141]. Радикально указанное заблуждение может быть преодолено, полагает автор, если современные юристы отойдут от советской традиции в трактовке юридической ответственности и при решении этого вопроса будут опираться на философско-социологические исследования и работы дореволюционных авторов.

Что же представляет собой юридическая ответственность? Это «правовое свойство (качество) самого субъекта права, содержательно выраженное в знаниях им своих статусных правовых обязанностей, умении распознавать момент их конкретного возникновения в процессе своей правовой жизни, осмыслении ценности их для собственных и общественных интересов, положительной эмоционально-чувственной оценки и волевого воплощения их в своем правомерном поведении» [6, с. 136]. Юридическая ответственность, подчеркивает А. С. Бондарев, это «живое» правовое явление. Она неотделима от субъекта права. С исчезновением последнего, исчезает и его юридическая ответственность. «Живет» же юридическая ответственность в неразрывном единстве двух сторон, или «в двух ипостасях: с одной стороны, в указанных выше психических правовых явлениях субъектов права (внутренняя, внешне невидимая сторона юридической ответственности), а с другой – в их правомерном поведении, обусловленном и направляемом этими психическими правовыми явлениями (внешняя, видимая сторона юридической ответственности)» [6, с. 136].

Свойство юридической ответственности присуще далеко не всем субъектам права. Им обладают только субъекты социально-активного и привычного правомерного поведения. Маргиналы, конформисты, тем более правонарушители, обладают другим свойством – безответственностью. Именно безответственность и является антиподом юридической ответственности [6, с. 136, 143].

Как видим, А. С. Бондарев пытается свести понятие юридической ответственности всецело к так называемому позитивному аспекту и при этом представить ее в виде явления сугубо психологического плана. Ответственность есть особое состояние (качество) сознания субъекта, характеризующееся знанием своих обязанностей, их положительной оценкой и т.д. Там, где такого качества сознания нет, там нет и юридической ответственности. Поэтому привлечь к юридической ответственности либо освободить от нее, по мнению автора, невозможно в принципе. «Правонарушителей (лиц, пораженных юридической безответственностью) можно и нужно привлекать только к юридическому ответу, а не к ответственности и юридическому наказанию, и освобождать их нужно не от юридической ответственности

(от которой они и так во многом свободны, ее у них не воспитали), а от юридического наказания полностью или частично по тем или иным юридическим основаниям» [7, с. 93].

Хотя А. С. Бондарев говорит о неразрывной связи внутренней и внешней сторон ответственности, в действительности внешняя сторона (поведение субъекта) не играет в его концепции какой-то самостоятельной роли и оказывается не более чем проекцией субъективных состояний личности. Об этом недвусмысленно говорит и сам автор: «Правомерное поведение субъектов права, таким образом, не всегда бывает юридически ответственным именно из-за того или иного дефекта его психологической стороны: простого незнания тех или иных статусных обязанностей; неверной оценки их значения для себя и общества; неумения пользоваться источниками права; нерешительности в принятии правовых решений и слабости в их реализации; безразличного, а то и враждебного отношения к праву вообще или к тем или иным правовым нормам, их институтам и т.д. Таковыми являются конформистское и маргинальное правомерное поведение субъектов права. Они наряду с правонарушениями суть свидетельства юридической безответственности данных субъектов права» [6, с. 136].

Если принять во внимание, что правосознание значительного числа граждан современной России, не исключая и юристов, в той или иной мере страдает различного рода дефектами (например, пробельностью), то следует заключить, что юридическая ответственность является большой редкостью в нашей правовой системе. Во всяком случае, вне сферы указанной ответственности находятся правонарушители, а также те субъекты правовой жизни, которые в силу каких-то причин не имеют достаточного объема юридических знаний, не умеют правильно пользоваться законодательством и другими источниками права, нерешительны в принятии юридических решений и т.д.

В контексте развитаемого А. С. Бондаревым подхода, юридическая ответственность оказывается свойством далеко не всякого, а только лишь высокоразвитого, так называемого «нормального правосознания».

И. А. Ильин определял нормальное правосознание «как особый способ жизни, которым живет душа, предметно и верно переживающая право в его основной идее и в его единичных видоизменениях (институтах)» [8, с. 166]. Правда, философ тут же оговаривался, что «этот строй душевной жизни есть, конечно, нечто идеальное» [8, с. 166]. В действительности же многие люди не только не знают действующее право в необходимой мере, но и не понимают его истинного значения. И тем не менее, такое незнание и непонимание вовсе не отменяют права (и всех его институтов) как объективно значимого фактора социальной жизни. В этом, отмечал И. А. Ильин, может убедиться каждый человек, впервые встречающийся с правовым регулированием. «И первое, на что наталкивается его сознание, это то, что все эти характеристики, последствия, выводы и т. д. сохраняют свое значение даже в том случае, если он их не захочет признать и если он будет действовать так, как будто он о них ничего не знал или как будто бы их «вовсе не было». Оказывается, что «значение» их не нуждается в его сознании, согласии и признании... Он видит, что его жизнь оплетена какой-то сетью так, что он фактически может с нею не считаться, но что она от этого не порывается и не исчезает» [8, с. 176-177].

Попытки представить юридическую ответственность в виде особого свойства (качества) самого субъекта права, отождествить ее содержание с состоянием его сознания и воли, связать данное понятие с исключительно позитивными установками личности и т.п., игнорируют тот факт, что право социально и институционально по своей природе. Субъект может знать или не знать действующее право, принимать или не принимать его предписаний, но право от этого «не исчезает» и не утрачи-

вает своего регулятивного значения. Эта объективность права и связанных с его действием юридических последствий человеческого поведения и есть то «первое, на что наталкивается» сознание субъекта.

Если право сохраняет объективное значение регулятора общественных отношений независимо от субъективного отношения к нему отдельно взятого индивида, то указанным свойством, по-видимому, должна обладать и юридическая ответственность. В противном случае пришлось бы утверждать, что уголовное, гражданское, административное и другие отрасли права существуют объективно в виде системы соответствующих норм, а аналогичные виды ответственности присутствуют только в сознании субъектов уголовно-правовых, гражданских и пр. отношений. Из этого следовало бы заключить, в частности, что, например, уголовная ответственность определяется не нормами уголовного права, а субъективным отношением лица к установленным запретам, что указанная ответственность является не уголовно-правовым институтом, а сугубо внутренним (психическим) переживанием многочисленных субъектов уголовно-правовых отношений. Такой подход по существу означал бы отрицание социально-нормативной природы юридической ответственности и ее отождествление с индивидуальными чувствами, переживаниями, представлениями и прочими явлениями, отражающими состояние и особенности механизма психической регуляции поведения субъектов общественных отношений.

Между тем, юридическая ответственность – это прежде всего особый правовой институт. И в качестве такового она сохраняет все важнейшие свойства права как специфичного регулятора общественных отношений. Она нормативна, формально определена, опирается на возможность принудительного осуществления и т.д. Именно эти (и другие) свойства и позволяют говорить о юридической ответственности как особой разновидности социальной ответственности.

Как и право в целом, юридическая ответственность выражает объективную потребность в сохранении и упрочении такого социального порядка, при котором были бы публично гарантированы, по крайней мере, наиболее важные условия нормальной жизнедеятельности индивида и общества (жизнь, собственность, личная неприкосновенность, определенный государственный строй и пр.). По мере развития общества, его интеллектуального и нравственного взросления, перечень этих условий (благ) меняется. Обновляется и сама юридическая ответственность, наполняясь более цивилизованным и гуманным содержанием и формами реализации. Но в общем и целом юридическая ответственность всегда остается своеобразным форпостом на пути проявления наиболее вредоносных интересов. Она срабатывает в тех случаях, когда отказывают механизмы моральной и иной социальной ответственности и индивидуальный эгоизм выходит за рамки официально допустимых правовых границ, угрожая безопасности других людей, общества, государства. В таких случаях «эта безопасность, не обеспеченная законом нравственным самим по себе, который не существует для людей с преобладающими противообщественными инстинктами, ограждается законом принудительным, который имеет действительную силу и для них» [9, с. 330].

По общему правилу, правовые границы, определяющие сферу индивидуального произвола, настолько очевидны для каждого психически здорового человека, что их понимание и соблюдение вовсе не требует от индивида каких-то сверхъестественных интеллектуальных усилий, особого эмоционально-волевого напряжения и т.д. Для того, чтобы люди не убивали, не насиловали, не грабили и т.д. друг друга, вовсе не обязательно знание соответствующих статей уголовного закона. В некоторых странах и сегодня существует практика осуществления правосудия лицами, не имеющими юридического образования. В известном смысле она используется и

в России в виде суда присяжных. Означает ли это, что правосудие в таких случаях творится юридически безответственными субъектами?

Разумеется, нет. Способность оценивать свое собственное и чужое поведение на предмет его соответствия основополагающим нравственно-правовым императивам отнюдь не является исключительным свойством исключительных людей. Никакой правопорядок не смог бы существовать и развиваться, если бы общество в своей основной массе не разделяло его требований и не претворяло их в жизнь. Поэтому в действительности оказывается, что так называемая позитивная ответственность является отнюдь не исключением, а нормой правовой жизни.

Приступая к регулированию тех или иных общественных отношений, законодатель исходит из того, что большинством граждан устанавливаемые требования будут восприняты положительно. Основанием подобной уверенности является общая позитивная направленность правового регулирования, его нацеленность на достижение определенных социально-полезных результатов. Жизненный опыт, воспитание, существующая практика подсказывают индивиду, что жить в согласии с законом гораздо комфортнее и безопаснее, нежели находиться с ним в постоянном конфликте. Прагматичные мотивы подкрепляются и соответствующими морально-этическими принципами (нарушать взятые обязательства не только невыгодно, но и морально предосудительно, и пр.). Все это ведет в конечном счете к преобладанию в общественном сознании позитивно-правовых установок или, выражаясь другими словами, позитивной ответственности. При этом в юридической сфере, в отличие, например, от нравственности, позитивная ответственность презюмируется. Предполагается, что психически здоровые, достигшие соответствующего возраста члены общества способны адекватно оценивать предъявляемые к ним правовые требования и руководствоваться ими в своем поведении. И если субъект ведет себя правомерно, не причиняет вреда охраняемым законом интересам других лиц, общества, государства, то такого субъекта с правовой точки зрения никак нельзя назвать безответственным. Здесь действует общее правило: *quivis praesumitur bonus donec probetur contrarium* - каждый предполагается честным, пока не доказано обратное. «Заключает ли гражданин договор купли-продажи или иную гражданско-правовую сделку, дает ли потерпевший, свидетель показания, приводит ли истец доказательства в обоснование иска, вступают ли юноша и девушка в брак, во всех случаях они предполагаются добропорядочными, не имеющими дурных помыслов» [10, с. 107].

Известно, что право, определяя границы поведения субъекта, оставляет широкий простор для внутренних проявлений личности. В свое время в отечественной литературе активно пропагандировалась мысль К. Маркса о том, что «помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом». Задолго до К. Маркса на это указывали и многие другие мыслители. В частности, И. Кант подчеркивал, что для права важна легальность, а не моральность поступка. «То законодательство, которое делает поступок долгом, а этот долг также мотивом, есть этическое законодательство; то законодательство, которое не включает это условие в закон и, стало быть, допускает и иной мотив, а не самое идею долга, есть юридическое законодательство» [11, с. 126]. Иными словами, право вовсе не требует (но и не запрещает), чтобы субъект соблюдал Конституцию непременно из уважения к ней как Основному Закону, чтобы он строго следовал предписаниям уголовного, гражданского и иного законодательства, исключительно и только во имя господства этого законодательства и пр. Мотивация поведения в правовой сфере может быть самой разнообразной. Соблюдая Конституцию, субъект в то же время может оценивать ее

предписания как несправедливые, недемократичные, негуманные, выступать с критикой Основного закона, призывая к его пересмотру и пр. Как оценивать подобные умонастроения и действия с позиций позитивной юридической ответственности? И каков объективный критерий подобной оценки? Вопросы эти не столь безобидны, если учесть, что духовная жизнь современного общества весьма многопланова и неоднородна. Разнообразно и правосознание людей. Достаточно вспомнить о делящейся многие годы полемике по поводу Конституции России, в ходе которой выявились взаимоисключающие позиции: в то время как одни называют Конституцию антинародным актом, другие, напротив, считают ее едва ли не венцом правового развития России.

Ценность юридической ответственности, помимо прочего, состоит в том, что она устанавливается за вполне определенные деяния и тем самым ограждает человека от произвольных оценок его помыслов, чувств, намерений, а в конечном счете и самого поведения как позитивно ответственного или безответственного. Пока Раскольников всего лишь рассуждал о «позитивной ответственности» необыкновенных (великих) людей, которые, дескать, не только могут, но и «по совести» обязаны перешагивать через трупы людей обычных во имя осуществления своих идей и замыслов, юридическая ответственность его не касалась. Но как только он от дружеских бесед и журнальных статей перешел к делу и совершил убийство ростовщицы – он вступил в сферу юридической ответственности и наказания. Об этой гарантирующей функции права хорошо сказал С.Соловьев: «Ибо человек должен быть нравственным свободно, а для этого нужно, что бы ему была предоставлена и некоторая свобода быть безнравственным. Право в известных пределах обеспечивает за ним эту свободу, нисколько, впрочем, не склоняя пользоваться ею» [9, с. 331].

Как и другие виды социальной ответственности, юридическая ответственность, конечно, немислима вне живых человеческих индивидов. Это всегда ответственность кого-то перед кем-то на основании чего-то и за что-то. В юридической сфере все эти моменты, как известно, строго формализованы, что является гарантией от произвола и иных злоупотреблений.

Если субъект прекращает свое физическое существование (умирает), то, естественно, прерываются и все живые связи с этим лицом. Тем не менее, из этого обстоятельства было бы неправильно делать вывод, что «с исчезновением последнего, исчезает и его юридическая ответственность» (А.С. Бондарев). В физическом смысле – да, исчезает. В юридическом же смысле ответственность субъекта в некоторых случаях продолжает «жить» и после его физической смерти. Подтверждением этого является институт правопреимства, суть которого в переходе прав и обязанностей от одного лица к другому. Этот институт действует в национальном и международном праве. С известными ограничениями он распространяется и на отношения ответственности. В частности, ст. 1175 ГК РФ закрепляет норму об ответственности наследников по долгам наследодателя.

Понятно, что подобная норма была бы невозможна, если бы юридическая ответственность являлась свойством самого субъекта права. Ясно и то, что слово «ответственность» в данном случае никак нельзя заменить термином «наказание» или его аналогом.

Однако все эти и им подобные затруднения отпадают сами собой, если принять во внимание социально-институциональную природу права и «прямую объективность его задачи», в силу которой, «правдо ставит объективное осуществление своих предписаний выше субъективного в нем участия лица, к которому эти предписания обращены» [12, с. 266].

Юридическая ответственность оказывается при таком взгляде не свойством субъекта права как такового, а свойством тех общественных отношений, которые уре-

гулированы правом и участником которых он является (являясь). Вступая в те или иные правовые отношения, субъект принимает на себя и соответствующую ответственность за надлежащее осуществление своих прав и обязанностей. Потенциально (в виде возможных неблагоприятных последствий), юридическая ответственность сопровождает правоотношение на всем протяжении его существования, являясь его гарантирующим элементом. Реально же она вступает в действие в тех случаях, когда правовые требования нарушаются и тем самым причиняется вред правам и законным интересам других лиц. При этом с точки зрения закона (и управомоченного субъекта), зачастую, вовсе не важно, кто «лично» исполнит то или иное обязательство, например, возместит причиненный ущерб. Важно, чтобы известное обязательство было исполнено и чтобы известное право получило законное удовлетворение.

Можно заметить, что и в сфере уголовно-правовой регуляции вопрос ответственности отнюдь не является личным делом преступника и меньше всего связан с его субъективным отношением к действующему уголовному закону, своим уголовно-правовым обязанностям и правам потерпевшего. Он не властен по своему желанию не только прекратить отношения уголовной ответственности (разумеется, при наличии необходимых законных оснований), но и в индивидуальном порядке возложить ее на себя.

Все это говорит о том, что концепция юридической ответственности как исключительно позитивного свойства субъектов права является односторонней. Она игнорирует объективные свойства права как надличностного (институционального) регулятора и ведет к необоснованной субъективизации отношений юридической ответственности. Между тем, факты личной безответственности отдельных субъектов правовой жизни не только не исключают, но, напротив, закономерно предполагают существование и действие института юридической ответственности в качестве важнейшей гарантии обеспечения правопорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РФ. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон от 16.09.2003 №131-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 2008 год. М., 2008.
2. Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности / под ред. Р. Л. Хачатурова. 2-е изд. СПб., 2004.
3. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002.
4. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд. М., 2009.
5. Липинский Д. А. Юридическая ответственность // Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. А.В. Малько. М., 2012. С. 511-531.
6. Бондарев А. С. Юридическая ответственность – исключительно позитивное свойство субъектов права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 1. С. 133-144.
7. Бондарев А. С. Современные формы, средства и методы воспитания правовой культуры россиян. Пермь, 2009.
8. Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М., 2003.
9. Соловьев В. С. Оправдание добра : Нравственная философия. М., 1996.
10. Бабаев В. К. Правовая система общества // Общая теория права : курс лекций / под общей ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
11. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4 (2). М., 1965.
12. Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. 3-е изд. СПб., 2001.

THE SENSE OF RESPONSIBILITY AND THE OBJECTIVITY OF THE LEGAL ORDER

© 2014

V.A. Rudkovskii, Doctor of Law, Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State
Volgograd State University, Volgograd (Russia)

Annotation: The concept of legal responsibility being an exclusively positive feature of the subjects of law is criticized in the article. The determination of legal responsibility by the objective attributes of law as an institutional regulator of public relations is revealed.

Keywords: law, legal responsibility, sense of responsibility, positive responsibility, negative responsibility, legal order.
УДК 34.0

ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПРАВЕ КАК ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ

© 2014

С.Ю. Суменков, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
«Теория государства и права и политология»
ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», Пенза (Россия)

Аннотация: В статье раскрывается смысл такого феномена как исключение в праве, которые рассматриваются как оценочные понятия во многом зависящие от усмотрения правоприменителя. Автор подчеркивает реальную необходимость исключений в праве, позволяющих обеспечивать оперативность и гибкость правового регулирования. Вместе с тем в статье освещается целый ряд моментов, способных привести к негативному эффекту в случае произвольного оценивания тех или иных факторов как исключений из правил.

Ключевые слова: исключения в праве, оценочное понятие, правоприменительное усмотрение, исключительный случай, нормативный термин.

Уникальность права состоит в том, что оно, объективно предполагая типизацию регламентируемой социальной среды, имеет возможность учитывать неоднородность, многогранность и разносторонность подпадающих под его упорядочивающее воздействие тех или иных ситуаций, процессов, а также субъектов, в них участвующих.

Догмой стало восприятие права в качестве общего, единого для всех регулятора, направленного на унификацию и стандартизацию соответствующих общественных отношений. Соглашаясь с данной точкой зрения, стоит тем не менее реально понимать за счет чего достигается универсальность права, чем можно объяснить всеобщность права, способность адекватно реагировать на неоднозначные и динамичные жизненные казусы.

На наш взгляд, среди ресурсов права, позволяющих адекватно отвечать многообразию окружающей действительности, магистральной является допустимость присутствия в праве такого феномена, как исключение.

Суть исключения в том, что оно санкционирует в некоторых ситуациях или (и) для отдельных лиц отличающиеся от правила вариации поведения. Исключение детерминирует дополнение в правило либо изъятие из него и появление легальной альтернативы последнему. Посредством исключения обеспечивается требуемая гибкость и дифференцированность правового регулирования. В совокупности правило и исключение представляют собой нормативный комплекс, позволяющий достигать максимальной полноты и эффективности выполнения правом своих функций.

Здесь можно только согласиться с С.С. Алексеевым, который пишет о цепочке «из общих правил и исключений, когда законодатель, искусно используя нормативные обобщения и различные порядки регулирования, достигает всестороннего учета многообразных жизненных обстоятельств» [1, с. 240-241].

Упоминание о правилах заслуживает самого пристального внимания, ибо неразрывная связь исключения и правила не только выступает отличительной характеристикой исключений, но и в определенной степени служит детерминантой и оправданием тезиса об их «несамостоятельности».

По нашему мнению, не может быть исключений без правил, равно как и трудно представить существование правила без исключений [2, с. 60-66].

Такая взаимозависимость не означает поглощения одного феномена другим и утраты тем самым собственной функциональной роли какого-либо элемента, составляющего правовую дихотомию.

При этом исключения в праве должны быть обязательным образом отражены в юридических нормах, издаваемых либо санкционируемых государством и охраняемых им от нарушений. Весьма категорично заявляет по данному вопросу С.С. Алексеев: «...исключения не могут предполагаться, они всегда должны быть точно указаны в нормативных актах» [1, с. 202].

Принципиально не затрагивая в настоящий момент особенностей норм, содержащих исключения [3, с. 17-21], хотелось бы отметить следующее.

Именно сосредоточение исключений в нормах права легитимирует исключения; позволяет считать их приемом юридической техники и юридическим средством, предлагающим отличный, иногда прямо противоположный правилу вариант регуляции.

Фиксация исключений в нормах права позволяет солидаризоваться с С.Т.В. Кашаниной, трактующей исключение как прием правотворческой техники [4, с. 192].

Подобное уточнение более чем верно, ибо позволяет не только определить место исключений в арсенале юридической техники, но и проследить генезис исключений и специфику их воздействия на правило.

Здесь, как думается, уместен такой алгоритм: а) исключение возникает за счет правотворчества – в процессе правотворчества создаются нормы, в которых при необходимости закрепляются исключения; б) посредством исключения субъект правотворчества санкционирует изъятие из правила либо дополнение в правило (иногда – совокупность изъятий и дополнений); в) результат применения приема исключения в правотворчестве – появление альтернативной правилу разновидности регулирования.

По нашему мнению, непременным условием нормативного оформления исключения служит обязательное указание на то, что допускаемая корреляция правила выступает именно исключением из него.

С.С. Алексеев по данному поводу вводит в оборот выражение «исчерпывающий перечень». В частности, ученый пишет: «Существенным элементом режима исключений... является категория «исчерпывающий перечень» («перечисленное с полной точностью», по ленинским словам). ...При этом социальный и юридический эффект исчерпывающего перечня проявляется в полной мере тогда, когда он действительно выражен в полном списке обстоятельств, категорий лиц и т.д., списке замкнутом, «с точкой». Иначе на практике могут возникнуть трудности, а значение перечня сведено на нет» [1, с. 203-204].

На наш взгляд, примером такого перечня может слу-

жить ч.3 ст. 12 ФЗ от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [5], в которой в пунктах с первого по шестой детально перечислены исключительные личные обстоятельства, обуславливающие исключения из общих правил.

В то же время исследователь отчетливо понимает всю сложность создания полного списка исключений, где будет детально расписано, что следует считать исключением. Сама природа исключений как нестандартных нормативных предписаний, детерминация их разноплановостью и многообразием регулируемых общественных отношений объективно противостоят абсолютизации их перечисления. «Но здесь достоин внимания, – отмечает в связи с этим С.С. Алексеев, – вот какой момент: при известных обстоятельствах социальный и юридический эффект, характерный для исчерпывающего перечня, может быть достигнут и в случаях, когда он выражен не в полном, замкнутом списке, а в списке открытом, допускающем расширение перечисляемых обстоятельств, вопросов» [1, с. 205].

Таким образом, можно резюмировать следующее: 1) существует необходимость обязательного указания на то, что определенное нормативное предписание выступает в качестве исключения из единого для всех правила; 2) не всегда возможно директивно установить конкретный жизненный фактор, служащий основанием для констатации исключения.

Например, согласно ч. 2 ст. 17 ФЗ от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления или должностные лица, которым направлены обращения Общественной палаты, обязаны проинформировать Общественную палату о результатах рассмотрения соответствующего обращения в течение тридцати дней со дня его регистрации. В исключительных случаях руководитель органа государственной власти, руководитель органа местного самоуправления, должностное лицо либо уполномоченное на то лицо вправе продлить срок рассмотрения указанного обращения не более чем на тридцать дней, уведомив об этом Общественную палату» [6].

Как видно, в данной норме предусмотрена возможность усмотрения исключения из правила (в частности, исключения из правила о сроках рассмотрения запроса Общественной палаты). Для этого соответствующее должностное лицо того органа, в который направлен запрос, оценивая ситуацию как исключительную, принимает властное решение.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: можно ли воспринимать исключение как оценочное понятие, зависящее от усмотрения правоприменителя?

Оценочное понятие – категория, традиционно вызывающая интерес у представителей юридической науки.

На наш взгляд, исключения гармонично сочетаются с оценочными понятиями в силу того, что многие предписания, предусматривающие вероятность исключения, объективно не могут носить конкретизирующего характера и их реализация зависит от оценки компетентного субъекта.

Подобная позиция основывается на примерах из действующего законодательства. В частности, согласно УПК РФ, по уголовному делу, расследование которого представляет особую сложность, срок предварительного следствия свыше 12 месяцев может быть продлен только в исключительных случаях Председателем Следственного комитета Российской Федерации, руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и их заместителями» (ч. 5 ст. 162).

Конституционный Суд РФ, характеризуя конституционность названной нормы, однозначно указал, что употребляемый термин «исключительный случай»

(равно как и «особая сложность») является оценочным понятием, который наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом толкования этих законодательных терминов в правоприменительной практике [7].

Поэтому можно только согласиться с рассуждениями В.Л. Кулапова и Ю.В. Медной, которые, анализируя взаимосвязи оценочных понятий и правоприменительной деятельности, пишут: «Внедрение законодателем указанных понятий в систему права необходимо в связи с тем, что именно они позволяют учесть все конкретные обстоятельства рассматриваемого дела и выбрать применительно к этим обстоятельствам одно из перечисленных в законе или вытекающих из смысла закона решений» [8, с. 88-89].

Именно эта способность признать ту или иную ситуацию как атипичную и нуждающуюся, соответственно, в урегулировании не общим правилом, а исключительным предписанием, непосредственным образом детерминирует восприятие исключения как оценочного понятия.

Например, в ч. 6 ст. 89 Налогового кодекса РФ установлено, что выездная налоговая проверка не может продолжаться более двух месяцев. Указанный срок может быть продлен до четырех месяцев, а в исключительных случаях – до шести месяцев. Основания и порядок признания случая исключительным должны содержаться в соответствующем подзаконном акте.

Данный акт [9] в Приложении № 2 «Основания и порядок продления срока проведения выездной налоговой проверки» устанавливает шесть пунктов, указывающих на условия, при которых выездная проверка может быть продлена. При этом если пункты 1-5 устанавливают конкретные основания продления проверки, то пункт 6 предусматривает весьма неопределенную ситуацию: «иные обстоятельства».

В данном случае необходимость и сроки продления выездной (повторной выездной) налоговой проверки определяются исходя из длительности проверяемого периода, объемов проверяемых и анализируемых документов, количества налогов и сборов, по которым назначена проверка, количества осуществляемых проверяемым лицом видов деятельности, разветвленности организационно-хозяйственной структуры проверяемого лица, сложности технологических процессов и других обстоятельств.

Такая объемная формулировка объясняется невозможностью создания исчерпывающего перечня необычных жизненных случаев. Правильность изложения п. 6 ч. 3 Приложения № 2 (утв. Приказом ФНС России от 25 декабря 2006 г. № САЭ-3-06/892@) подтверждает и судебная практика: «Наличие исключительности ситуации подлежит оценке в каждом конкретном случае в ходе принятия соответствующих правоприменительных решений» [10].

Таким образом, уполномоченный субъект с учетом конкретики того или иного жизненного случая, оценивает последний в качестве нестандартного и принимает властное решение о реализации нормы-исключения.

Тем самым усмотрение, которое является стержневым элементом в конструкции «оценочное понятие», необходимо для констатации исключения из правила. При этом речи идет не просто об оценке: исключение либо нет, но и об обязательном принятии соответствующего решения. Например, ч. 5 ст. 165 УПК РФ фиксирует правомочие следователя в исключительных случаях проводить обыск без санкции суда.

Следователь Городищенского МСО СУ СК РФ по Пензенской области К. вынес постановление и произвел обыск без судебного решения в жилище гр. М в ходе расследования уголовного дела, возбужденного по ч.1 ст.111 УК РФ [11]. Доводы следствия, оценившего данную ситуацию как исключение, заключались в том, что обыск проводился как неотложное следственное действие по уголовному делу о расследовании особо тяж-

кого преступления; необходимость его производства возникла в выходной день, в сельском населенном пункте, значительно удаленном от места нахождения суда; реальную возможность невозможной утраты предметов и вещей, имеющие значение для уголовного дела и возможность гр. М. скрыться от органов следствия. Федеральный суд согласился с оценкой следователя К. в восприятии данной ситуации как исключительного случая [12].

При этом надо особо отметить, такую отличительную черту исключения как наличие правового основания. Оценить в качестве исключения ту или иную ситуацию можно только при указании на такую возможность в норме права. Только реальное присутствие исключений в правовой норме может служить правоммерным основанием их реализации.

Таким образом, характеристика исключения как оценочного понятия базируется на следующих моментах: имплементация исключения в норме права; 2) возможность оценки конкретного жизненного казуса в качестве исключения 3) принятие решения.

Именно юридическое оформление исключения в норме права позволяет воспринимать исключения не только как оценочное понятие, но и как феномен, никоим образом не нарушающий требования права.

При этом стоит учитывать, что в отношении исключений не стоит обязательно увязывать свободу усмотрения их реализации с олицетворением исключениями оценочных понятий.

Далеко не все исключения выступают в качестве оценочных понятий; равно как и не каждое исключение абсолютно зависит от правоприменительного усмотрения¹.

В большей степени оценочность характерна для исключений выраженных в нормативно-правовом термине «исключительный случай» [14, с. 58-67], отчасти в таком юридически значимом словосочетании как «исключительные обстоятельства» [15, с. 91-95]. Что же касается нормативных терминов «за исключением случаев (-ая)» [16, 71-83], «в порядке исключения» [17, с. 101-110], «в виде исключения» [18, с. 22-28] то они могут выступать как оценочные понятия либо прямо определять, что, собственно является исключением из общего правила. В еще большей степени последнее характерно для термина «за исключением» [19, с. 133-136].

В заключении хотелось бы сделать следующие выводы.

Во-первых, исключения в праве – это категория, имеющая место быть в реальном регулировании общественных отношений.

Исключения поразительным образом сочетают в себе абстракцию и конкретику. Именно этот синтез позволяет рассматривать исключение как оценочное понятие: с одной стороны, предельно широкое (ибо нельзя точно указать признаки исключительности случая), а с другой – реальный учет конкретных жизненных фактов, воспринимаемых как исключение.

Исключение в праве – это оценочное понятие, имеющее юридическое значение, поэтому потенциальна вероятность применения исключения, должно должна быть зафиксирована в норме права. Непосредственное значение в правоприменительном процессе исключения

приобретает в правоприменительном акте.

Не все исключения выступают в качестве оценочного понятия. Вместе с тем, бесспорным оценочным понятием являются те исключения, которые выражены в таком термине как «исключительный случай».

Исключения в праве (как оценочные понятия, так и нет) должны подвергаться научному изучению и теоретическому осмыслению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1989. 288 с.
2. Суменков С. Ю. Правила и исключения: философско-правовые основания парности // Философия права. 2010. № 6. С. 60-64.
3. Суменков С. Ю. Норма права как выражение юридических исключений // Российский юридический журнал. 2009. № 2. С. 17-21.
4. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М. : Эксмо, 2007. 512 с.
5. СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.
6. СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.
7. РФ. Конституционный суд. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Катаранова Эдуарда Ринатовича и Трухина Петра Юрьевича на нарушение их конституционных прав частью пятой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение от 16.07.2009 № 985-О-О // СПС «Гарант» (текст Определения официально опубликован не был).
8. Кулапов В. Л., Медная Ю. В. Поднормативное правовое регулирование. Саратов : Изд-во Саратовской государственной академии права, 2009. 200 с.
9. РФ. Федеральная налоговая служба. Об утверждении форм документов, применяемых при проведении и оформлении налоговых проверок; оснований и порядка продления срока проведения выездной налоговой проверки; порядка взаимодействия налоговых органов по выполнению поручений об истребовании документов; требований к составлению акта налоговой проверки : приказ от 25.12.2006 № САЭ-3-06/892 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 13. С. 150.
10. РФ. Высший Арбитражный суд. Решение от 21.07.2010 № ВАС-7688/10 // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).
11. Постановление от 10 февраля 2013 года // Архив Городищенского МСО СУ СК РФ по Пензенской области. Уголовное дело № 12110180.
12. Постановление Городищенского районного суда Пензенской области от 11 февраля 2013 года (б/н) // Архив Городищенского районного суда Пензенской области.
13. СЗ РФ. 2010. № 48. Ст. 6252.
14. Суменков С. Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 58-67.
15. Суменков С. Ю. Исключительные обстоятельства и уважительные причины как факторы проявления исключений из правил // Государство и право. 2011. № 7. С. 91-95.
16. Суменков С. Ю. Понятие «исключение в праве» и проблемы его терминологического выражения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 1. С. 71-82.
17. Суменков С.Ю. Дефиниция «в порядке исключения»: особенности нормативного использования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 1. С. 101-110.
18. Суменков С. Ю. Нормативно-правовой термин «в виде исключения»: юридическая характеристика // Сибирский юридический вестник. 2011. № 3. С. 22-28.
19. Суменков С. Ю. Оговорка «за исключением»: специфика смысловой нагрузки // Проблемы права. 2011. № 1. С. 133-136.

¹ Показательным в этом смысле является п. 1 ст. 6 ФЗ от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [13], согласно которому: «Акты законодательства Российской Федерации о таможенном деле, а также указы Президента Российской Федерации, по становления и распоряжения Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, принятые в соответствии с настоящим Федеральным законом (далее – иные правовые акты Российской Федерации в области таможенного дела), применяются к отношениям, возникшим после дня вступления их в силу, и не имеют обратной силы, за исключением случаев, прямо установленных частью 2 настоящей статьи» (выделено нами. – С.С.). Очевидно, что указанное исключение никак не обозначает оценочного понятия, а также не предоставляет дальнейшей возможности какого-либо правоприменительного усмотрения.

EXCEPTIONS WITHIN LAW AS EVALUATIVE CONCEPTS

© 2014

S. Yu. Sumenkov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of «Theory of State and Law, Political Science»
FGBOU VPO «Penza State University», Penza (Russia)

Annotation: In the article, the author clarifies the sense of such a phenomenon as exceptions within law considered as evaluative concepts depending on the discretion of the law enforcement official in many ways. The author emphasizes the real necessity of exceptions within law that let assure the efficiency and flexibility of legal regulation. At the same time, the article elucidates many moments that can lead to negative effect in case of arbitrary evaluation of some or other factors like exceptions within law.

Keywords: exceptions within law, evaluative concept, law enforcement discretion, exceptional case, regulatory term.

УДК 340.11

ФИНАНСОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014

Р.Р. Хаснутдинов, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин
Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Аннотация: В статье на основе анализа содержания и выполняемых функций финансовой ответственности автор обосновывает ее включение в состав системы юридической ответственности в качестве структурного элемента.

Ключевые слова: структура, система, функциональный, элемент, фокусированный, полезный, результат, юридический, финансовая, ответственность.

При раскрытии системного подхода к юридической ответственности в форме теоретической концепции под названием функциональной системы [16, с. 51-55, 89-90], важное значение имеют структурные исследования, в рамках которых мы выделяем структурные элементы – виды юридической ответственности. Здесь необходимо определить критерий, который дифференцирует юридическую ответственность на виды (структурные элементы), показать самостоятельность каждого выделенного вида юридической ответственности (структурного элемента), а также рассмотреть их на предмет соответствия специфическим особенностям структуры функциональной системы, в целом, и системы юридической ответственности, в частности.

Выделять структурные элементы (компоненты) системы юридической ответственности можно по разным критериям, например, функциональному и целевому критериям, субъективному и субъектному критериям, отраслевому критерию и др. Но более приоритетным в юридической науке считается отраслевой критерий. Так, например, профессор Д.А. Липинский отмечает, что «в рамках такой классификации на основе отраслевого критерия, происходит наиболее крупное, первоначальное деление юридической ответственности. Отраслевой критерий позволяет выявить общие закономерности развития того или иного вида юридической ответственности, определить его юридическую природу, уяснить количество видов юридической ответственности в соответствии с отраслями отечественного права» [9, с. 227, 228]. По мнению профессора С.А. Авакьяна «... каждая отрасль права должна обеспечивать реализацию своих норм собственными средствами, включая меры ответственности. Наличие мер ответственности – это такой же признак отрасли, как «собственные» общественные отношения, «свои» нормы, данные отношения регулирующие» [1, с. 124].

Мы также отдаем предпочтение отраслевому критерию, и в качестве структурных элементов (компонентов) системы юридической ответственности выделяем следующие виды юридической ответственности: конституционную, уголовную, административную, гражданско-правовую, трудовую, финансовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную и гражданско-процессуальную ответственность [17, с. 650-652].

Поскольку в рамках данной работы научно обосновать все выделенные структурные элементы (компоненты) системы юридической ответственности не представ-

ляется возможным, мы рассмотрим финансовую ответственность.

Научное обоснование финансовой ответственности как структурного элемента (компонента) системы юридической ответственности предполагает показать не только состоятельность отраслевого критерия, а еще и соответствие данного вида ответственности специфическим особенностям структуры функциональной системы, в целом, и системы юридической ответственности, в частности.

Анализ юридической литературы последних лет показывает, что финансовая ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности. Правда, в этой части мы сталкиваемся с противоречивой ситуацией, когда одни исследователи пытаются обосновать самостоятельность данного вида юридической ответственности [4, с. 45; 6, с. 181; 12, с. 40; 15, с. 294; 17, с. 747-768; 18], а другие – напротив, опровергают эту позицию, считая финансовую ответственность разновидностью административной ответственности [5, с. 34; 7, с. 190; 8, с. 7]. Однако это противоречие разрешается, если мы обращаемся к исследованиям Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского. Признавая, что финансовая ответственность изначально «зародилась в рамках административной, а ее выделение и обособление стало закономерным итогом развития общественных отношений и законодательства», они выступают «против самостоятельности так называемых «валютной», «бюджетной», «банковской» и «налоговой» ответственности. Ответственность в сфере бюджетных, валютных, налоговых, банковских отношений, - утверждаю они, - не самостоятельные виды юридической ответственности, а разновидности финансовой» [17, с. 748]. А.А. Мусаткина также придерживается позиции о том, что «финансовая ответственность» включает в себя такие разновидности как налоговая, бюджетная, банковская и валютная [10, с. 19].

О финансовой ответственности говорят и другие ученые. Так, например, в обоснование самостоятельности финансовой ответственности Н.А. Саггарова пишет, что специфика финансово-правовой ответственности проявляется наиболее ярко в особенностях финансового правонарушения и финансово-правовых санкций. Выделение финансово-правовой ответственности как самостоятельного вида ответственности обусловлено особенностью правовой природы соответствующего правонарушения, отличной от природы административ-

ного, уголовного или гражданско-правового. Это означает, что финансовому правонарушению присущи признаки, которые в совокупности позволяют утверждать, что совершение такого правонарушения повлечет не административную, не уголовную и не гражданско-правовую, а именно финансово-правовую ответственность как разновидность юридической ответственности [13, с. 325]. А.З. Арсланбекова, раскрывая правовую природу финансово-правовой ответственности, обосновывает ее отличие от административной ответственности аж по двенадцати пунктам [2, с. 151-153].

Финансовую же ответственность в числе иных видов юридической ответственности позволяют выделить следующие критерии: во-первых, «самостоятельность соответствующей отрасли права»; во-вторых, «специфика регулируемых общественных отношений»; в-третьих, «самостоятельность и специфика финансового правонарушения»; в-четвертых, «отличительные особенности мер финансовой ответственности и особый порядок их применения»; в-пятых, «состав субъектов, наделенных правом применять меры финансовой ответственности» [17, с. 753].

Есть, конечно, и другие мнения [3, с. 25; 14, с. 93-95], но и приведенных вполне достаточно, чтобы признать объективность и обоснованность выделения финансовой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности, что вполне соответствует реалиям современной действительности.

Финансовая ответственность, являясь самостоятельным видом юридической ответственности, может войти в состав системы юридической ответственности в качестве структурного элемента (компонента), но при условии ее соответствия специфическим особенностям структуры функциональной системы, в целом, и системы юридической ответственности, в частности. Поскольку основу данных специфических особенностей составляет центральное организующее влияние фокусированного полезного результата функциональной системы и системы юридической ответственности соответственно, то главным условием указанного соответствия будет возможность подчинения финансовой ответственности фокусированному полезному результату, формулируемому в соответствии с государственной правовой политикой. В качестве фокусированного полезного результата системы юридической ответственности, мы сформулировали обеспечение уровня правонарушений, соответствующего оптимальному функционированию демократического правового социального государства [5., с. 51-52, 79-80, 90].

Аргументом в пользу соответствия такому фокусированному полезному результату системы юридической ответственности могут служить выполняемые финансовой ответственностью функции. Под функциями финансовой ответственности понимаются ее основные направления воздействия на финансовые отношения, в которых проявляется ее социальное назначение и через которые достигаются цели финансовой ответственности [11, с. 164].

Финансовая ответственность выполняет пять функций. Первая из них - регулятивная функция, осуществляющаяся «посредством формулирования обязанностей, составов правомерного поведения субъектов». Вторая функция финансовой ответственности - превентивная. Она направлена на минимизацию налоговых правонарушений. Третья функция - карательная. Способы ее осуществления достаточно разнообразны, например, к нарушителям финансового законодательства могут быть применены следующие меры: предупреждение о ненадлежащем исполнении бюджетного процесса; блокировка расходов; изъятие бюджетных средств; наложение штрафа; и др. Четвертая функция - восстановительная. Здесь следует заметить, что восстановительное воздействие имеет несколько аспектов, к примеру, принуждение финансового правонарушителя к право-

мерному поведению, приводящее в конечном итоге, «к стабилизации нарушенных общественных отношений». Последняя функция финансовой ответственности - воспитательная. Несмотря на то, что ее осуществление представляется довольно проблематичным, «необходимость правового воспитания налогоплательщиков очевидна». Правда, правовое воспитание налогоплательщиков «может эффективно осуществляться только при условии справедливости самого налогового законодательства» [17, с. 753, 756, 758, 762, 766, 767].

Таким образом, из представленного материала видно, что финансовая ответственность, с одной стороны, является самостоятельным видом юридической ответственности, а с другой - в силу своего содержания, точнее, выполняемых функций, может быть подчинена фокусированному полезному результату системы юридической ответственности, формулируемому в соответствии с государственной правовой политикой. Эти аргументы становятся основанием, чтобы считать финансовую ответственность структурным элементом (компонентом) системы юридической ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С. А. Проблемы конституционно-правовой ответственности (по материалам конференции на юридическом факультете) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2000. № 3. С. 124-134.
2. Арсланбекова А. З. О месте финансово-правовой ответственности в системе юридической ответственности // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. Вып. 2. С. 148-154.
3. Другова Ю. В. Ответственность за нарушения бюджетного законодательства // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 18-26.
4. Емельянов А. С. Меры финансово-правового принуждения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 6. С. 42-56.
5. Зимин А. В. Специфика налоговой ответственности российских организаций // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 6. С. 33-41.
6. Карасева М. В. Финансовое право. Общая часть : учебник. М. : Юристъ, 1999. 252 с.
7. Ковалюнас Д. А. О некоторых проблемах порядка применения административно-правовых санкций // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 1998. Вып. 1.
8. Кузмичева Г. А., Калинина Л. А. Административная ответственность. М. : Юриспруденция, 2000. 464 с.
9. Липинский Д. А. Виды юридической ответственности и особенности их функционирования // Антология юридической ответственности : в 5 т. Т. 1. Самара : Ас Гард, 2012. 544 с.
10. Мусаткина А. А. Финансовая ответственность в системе юридической ответственности : монография. Тольятти : Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2003. 179 с.
11. Мусаткина А. А. О воспитательной и превентивной функциях финансовой ответственности // Право и образование. 2005. № 3. С. 164-171.
12. Пинигин В. А. Ответственность налогоплательщиков // Бухгалтерский учет. 1998. № 8. С. 40.
13. Саттарова Н. А. Принуждение в финансовом праве. М. : Юрлитинформ, 2006. 389 с.
14. Степанова В. В. Финансово-правовая ответственность - самостоятельный вид юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 93-95.
15. Финансовое право / под ред. Н. И. Химичевой. М. : Юристъ, 2000. 600 с.
16. Хаснутдинов Р. Р. Проблемы методологии системного подхода к юридической ответственности : монография. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2012. 110 с.

17. Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности : монография. СПб. : Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.

18. Юстус О. И. Финансово-правовая ответственность налогоплательщиков – организаций : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1997. 179 с.

FINANCIAL RESPONSIBILITY AS ELEMENTS OF LEGAL LIABILITY

© 2014

R.R. Hasnutdinov, PhD, Associate Professor, Deputy Head of the Department of State and legal disciplines
Samara the Legal logical Institute FSIN of Russia, Samara (Russia)

Annotation: In this paper, based on analysis of the content and functions of financial responsibility by justifying its inclusion in the co-becoming the system of legal responsibility as a structural element.

Keywords: structure, system, functional, element, focus Rowan, a useful result, legal, financial, and responsibility.

НАШИ АВТОРЫ

Андреева Наталья Ивановна, магистрант кафедры «Гражданское право и процесс»

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 59.

Тел.: (8482) 53-94-29

E-mail: pajdukova@mail.ru

Безрукова Олеся Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право»

Адрес: Пензенский государственный университет, 440026, Россия, Пенза, ул. Красная, 40

Тел.: (8412) 36-80-45

E-mail: olesia_8013-10@mail.ru

Белоусов Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, проректор по науке

Адрес: Саратовская государственная юридическая академия, 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104.

E-mail: sgar.ru

Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и трудового права

Адрес: Тольяттинский государственный университет, Россия 445667, Тольятти, улица Ушакова, 57.

Тел.: 8 (8482) 53-63-91

E-mail: pravo.66@mail.ru

Исаков Николай Васильевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Теории и истории государства и права»

Адрес: Филиал Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, 357500, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. 40 лет Октября, 56.

Тел.: (88793) 335168

E-mail: decanpetrovich@mail.ru

Карханина Людмила Владимировна, курсант 4 курса

Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, д. 24 «в».

Тел.: 89871507205

E-mail: rain1310@bk.ru

Кустов Юрий Андреевич, доктор педагогических наук, профессор кафедры «Педагогика и методики преподавания»

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 53-92-67

Лившиц Юрий Анатольевич, директор гуманитарно-педагогического института

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 53-95-55

E-mail: yurij-livshic@yandex.ru

Мазуренко Андрей Петрович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теории и истории государства и права»

Адрес: Филиал Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, 357500, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. 40 лет Октября, 56.

Тел.: (88793) 335168

E-mail: decanpetrovich@mail.ru

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права

Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24 «В»

Тел.: 8-927-296-6718

E-mail: desmandado@yandex.ru

Романовская Ольга Валентиновна, доктор юридических наук, профессор кафедры «Частное и публичное право»

Адрес: Пензенский государственный университет, 440026, Россия, Пенза, ул. Красная, 40

Тел.: (8412) 36-80-45

E-mail: vlad93@sura.ru

Романовский Георгий Борисович, доктор юридических наук, заведующий кафедрой «Уголовное право»

Адрес: Пензенский государственный университет, 440026, Россия, Пенза, ул. Красная, 40

Тел.: (8412) 36-80-45

E-mail: vlad93@sura.ru

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, начальник Самарского юридического института ФСИН России

Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24 «В»

Тел.: (846) 205-67-01

E-mail: romashov_tgp@mail.ru

Рубаник Владимир Евдокимович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права.

Адрес: Финансовый университет при Правительстве РФ, 125993, ГСП-3, Москва, Ленинградский проспект, 49.

E-mail: academy@fa.ru

Рудковский Виктор Анатольевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградского государственного университета

Адрес: Волгоградский государственный университет, 400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Тел.: 8(8442)66-04-70

E-mail: rudk-viktor@yandex.ru

Суменков Сергей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория государства и права и политология»

Адрес: ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», 440017, г. Пенза, ул. Красная, 40.

Тел.: (8412) 36-80-22

E-mail: sumenkov@bk.ru

Хаснутдинов Ренат Рафаильевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин

Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24 «В»

Тел.: 8(846) 2600674, 89063417576

E-mail: Khasnutdinoff@mail.ru

OUR AUTHORS

Andreeva Natalia Ivanovna, undergraduate department «Civil Law and Procedure»
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, str. Ushakova, 59.
Tel.: (8482) 53-94-29
E-mail: pajdukova@mail.ru

Belousov Sergey Aleksandrovich, PhD, Associate Professor, Vice-Rector for Science
Address: Saratov State Academy of Law, 410056, Saratov, ul. Chernyshevsky, 104.
E-mail: sgap.ru

Bezrukova Olesya Vladimirovna, candidate of law science, associate professor of the chair «Criminal law»
Address: Penza state University, 440026, Russia, Penza, street Red, 40
Tel.: (8412) 36-80-45
E-mail: olesia_8013-10@mail.ru

Goghin Alexander Aleksandrovich, LL.D., Associate Professor, Department of Business and labor law
Address: Togliatti State University, 445667, Togliatti, Ushakov, 57.
Tel.: 8 (8482) 53-63-91
E-mail: pravo.66@mail.ru

Hasnutdinov Renat Rafailevich, PhD, Associate Professor, Deputy Head of the Department of State and legal disciplines
Address: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service (FPS) of Russia, 443022, Russia, Samara, street Rylsky, 24 “V”
Tel.: 8 (846) 2600674, 89063417576
E-mail: Khasnutdinoff@mail.ru

Isakov Nikolai Vasilyevich, Doctor of Law, Professor, professor of the chair “Theory and History of State and Law”
Address: Branch of the North Caucasus Federal University in Pyatigorsk, 357500, Russia, Stavropol Territory, Pyatigorsk, st. 40 October, 56.
Tel.: (88793) 335168
E-mail: decanpetrovich@mail.ru

Karhanina Lyudmila Vladimirovna, a 4th year student
Address: Samara Law Institute FSIN of Russia, 443022, Russia, Samara, ul. Rylskaya, d. 24 “v”.
Tel.: 89871507205
E-mail: rain1310@bk.ru

Kustov Yuriy Anatolyevich, doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department “Pedagogy and methods teaching”
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, st. Belarusian, 14.
Tel.: (8482) 53-92-67

Livshits Yuriy Anatolyevich, Director of Humanitarian Pedagogical Institute
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, st. Belarusian, 14.
Tel.: (8482) 53-95-55
E-mail: yurij-livshic@yandex.ru

Mazurenko Andrei Petrovich, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the chair “Theory and History of State and Law”
Address: Branch of the North Caucasus Federal University in Pyatigorsk, 357500, Russia, Stavropol Territory, Pyatigorsk, st. 40 October, 56.
Tel.: (88793) 335168
E-mail: decanpetrovich@mail.ru

Ospennikov Yuri Vladimirovich, doctor of Law, professor of the department of the theory and history of state and law
Address: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service (FPS) of Russia, 443022, Russia, Samara, street Rylsky, 24 “V”
Tel.: 8-927-296-6718
E-mail: desmandado@yandex.ru

Romanovskaya Olga Valentinovna, doctor of law science, professor of the chair «Private and public law»
Address: Penza state University, 440026, Russia, Penza, street Red, 40
Tel.: (8412) 36-80-45
E-mail: vlad93@sura.ru

Romanovsky George Borisovich, doctor of law science, head of the chair «Criminal law»
Address: Penza state University, 440026, Russia, Penza, street Red, 40
Tel.: (8412) 36-80-45
E-mail: vlad93@sura.ru

Romashov Roman Anatolevich, doctor of law, professor, honored scientist of Russia, The chief of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary System of Russia
Address: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service (FPS) of Russia, 443022, Russia, Samara, street Rylsky, 24 “V”
Tel.: (846) 205-67-01
E-mail: romashov_tgp@mail.ru

Rubanik Vladimir Evdokimovich, Doctor of Law, Professor of Theory and History of State and Law.
Address: Financial University under the Government of the Russian Federation, 125993, GSP-3, Moscow, Leningrad Prospect, 49.
E-mail: academy@fa.ru

Rudkovsky Victor Anatolievich, Doctor of juridical sciences, Professor, Department of Theory and History of Law and State, Volgograd State University
Address: Volgograd State University, 400062, Volgograd, Prospect Universitetsky, 100.
Tel.: 8(8442)66-04-70
E-mail: rudk-viktor@yandex.ru

Sumenkov Sergey Yurievich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of “Theory of State and Law, Political Science”
Address: FGBOU VPO «Penza State University», 440017, Russia, Penza, Krasnaya street, 40.
Tel.: (8412) 36-80-22
E-mail: sumenkov@bk.ru